

На боевом посту

ЖУРНАЛ

БП

3'91

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Почему Указ разоружиться — не указ

О «Триумфе и трагедии» Д. Волкогонов

Питер Чейни. Голубой дракон

■ Всегда найдется для воинов теплое слово и добрая улыбка у капитана медицинской службы Ирины Владимировны Лузиной (на снимке слева).

■ Подруги-неразлучницы сержант Надежда Игошина и младший сержант Елена Трутнева.

ФОТО
А. АЛЕКСАНДРОВА.

е Праздником,
милые женщины!
счастья, любви
вам!

За нашу Советскую Родину!

на
боевом
посту **СП**

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

3'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.
Редакционная
коллегия:
В. В. АСТАШИН,
В. В. АФАНАСЬЕВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
В. П. ВОРОЖЦОВ,
Ю. В. ДУРНЕВ,
Э. В. КАЛАЧЕВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Н. П. КУЗЬМИН,
В. В. МУРАТОВ,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н. Н. ПРОКОПЕНКО,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
Л. Л. СМЕРНОВ,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. С. ФРОЛОВ,
В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ: приемы нападе-
ния и защиты отрабатывают
младший сержант В. Сафо-
нов и курсант С. Рыков.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

Вряд ли кто сумеет коротко ответить на вопрос: что должен знать и уметь современный офицер! С первого выстрела угодить в «десятку» и не оплошать в жаркой дискуссии, блеснув эрудицией, пригласить девушку на тур вальса и умело провести рекогносцировку в горах... Все эти премудрости можно постигнуть в стенах Пермского высшего военного командного училища внутренних войск МВД СССР. И еще многое другое, если, конечно, офицерская служба — ваше призвание.

■ И в классе, и на лыжной трассе младший сержант В. Сальников — первый.

■ «Террористу» явно не повезло. Впрочем, суть не в его невезении, а в высокой выучке курсантов.

■ Одно дело — подняться курсанту по команде в атаку и совсем другое — грамотно, по всем правилам тактики организовать бой.

КАК ЖИВЕШЬ, УЧИЛИЩЕ?

ПОДВИГУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Имя героя — Александр Мороз.
Звание — сержант.
Место рождения — д. А. А. А.
Место смерти — д. А. А. А.
Место захоронения — д. А. А. А.

Говорят, время лечит. Отчего же на наших часах оно такое безжалостное! Кажется, в их механизме по чьей-то злой воле шестеренки стали тяжелыми жерновами, в прах перемалывающими людские надежды и чаяния.

Разве не надеждой, разве не верой и любовью жила семья капитана Сергея Осетрова — жена Елена, мать Мария Константиновна, сын и дочурка (на снимке), ожидая его из далекой и опасной командировки в Закавказье. Он не вернулся из черного января под Азадом, неизбывным горем переполнившего сердца родных.

Вместе с Осетровым бой, очерк о котором был опубликован в № 9—90 г. журнала, приняли сфрейтср Александр Мороз, рядовые Вячеслав Федотов и Алексей Прижимкин. Все они посмертно награждены орденом Красной Звезды.

Боль... Может ли вылечить ее время, пропахшее враждой и тревогой, окрашенное кровью и освещаемое пожарами межнациональных распрей!

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

УШАР А. Приговоренные к разоружению 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Забастовка... в роте 24
Возвращаясь к напечатанному: «Отверженные» 30
АБДУВАСИКОВ А. Мы против республиканских «национальных армий» 37
ГУРОВ А. «Рынок породит криминальный шок» 34
ЯСТРЕБА В. Сватовство поневоле (фельетон) 38
Письма читателей 41

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ИГНАТЬЕВА М. На круги своя (отрывок из поэмы) 9
АГАДЖАНЫН С. Звезды на зеленом поле (фрагменты из жизни офицера) 10
ЧЕЙНИ П. Голубой дракон (роман, начало) 65
НЕТЛЕВСКАЯ Н., БУТОРИНА Е. Стихи 90

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ЛИТОВ В. Метят в Сталина, стреляют в Ленина (полемические заметки) 43
КУЗЬМИН Н. «Что им даст мое убийство?» 56
БОБРЕНЕВ В., ДУРНЕВ Ю. Кто скрывался в песках? 60

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Между нами, жекщинами 91
ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 93
СЕВОДНЯЕВ В. О жизни собачьей: советы специалиста 95
Клуб знакомств «Возможна встреча» 96

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ Одна из групп, в которой были токарь Власенко и слесарь Черных, пошла к компрессорной и включила заводской гудок. Другая группа отправилась по цехам с призывом начать забастовку. Цеховой художник Коротеев написал плакаты: «Дайте мясо, масло!», «Нам нужны квартиры!»

«Круглый стол» редакции.
«Жаркий июнь Новочеркасска».

■ Была пущена в ход едкая шутка: «Включи электрический утюг, и услышишь про Ленина...» Даже клюква в сахаре вышускалась с юбилейной надписью. Эта неуменная пропагандистская кампания, последовавшая за хрущевской профанацией коммунистической идеи, могла дать только горькие плоды.

Ричард КОСОЛАПОВ.
«Ленинизм: реквием не понадобится».

■ Межнациональные конфликты в стране приобрели характер цепной реакции. Не успевает пламя распрей утихнуть в одном месте, как с небывалой силой вспыхивает в другом. Намагганская трагедия, взрывоопасная обстановка в Южной Осетии и Прибалтике — о событиях в этих регионах материалы наших корреспондентов.

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

Адрес редакции:
111250, Москва, Е-250.
Телефоны:
секретариата — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-80.

Художественное оформление
Е. К. Селиковой,
Э. П. Копылова.
Технический редактор
И. В. Володина.
Корректоры
Е. Ю. Гаарилова,
И. Ю. Семибратова.

Редакция может не разделять точки зрения авторов ряда статей, публикуемых в порядке обсуждения.

Сдано в набор 5.01.91 г.
Формат бумаги 70×108/16.
Уч.-изд. л. 133.
Усл. печ. л. 84+1 вкл.
1/4 п. л.
Подписано к печати
1.03.91 г.
Цена 90 коп.
Зак. № 253.
Тираж 115000 экз.

Ордена «Знак Почета»
типография
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317.
Хорошевское шоссе, 38.

ПРИГОВОРЕННЫЕ К РАЗОРУЖЕНИЮ,

ИЛИ ПОЧЕМУ УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СССР НЕ УКАЗ

БАРАБАННЫЙ БОЙ ДЛЯ ГЛУХИХ

Н А УЛИЦЕ Туманяна, почти в самом центре Степанакерта, неподалеку от грязной почлежки, незаслуженно именуемой гостиницей «Карабах» — редкая аллея вдоль дороги: ветвистые деревья с густыми гривами крон. Между двумя из них, стройными, по-южному пышными — сухой и пыльный, почерневший от времени ствол. Чужой он здесь. Дует ли ветер с запада или с востока, разлапистые соседки с одинаковой силой безжалостно хлещут по стволу то слева, то справа. Хлещут, теряя ветки и листья, но с неослабевающим упорством, послушные воле стихии. Скрипит ствол, истерзанный, избитый, измученный. Скрипит под напором ветра, но держится. Совсем не красит он аккуратную, ухоженную аллею, пожалуй, наоборот, но не будь его — друг друга хлестали бы ветвями деревья. Простая, как яйцо, диалектика.

Так и внутренние войска, прописавшиеся в НКАО по приказу правительства: сухим негибачем карагачом стоит они между соседними республиками. И лупцуют их с двух сторон с удивительным постоянством (да еще сверху, из Центра, порывят достать) — в какую бы сторону ни дул ветер.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА

Рассказывают, что на традиционный вопрос очередного столичного гостя: «Как обстановка?» — комендант района чрезвычайного положения в НКАО генерал-майор В. Сафонов однажды ответил так: «Оказавшись впервые в Карабахе, ничего понять не можешь — это естественно. Немного послужишь, и кое-что начинает проясняться. А когда полностью освоишься — в голове окончательно все перемешивается, каша. Не пугайтесь, это значит, что вы наконец-то вникли в здешнюю обстановку...»

Точнее не скажешь. Парадоксально, что офицеры не только частей и подразделений, но и комендатуры, то бишь верхнего эшелона, вкальзывающие как проклятые,

по мере адаптации начинают терять ориентиры, сбиваются с курса. И вопрос о цели их пребывания здесь становится для многих мучительно неразрешимым. Им стараются не задаваться, отгораживаясь от реалий привычным «надо».

Вот и Указ о запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения — в ряду этих «надо». Грозная, звучная вывеска и... только. Барабанный бой для безнадежно глухих. А помнится, как ликовали новоявленные демократы самого пестрого толка, тыча пальцами в пахнущие свежей типографской краской газетные листы с твердым словом Президента: вот, оказывается, простое решение сложной задачи обеспечения общественной безопасности небывалой в истории общности людей — советского народа. Теперь-то, думали они в силу свойственной либералам наивности, наверняка все террористы и экстремисты, ознакомившись с высочайшим вердиктом, устыдятся своей преступной деятельности. И стройными рядами прошествуют к райотделам, дабы избавиться себя от смертоносных стволов различного калибра, а граждан от липкого страха быть убиенными на пути к правовому государству не за понюх дефицитного табаку. Ведь на это, пожалуй, и был рассчитан Указ — на природную сознательность, совестливость разномастных убийц. А они не подчинились.

Что ж, не унывали оптимисты, не беда, в Указе и на сей экстремный случай пункт предусмотрен, обязавший МВД и КГБ «обеспечить изъятие... оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, техники и другого военного имущества».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА

21-е. Канун очередной большой «охоты» за оружием экстремистов. Наприсялся на разведку. Любопытное совпадение: на сегодняшнем листке отрывного календаря под рубрикой «краткий политегловарь» объясняется значение термина «экстремизм». Итак, это — «приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике». Да уж, крови пролито предостаточно, хотя, что касается «преимущественно политики», уверен, многие из тех, кто нажимает на спусковой крючок, смсылят в ней не больше, чем в космонавтике...

Уже перед самым отъездом кто-то из офицеров, кажется, полковник А. Поднесенский, взял в руки ксерокопию Указа, коих в комендатуре немало. Прочитал вслух: «Если действия указанных вооруженных формирований представляют угрозу безопасности населения и государства, министр внутренних дел СССР вправе использовать внутренние войска...» И, то ли размыслив, то ли спрашивая, произнес: «Интересно, кого одолевали сомнения? Впрочем, поехали...»

НЕПОСЛУШНЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ

НЕУЖТО действительно серьезно прогнозировалось, что «действия указанных вооруженных формирований» не будут представлять «угрозу безопасности населения и государства»? И это минувшим летом, ставшим последним для многих, втянутых в гибельный водоворот межнациональных распрей? Может быть, Президент, озбоченный международной миротворческой деятельностью, недостаточно информирован о кровопролитных событиях, который год лихорадящих Закавказье? А иначе как объяснить, почему этот Указ появился в июле 90-го, а не в июле 88-го.

Хотя, если начистоту, то и в 88-м году он, вероятно, погоды бы не сделал. Изначально нужны были не громкие лозунги попеременно с обнадеживающими заверениями и, безусловно, не пустые угрозы с высоких трибун. Не решали проблемы и мелкие, локальные акции войск, требовалась широкомасштабная операция (и это не мое личное, а обобщенное мнение тех, с кем довелось побеседовать в НКАО) с привлечением подразделений Министерства обороны СССР для изъятия оружия в частности и ликвидации тогда еще слабых вооруженных формирований в целом. Сейчас? Наверно, уже поздно: не только на географических картах, но и на местности появились реальные границы между республиками когда-то «семьи единой». Боевики ощутили себя (можно доподлинно установить в каждом конкретном случае, с чьей именно санкцией) чуть ли не национальной гвардией, сражающейся за интересы народа, свободу и независимость нации. Поди подступись.

А как же Указ Президента? Объявив о суверенитете, некоторые республики поспешили подтвердить право на обеспечение собственной безопасности своим «ограниченным контингентом». Нравится нам это или нет, но мы не можем отрицать, что подобные контрмеры (как ни поразительно, перечеркнувшие Указ) — по существу противоправные акции на пути зарождающейся государственности в республиках, вкисивших плоды не такой уж, как оказалось, сладкой свободы. Ужасно другое: создаются эти формирования зачастую на крови солдат других национальностей, призванных в конституционном порядке для прохождения службы, украденном у них оружии и награбленном имуществе. Да и комплекуются порой как самые примитивные банды.

Но уж, конечно, не республики бросили первую горсть земли на могилу Ука-

за. Он не мог умереть, ибо не жил никогда. Я не могу согласиться с терминологией профессора Юрия Афанасьева, выступившего с очередной «ругательной» статьей в журнале «Век XX и мир», как и не могу разделить его откровенную враждебность любым акциям Центра без каких-либо скидок на ситуацию, но в одном он, на мой взгляд, безусловно, прав: вряд ли подобные меры способствуют укреплению Союза. Скорее, они «вызывают радикализацию националистических движений в республиках...». И президентский Указ — это стон человека, на глазах у которого разваливается когда-то дружная семья, рушится еще недавно прочный кров. И нет этому конца, пока политические, парламентские меры в державе подменяются вооруженной силой: «Если действия указанных вооруженных формирований представляют угрозу безопасности...».

ИЗ СООБЩЕНИЯ КОМЕНДАНТА РАЙОНА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ:

«В ходе проведенной специальной операции в н. п. Норагюх Аскеранского района изъяты автомобиль «ЗИЛ-130», находящийся в розыске, артиллерийский прицел, одежда и палатки военного образца, наркотические вещества... В н. п. Дудучи Гадрутского района задержано 13 боевиков. У них изъято 3 автомата Калашникова, автоматы серийного производства — 4 шт., 3 винтовки, наган, охотничьи ружья с патронами, 2 самодельных гранатомета и 10 выстрелов к ним, бинокль, 3 радиостанции, 11 гранат, химические взрыватели в количестве 11 штук, 5 магазинов к АКМ с боеприпасами, 5 сигнальных ракет, более 1000 патронов, значительное количество военной формы одежды... Боевики от добровольной сдачи оружия отказались. Участвующим в операции военнослужащим было оказано вооруженное и физическое сопротивление...».

НЕ ПОСЛУШАЛИСЬ призывов Президента боевики с гранатометами на плечах и автоматами наперевес. Не пожелали в пятнадцатидневный срок явиться с повинной и сдать оружие. К счастью, искусство политики не исключает компромиссов и пролонгаций. И Президент постановил: «Продлить на два месяца срок добровольной сдачи незаконными вооруженными формированиями оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, боевой техники и иного военного имущества...» Постановление стало по сути некрологом Указу.

Прошло ровно два отпущенных месяца, как «в направлении н. п. Туг Гадрутского района с близлежащей горы было произведено 2 выстрела неуправляемыми реактивными снарядами(!). Один снаряд разорвался недалеко от поста внутренних войск. Одновременно велся обстрел из автоматического оружия... Подверглось обстрелу из самодельного

миномета караульное помещение комендатуры н. п. Киркиджан... С высоты, прилегающей к н. п. Джамили Аскеранского района, был пущен автомобильный скат, начиненный взрывчаткой промышленного изготовления в количестве 30 килограммов, на жинье дома этого поселка. К счастью, взрывное устройство не сработало» (ИЗ СООБЩЕНИЯ КОМЕНДАНТА РАЙОНА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ).

Вот таким совсем не праздничным фейерверком вознамерились отметить боевики истечение срока действия президентского Указа. Впрочем, все это не более, чем досужие домыслы: не стоит обольщаться — никто и не вспомнил (или старательно забыл?) об Указе в верхах. И в низах тоже. Последнее подтверждают те, на чьи плечи возложена организация и проведение операций по изъятию оружия и расформированию бандитских групп.

ПОЛКОВНИК В. КУЗНЕЦОВ, ВРИО НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОМЕНДАТУРЫ: «Указ? О нем и речи нет. Я только беспокоюсь, чтобы оружие не обернулось против солдат и мирных жителей.

Что нас ждет впереди? Вот это вопрос! Абсолютно неясна конечная цель. Нет стратегической линии деятельности. А если и известна она кому-то, то ее весьма умело скрывают от нас, непосредственных исполнителей. Помните, по правилам военного искусства, организуя наступление, я должен четко знать ближайшую задачу, последующую и задачу дня? Имея только задачу дня, я уж как-нибудь «отщипнул» бы от нее ближайшую и последующую. Однако ее нет, и потому первые две в конечном счете лишены смысла.

Но нашего солдата надо ставить в красный угол и молиться ему, не жалея лба. За мужество. За самопожертвование. За долготерпение, наконец. Ведь как бы мы ни лезли из кожи вон — все равно «варвары» и «фашисты». Потому что дело упирается в Центр.

Я боюсь, что настанет время, когда нас вздумают пригвоздить к позорному столбу, как пытаются это сделать с афганцами: «Был в Карабахе? К ответу!»

МАЙОР М. КУТЕПОВ, ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОМЕНДАТУРЫ: «Я возглавлял одну из групп в последней (а сколько их еще предстоит?) операции по изъятию оружия у этих подонков. Доволен ли результатами? И да, и нет. Да, если учитывать, сколько жизней мог унести каждый ствол. Но нет, если понимать: то, что мы делаем — мышиная возня. И то, что берем — капля в море, не стоящая жизнью тех парней, которых теряем. Ладно, я — офицер, это моя профессия, но солдат-то за что?

Нужен четкий, конкретный приказ о разоружении, коли правительство и цар-

ламент не способны к политическим решениям и дальше говорить не идут, и нужен недвусмысленный механизм его выполнения. Механизм, понятный самому безграмотному пастуху из отдаленного селения. В том, что мы имеем сейчас — сам черт ногу сломит».

МАЙОР А. ГРИБ, ОФИЦЕР ГРУППЫ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ: «Происходящее — или авантюра, или большая политическая игра, в которой мы, военные — на второстепенных ролях. Ладно, пусть мы выполняем волю правительства, волю государства, а боевики — вне закона. Тогда почему автоматы, которые изъяти недавно у армян, заводского изготовления? Не армейские, но и не кустарные — промышленного производства. Были при них и гранатометы с выстрелами, изготовленными в заводских условиях. Местные ли это банды, состоящие из заблудших овец, одурманенных угаром национализма, если их централизованно снабжают оружием заводы? Где эти заводы? По какому праву они работают? Вот где таятся корни зла: мы противостоим не мелким, разрозненным группам, а мощным структурам, у которых есть и средства, и, что особенно характерно, власть.

Да, обеспечиваем безопасность. По мере сил и возможностей. Но к каждому дому в селе войсковой наряд не приставишь. Изымаем мизер, а прилагаем большие усилия, рискуем жизнями солдат. Оружия же меньше не становится. По закону сообщающихся сосудов. Вряд ли удастся перекрыть каналы его поступления. Да и глупо тратить на это время и средства. Решать межнациональный конфликт силой оружия — то же, что лечить раковую опухоль лекцией о вреде курения.

Указ Президента? Он, как и любой закон, должен быть экономически и политически обеспечен. А почему бы не издать завтра указ о введении коммунизма? Тот же эффект. Мы даже не знаем, что происходит с теми, у кого изымают оружие. Население? Думаю, знает, коли не боится вооружаться...»

А **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО,** каковы судьбы тех, кого внутренние войска задерживают иной раз и на поле боя с оружием в руках? Надо полагать, им не позавидуешь? Ничего подобного. «Много шуму из ничего», — печально констатируют начальники работающей в НКАО следственно-оперативной группы (СОГ) МВД СССР полковник милиции А. Ахмедов и его поистине боевой заместитель майор милиции Л. Трошин. Допустим, сегодня взяли с оружием, привезли, сдали, а завтра... выпустили. Не верится? На момент нашей встречи стараниями группы возбуждено девять (всего-то!!!) уголовных дел. И кто его знает, сколько из них удастся довести до логического кон-

ца. Почему «всего-то»? Да потому, что в иную неделю (!) войска задерживают втрое, вчетверо больше человек с оружием. На поверку же получается — мартышкин труд.

Оставим в покое безуспешные попытки городских властей защитить задержанных от карающего меча правосудия, о чем с горечью поведали и в комедатуре района чрезвычайного положения, и в следственно-оперативной группе. Есть и другие, куда более веские причины. Рискуя навлечь на себя гнев властей держащих и законы творящих и заслужить упреки в тенденциозности, тем не менее скажу: не предусмотреть возникновения этих камней преткновения могли только дилетанты. А еще откровеннее: проще было спланировать «трудности» и «неувязки» такого рода, чем не заметить их естественного появления в перспективе. О чем речь?

Указом Президента и тем ворохом бумаг, которые по принципу камнепада он породил, совершенно не оговорен, а стало быть, и не приведен в действие правовой механизм отпуска вооруженных формирований и изъятия оружия у боевиков. Это нетрудно доказать, если, конечно, очевидное нуждается в доказательствах. Чем не аргумент, притом далеко не единственный: внутренние войска и следственно-оперативную группу связывают весьма слабые ниточки взаимодействия, и те, неровен час, оборвутся. Точнее было бы определить существо этих контактов понятнее — обоюдная постановка в известность... Что это значит на практике?

Следственные органы не участвуют в разработке и подготовке войсковых операций: они в неведении до поры до времени, ибо, решая одну задачу, обе стороны тянут разные возки, а следовательно, не могут быть взаимно посвящаемы во все тонкости дела. От силы следователей предупреждают уже непосредственно перед выездом, то есть ставят перед фактом. Дальнейшая схема действий предельно проста: войска неожиданно оцепляют район предполагаемого арсенала, сжимают кольцо, повязывают боевиков, сгребают в кучу оружие и убираются восвояси. Все, им можно с чистой совестью приступить к разработке следующей операции, что они и делают, так как живут по законам военного времени. А СОГ — по уголовно-процессуальному кодексу, рассчитанному исключительно на мирное. Чтобы детально разобраться в нюансах каждого отдельного изъятия ствола, нужны время, возможности и люди. Их нет, как нет и других условий для следственной работы, а в ряде случаев — общих интересов. К примеру, следователю важно знать, где и при каких обстоятельствах обнаружены вещественные доказательства, будь то винтовка или патроны к ней. Солдату, прощу прощения, плевать на это, ему главное — отыскать очередной ствол да самому не

нарваться на пулю. Что? Ничего не трогать в комнате? Не затаптывать следы? Не поргить отпечатки пальцев? Помильте, стреляют...

Вот и получается, что в задержанных войсками людям СОГ недостатка не испытывает, а улики против них, как правило, с гулькин нос. И ни один суд, руководствуясь уголовно-процессуальным кодексом, такое конспективно, тезисно составленное уголовное дело к производству не примет — сплошь и рядом нарушения УПК. А в законе нет скидок на особые, облегченные или упрощенные условия работы следственных органов в районе чрезвычайного положения. Извольте, так сказать, форму соблести.

Выход? Да до каких же пор мы слепы, собственными руками будем строить разветвленные, запутанные лабиринты почище того мифического, в котором хозяйничал Миногавр, а затем в недоумении вопрошать: а где же выход? Доколе мы будем создавать трудности на своем и без того тернистом пути, дабы впоследствии героически, неся потери, преодолевать их?

МАЙОР МИЛИЦИИ Л. ТРОШИН: «Выход есть: как воздух нужны войсковые следственно-оперативные бригады. Только они скоординируют усилия всех звеньев правоохранительной системы, юристов и военнослужащих, и тогда уже ни один боевик не избежит скамьи подсудимых. Да что там боевик! В этой неразберихе нам в основном попадает мелкая рыбешка, а крупная — та, которая снабжает оружием, — в стороне. Ей на руку существующая ныне практика. Следуя закону и логике, мы должны идти от частного к общему, от преступника к преступлению и далее от преступления к клану, организующему весь этот хаос. Для чего и нужен четко отлаженный правовой механизм, связывающий воедино силы и средства нескольких министерств и ведомств. Он и должен был стать краеугольным камнем президентского Указа, чтобы тот ожил, заработал. Без него Указ мертв, а мы — беспомощны, как малые дети. В лучшем случае оформляем боевика за нарушение комендантского часа, штрафуем на полсотни рублей и отпускаем с миром.

Кстати, тревожный симптом: пока мы самостоятельно ищем возможности укрепления связей с комендатурой, боевики консолидируются — все чаще и чаще среди задержанных попадают люди со «свежей» пропиской в НКАО. Думаю, идет искусственное насыщение области людьми — своеобразный резерв на случай... Тыфу, чтоб не сглазить».

НУ, КТО ПОСЛЕ этого возьмется доказывать, что мы на верном пути к правовому государству, если даже профессиональные противоборцы преступности связаны по рукам и ногам.

Но создание войсковых следственно-

оперативных бригад (пусть их именуют иначе, суть не в названии) — не единственное, что сможет придать действиям различных звеньев одного министерства более осмысленный характер. Нужно упростить и саму процедуру следствия в условиях чрезвычайного положения, да не обвинят меня в ностальгии по трижды заклеянным ныне сталинско-бериевским временам.

Как это будет выглядеть — дело специалистов. Но вряд ли потребуются изобретать велосипед — международная практика достаточно богата и разнообразна. Да и в России нечто подобное уже существовало в период упорно восхваляемого неомонархистами царского самодержавия: помните военно-полевые суды? Взяли в особом районе человека или группу лиц с оружием (да еще после грозного Указа Президента!) — все, срок обеспечен. И обеспечить его должны опять же специалисты, а не территориальные органы. Ибо если возможно наладить в республике заводское производство современного стрелкового оружия для боевиков, так ли трудно «отмазать» их от ответственности за его хранение?

К слову, и здесь наш закон, по-моему, далек от совершенства. Как вы думаете, кто при благоприятных условиях для следственной работы будет наказан строже — пастух с незаконно хранящейся трехлинейкой или плечистый бородач с тонкой аммонала в кузове грузовика? Скорее всего одинаково, хотя последнее уже ближе к организации теракта (по попробуйте подвести боевика под эту статью). Известно — перед законом все равны, но в данном случае это-то и плохо. Вот если бы дифференцировать подход...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА

Сегодня было жарко в Лачине, Кирове, Ехдахе... Боевики вели огонь из автоматов. И трудно сказать, кому бы больше досталось — армянам или азербайджанцам, если бы опять не вмешались солдаты. Цепь замкнулась на них. Поздно вечером вернулись в Шушу. В вестибюле гостиницы неприятно поразило электронное чудо — аттракцион «удачный выстрел». Вернее, не сам автомат, а то, что местные мальчишки именно его предпочли другим, не жалея «пятнашек». Случайность? Дай-то Бог... Или нервы (весь день мотались по жуткому серпантину, а вернулись — и рулевое управление отказало. А если бы это случилось там, где вчера упала БМП?..)?

ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ А. АХМЕДОВ: «Законом не предусмотрено ужесточение наказания за массовое хранение оружия в условиях чрезвычайного положения. Я уже не говорю о каре за недонесение о подобных фактах. Мы находимся здесь в информационном вакууме — нет столь необходимого для элементарной работы банка данных, без коего

современная следственно-оперативная деятельность практически невыполнима. Проще объяснить это так: нам важен не только единичный факт изъятия автомата, но и то, где боевик взял оружие, где применял его ранее, не проходило ли оно по другим делам, где могут появиться в дальнейшем аналогичные образцы, да мало ли что еще... Иначе грош цена всем усилиям: снимаем вершки, не трогая корешков.

Я согласен с Леонидом Трошиным — позарез нужны войсковые следственно-оперативные бригады. Но они сыграют позитивную роль лишь при условии должного технического оснащения. Без оптимальной (не говорю уже о максимуме) информационной обеспеченности противостояние организованной и прекрасно вооруженной преступности, с которой нам приходится иметь дело, — утопия».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА
65-летнего пастуха-армянина застрелили в упор, в висок. До сих пор на этом месте — большое пятно крови. И дождь, и снег бессильны смыть его с пожухлой травы. В землю воткнута пастушья палка. Два дня после трагедии не могли увести отсюда лошадь пастуха — она не хотела уходить без хозяина. А полумесяцем раньше в соседнем селе тремя выстрелами в живот убили пастуха-азербайджанца. Око за око? Тогда кто же следующий?..

В НАРОДЕ говорят: паны дерутся — у холопов зубы трещат. Рассказывают, что эти два села — армянское и азербайджанское — были редким, буквально уникальным мирным островком в море насилия и безрассудства. Их как будто и не касалась межреспубликанская возня за раздел клочка земли — вместе пасли скот, отмечали праздники. И, видимо, здорово кому-то досадили своим миролюбием. Подсобили... Для того, чтобы достичь согласия и взаимопонимания между народами, порой нужны века. Стать кровными врагами можно в одночасье. Теперь и в этих селах роят траншеи, запасаются оружием и... справляют поминки. По очереди. Паны дерутся — у холопов зубы трещат.

К слову, о панах. Есть в Указе Президента и такие слова: «Ответственность за исполнение настоящего Указа возложить лично...» и далее вполне достаточный перечень достойных, солидных государственных мужей и компетентных органов. Кто-нибудь ответил? Ну хотя бы один человек? Может быть, кто-то оплатил билетом члена ленинской партии, основатель которой не раз повторил: испол-

нение — премия, неисполнение — тюрьма? Ничуть. И до тех пор, пока «возложение личной ответственности» никого лично касаться не будет, до тех пор, пока твердое слово Президента так и будет оставаться словом, внутренние войска без работы не останутся. Правда, благодарной ее здесь не считают, с вызывающей искреннее изумление настойчивостью обвиняя войска в тех или иных националистических уклонах. Армяне уверены, что военные потворствуют азербайджанцам. Последние периодически осыпают их градом аналогичных упреков. Бег по кругу. А ведь бандит не имеет национальности.

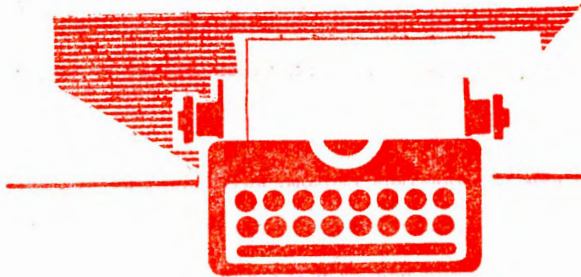
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛОКНОТА
Полубайка — полубыль. Звонок в комендатуру участка: «Из соседнего села по нам стреляют. Срочно пришлите наряд». Прислали — тишина. «И часто стреляют?» — поинтересовался старший наряда. «Постоянно, — пояснил председатель колхоза. — Не верите — смотрите». И он, достав из-под полы палто обрез, пальнул в сторону соседнего села. Тут же раздались ответные выстрелы. «Вот видите, — удовлетворенно сказал председатель, пряча обрез, — стреляют...» Слышал эту историю не раз. Причем в двух вариантах: то армяне вызывают наряд, то азербайджанцы...

Вот вам и позиция войск, обеспечивающих общественную безопасность на всей территории особого района, и подтверждение голословности обвинений их в пристрастности к одной из сторон. А все равно обидно... Получается почти по А. Франсу: «Если даже он осужден, не будучи виновен, то он виновен, будучи осужден».

«Все мы знаем о печально известном спецназе, — комментирует «Советский Карабах» статью Г. Багдасаряна «Жертв нет. Убита вера», — у которого карательная миссия. Именно они оказываются на самых жестоких аренах и затем сразу же исчезают... Будь приказ, убили бы...». Пока что убивают спецназовцев, которые никуда не «исчезают», а, напротив, годами, теряя товарищей и терпя лишения, стоят непреодолимой стеной. Как тот сухой ствол между деревьями, яростно хлещущими его то слева, то справа. Смотри откуда дует ветер — с запада или с востока. Трещит ствол, но держится.

Однако ветер крепчает, а тут еще свиньи повадились корни подрывать. Стонет ствол, теряя последние силы. Надолго ли хватит его?

Подполковник А. УШАР,
ваш спецкор.
Степанакерт — Москва.

СЕПАРАТИЗМ— ЭТО РАСКОЛ СОЮЗА

В какие одежды рядится сегодня сепаратизм — вопрос не праздный. В Ханларском районе Азербайджана задаю его одному из руководителей отдела внутренних дел. Он ткнул пальцем на карте в сторону Шаумяновского района.

— Там сепаратисты. Они не выполняют решений республиканских властей.

В Шаумяновске местный прокурор утверждал обратное:

— Настоящие сепаратисты в Ханларе. Вой, смотрите, какую блокаду Чайкенду установили. И только потому, что там живут армяне.

Четыре боевика-азербайджанца, захваченные солдатами в ходе настоящих боевых действий с оружием, в беседе не смогли сказать ничего вообще вразумительного о том, что такое сепаратизм. Почему пошли в атаку на позиции войсковых нарядов, защищавших село? Пожимают плечами.

Такое же недоумение звучит в письме в редакцию Мальдины Р. из Армении: «Я не понимаю, во имя чего проливают кровь наши фидуины. Что они пытаются отвоевать, да и надо ли отвоевывать, когда мы с пеленок знаем, что республика — это Армения, что земля — это наша земля, и небо наше, и мы сами — дети земли. Что нам еще надо! Жить, спокойно трудиться, растить детей... Кто нам мешал это делать! Зачем мы стремимся уколоть друг друга больше! Кому это выгодно! Мне, работнице фабрики! Моему мужу, слесарю завода! Нет и нет. Тогда кому же!»

На самом деле — кому? Может быть, тем, кто громче всех шумит на митингах, кляня КПСС, требуя отставки правительства! А может, записным ораторам из Верховных Советов, которые вчера ратовали за демократические принципы в работе Советов [вроде Попова, Станкевича], а нынче за мэрию, где коллегиальным разумом и не пахнет! В общем, попробуй распознай, кто чего хочет и за что стоит. Ведь, как справедливо заметил токарь одного из московских заводов Борис Болдуев, смотрю на всю эту мирскую суету и не могу отыскать в ней лица ребенка.

Доценты и профессора, доктора и кан-

дидаты наук, экономисты, политологи, социологи, философы, педагоги и прочие лица с дипломами и степенями в подавляющем большинстве стоят в стане тех, кому тесно в Союзе, кому нужны свободные зоны для предпринимательства. Не будем говорить о музыканте, сыне пронацистского министра буржуазной Литвы Витаутасе Ландсбергисе, не будем вспоминать полгигота Звиада Гамсахурдия или бывшего зампредсовмина России Геннадия Фильшина, оказавшегося причастным к продаже 140 млрд. рублей за кордон. Его наперебой пытаются обелить такие же «демократы», как и сам Фильшин, из «Московских новостей», «АиФ» и прочих изданий, порой далеких от объективности и готовых заклеить тех, кто осмелился думать иначе. А уж если выступил откровенно, как, к примеру, Александр Невзоров, то тут же получишь ярлык «иуды», «коричневого» или «фашиста».

Но одно дело, когда сепаратистские замашки у этих самых «демократов» — их народ уже успел раскусить, — совсем другое, когда отдельные руководители министерств внутренних дел союзных республик начинают заявлять: отдайте нам высшие учебные заведения МВД СССР, мы-де за плату дадим кадры любой республике. Подчините нам внутренние войска, тогда, мол, мы сепаратистов из соседних областей придавим основательно. Дайте нам оружие, не бойтесь, к боевикам оно не попадет...

Подобные пассажи прозвучали 15 февраля с. г. на расширенном заседании Коллегии МВД СССР. Ее участники решительно отвергли беспочвенные притязания и высказались за укрепление Союза, дальнейшее совершенствование деятельности органов и войск во имя становления правового государства. Но факт остается фактом, и это лишний раз подтверждает, насколько не просто разглядеть одеяния сепаратизмов.

Референдум 17 марта с. г., без сомнения, даст определенный ответ на вопрос: кто есть кто и как население братских республик относится к идее единого обновленного Союза. Яснее станет перспектива: как жить дальше, к чему стремиться.

НА КРУГИ СВОЯ

(отрывок из поэмы)

...За окнами,
взбивая пенный след,
По гребням волн
летела бригантина...
Закутавшись в уютный
старый плед,
В воскресный вечер
я читала Грина.
Уж понедельник не томил меня
Кошмаром навалившейся работы,
И отпуск —
тридцать три законных дня —
Сулил причерноморские щедроты.
Горела лампа, тикали часы,
Цветаева
сосеждествовала с Прустом...
Под хмурым небом средней
полосы
Гнал ветер листья
с шорохом и хрустом.
Очарованья золотой поры
Не принесла в природе перемена.
Раскисшей глиной хлюпали двory.
Мир поскущнел от сырости
и тлена.
В нем переплет туманного окна
Расчерчивал пейзаж
крестообразно.
Пурпурного и желтого полна,
Все ж осень не была
разнообразна.
Шел нудный дождь —
октябрьский метроном,
Сутулились продрогшие деревья...
Вдруг невзначай
подумалось о том,

Прапорщик Мария ИГНАТЬЕВА

Что ждет меня далекая деревня,
Заветная, святая глухомань,
Безвестный уголок моей России.
Знакомые места, куда ни глянь:
Недальний лес, поля,
мостики косые
На заводи речной.
С десяток крыш.
Собачий лай да трескотня сороки.
Там все глаза,
бывало, проглядишь,
Пока проедет кто-то по дороге.
Там на заре вечерней пацаны
С лугов заречных
пригоняли стадо,
А ночью были явственно слышны
Хрустальные куранты звездопода.
Даль памяти...
Тебя благодаря
И отказавшись от поездки в лето,
На выселках в начале октября
Я собирала листья для букета.
Я возвращалась —
через столько лет! —
К забытым краскам,
запахам и звукам.
Вот от колес телеги темный след,
Вот яблоко упало
с мягким стуком —
Нежданнй дар.
Вот заскрипела вдруг
Железная церковная калитка.
Разомкнутый,
опять смыкался круг.
И тяжестью серебряного слитка,
Как прежде, стыла в омуте вода.
И паутинка на ветвях дрожала...
Как будто никогда и никуда
Из мест родимых я не уезжала.
Но отчего же плачу, не таясь,
И отчего на сердце так тревожно?
Под отчий кров
однажды возвратясь,
Назад, увy,
вернуться невозможно.
Не остается прежнюю душа:
Ведь маятник
качается прилежно —
И время, то замедлясь, то спеша,
Все сущее меняет неизбежно...

Подполковник С. АГАДЖАНИЯ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ ОФИЦЕРА

ОТ АВТОРА.

Моему другу, комбату, начальство, как говорится, всыпало по первое число. По делу, между прочим, но так уж мы, видимо, устроены: живут в нас обиды, как занозы, и до того от них больно, что не сразу разберешься, справедливо или несправедливо наказан.

Вот и комбат. Сел рядышком, начал душу изливать:

— Бросить бы все к чертовой бабушке, дневки и ночевки в казарме, гостинки вшивые, житуху нашу от взыскания до взыскания. А что, думаешь, не устроился бы на гражданке? Военруком в школе, мебельщиком в кооперативе — у меня ведь талант к этому делу... А то куплю в деревне домик, натуральное хозяйство заведу, язву свою наконец-то лечить примусь...

Он помолчал, остыл немного, а потом сказал с грустью в голосе:

— Впрочем, никуда я не уйду. Знаешь, мне уже сны только служебные снятся. Жена ночью будит: «Чего стонешь?» А я ей: «Охламоны мои спать не дают, снится, что бузят сейчас». И на кухню среди ночи вдвоем идем, чай ставить... Нет, раз сны такие пошли — это уже судьба, служба наша, имею в виду.

— Послушай, — спрашиваю я комбата, — а если бы была возможность начать все сначала...

Он понимает вопрос:

— Не будет такой возможности. — Умолкает на минуту, потом беспричинно улыбается и продолжает: — А знаешь, я ведь в училище, можно сказать, случайно пошел. Мог бы стать... Ай, да ладно! Не жалею, честное слово, не жалею. А ты?

А что я? Мне тоже снятся по ночам «служебные» сны и все чаще и чаще вспоминаются годы юности. Годы, решившие мою судьбу...

1. БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ПОДМИГНУВ себе в зеркале, и поправил шапку и посмотрел на часы: пора. Вскочил из казармы. На строевом плацу в одну шеренгу уже стояли увольняемые, гадали, кто придет с проверкой. «Только б не старшина!»—это слышалось даже в шестесте тополей, росших ровным рядком у казармы. И тополя знали: если увольняемых инспектирует старшина Борисов, то это гиблое для солдат дело. Из десяти лишь двум-трем выпадает счастье выйти за ворота КПП.

В этот день я был как раз десятым. Стал в строй и направил свой взор туда, куда тревожно глядели девять моих сослуживцев: на крылечко с тремя ступеньками, где должен появиться... пусть кто угодно, лишь бы не старшина!

Все смотрели на часы, на секундную стрелку. Так уж повелось, что мы ее всегда сверяем с радиосигналами точного времени. Это—от Борисова, он счет секундам всегда ведет. И если двери откроются, когда будет ровно-ровно десять, то... Двенадцать секунд, семь, четыре...

Дверь открывается.

— Хана,—обреченно вздыхает шеренга.

Борисов подходит к нам стремительно, глаза его веселятся, ощущение такое, что для старшины праздник—«срезать» нас, найти причину оставить в роте. Он обходит нашу десятку с фронта и тыла, останавливается перед преданнейшими нашими глазами и говорит, глядя поверх голов:

— По вашему внешнему виду и поведению будут судить обо всех войсках, правильно я говорю? Мы, между прочим, в войну по этой причине между боями бляхи чистили, чтоб народ видел, какой есть советский солдат, а тут...

Я кошусь на бляху. С моей-то все в порядке, все ее «закоулочки» я иглой прочищал, поскольку ранее из-за нее, родимой, не попадал уже в увольнение.

Двое из шеренги убегают в роту устранять «замеченные недостатки». А Борисов говорит теперь о прическах. И еще двое покидают плац: им можно не торопиться до следующего выходного.

— Теперь на обувь взглянем,—говорит старшина.

Лично я опять спокоен: и прическа, и сапоги у меня в полном порядке. Ученый я в этом. А трое бегут, чтоб щетками и бархотками за три минуты, отпущенные старшиной, снять с кирзы последние пылинки.

Борисов вроде бы лениво проходит мимо поредевшего нашего войска и останавливается возле меня.

— Сержант Ованесов,—тянусь в струнку.

— Сержанту тем более недопустимо быть неряшливым,—старшина смеется глазами и повторяет свое любимое:—Я правильно говорю? Пять минут вам на то, чтоб привести внешний вид в порядок.

Я лечу в бытовку к зеркалу. Шапка, шинель, сапоги, пуговицы, хлястик... «Порядок, Алеха! Нормально, товарищ сержант»,—закрывают осматривающие меня сослуживцы. Что же Борисову надо? Бегу на плац, предстаю перед ясными очами Борисова и получаю дополнительные, но теперь уже последние три минуты на то, чтоб «выглядеть военным человеком». Убитый, вновь кручусь среди сослуживцев и потихоньку смиряюсь с тем, что никуда сегодня не пойду...

— Нитка, черная нитка на спине, обрывочек... Все, беги, сорок секунд осталось!

— Теперь другое дело,—вроде недовольно говорит Борисов и подает команду всем оставшимся на плацу:—На КПП путь лежит через спортивный городок, я правильно говорю? По семь подъемов переворотом...

В город мы вышли втроем. Доехали на автобусе до центра и разошлись кто куда.

Я любил бесцельно бродить по улочкам старинного города, где рядом с высотными домами стояли деревянные рубленые, и снегири сидели на рябинах, и снег лежал чистый, синевато-зеленый в вечернем сумраке. На улочках обычно стояла музейная тишина, прохожие почти не встречались, и ничто не мешало плавному течению мыслей: вот отслужу, вернусь домой, заявлюсь в «парадке» на танцы...

Однако на сей раз мысли мои были прерваны коротким вскриком, раздавшимся из-за угла дома. Я, еще думая о танцах, развернулся, пошел за дом, туда, где крик оборвался так же внезапно, как и начался, и увидел нож, направленный прямо в лицо. Нож этот держал парень, а за его спиной трое других заламывали руки девушке, прижав ее к стене. На снегу валялась раскрытая сумочка и розовая вязаная шапочка. Я ударил по руке с ножом и почувствовал, как лезвие резануло воздух возле лица. Потом я прыгнул к тем трем, выбросил в прыжке кулак, кажется, не промахнулся. И вдруг почувствовал, что наступает ночь, и тело не слушается меня, и я заспаю...

Сон был странным: я провалился в ущелье, бился о каменные выступы, потом лежал в мягкой траве, и было лень открыть глаза и подняться. И все же перешибил себя, открыл.

Пожилая женщина, вся в белом, склонилась надо мной.

— Очнулся? Вот и хорошо, сыночек, значит, скоро поправишься.

Голова моя не шевелилась, я скопил на себя глаза и понял, что лежу на кровати и без формы. Не порвал ли я ее, когда падал? Задает Борисов! Зачем, скажет, прыгал в ущелье...елье, елье...

— Чего тебе, сынок? Воды?

Приход врача уже помню яснее. Я, оказывается, рассмешил его. На вопрос, что тревожит, ответил: Борисов. Мол, влечит за опоздание из увольнения. Отсмеявшись, врач сказал:

— Был тут уже твой Борисов, еще четыре дня назад, до операции, прибежал.

Теперь звонит каждый день, интересуется здоровьем героя. Скажу, что ты уже в состоянии гостей принимать.

Гостей в моей одиночной палате действительно было хоть отбавляй. После врача пришел тоже вроде бы врач, только рангом выше, потому что со свитой, и все глядели ему в рот и считали необходимым постоянно поправлять при этом мое одеяло. Врача сменил седой мужчина, которого интересовали парни, отмузузвившие меня. Но я ведь ничего не запомнил. Еще приходил мой командир. Тот сказал:

— Вы, сержант, знали, кого спасать!

— Красивая, да?—понял я по-своему его слова.

— Не знаю, не видел. Да разве в этом дело?

Может быть, он и сказал бы мне, в чем же тогда дело, но в ту минуту в палату вошла та, в розовой вязаной шапочке, я по шапочке, в общем-то, и догадался, что это — та... Командир вышел, а девушка присела на стул и оказалась так близко от меня, что я видел только ее глаза, огромные, голубые, очень красивые—таких я ни у кого не видел.

— Ну вот, сегодня вы уже выглядите молодцом. Я целую авоську витаминов принесла, они вам сейчас нужны. Скажите, что вам еще принести?

— Зеркало,—неожиданно для себя прогудосил я: губы плохо слушались.

— Зачем?—удивленно вскинула она брови.

— Наверное, я стал очень красивым, если меня навещает такая... такая...

Она рассмеялась, и мы познакомились. Галя приходила почти каждый день, приносила книги, фрукты, и все было прекрасно до той самой поры, пока медсестричка, выпроводив мою гостью и делая мне укол, не сказала:

— Глянь ты, дочь секретаря обкома, а обходительная какая, вежливая. Женных ведь у такой, поди, полгорода, а о солдате не забывает.

После этих слов мне стало паршиво, причем до такой степени, что, когда Галя пришла на следующий день, я сказал ей:

— Не приходите больше ко мне, вы мне ничего не должны.

— У вас, видно, травма головы,—попробовала пошутить она, но я не принял шутки.

— Я не вашего ранга. Я солдат.

— Ну да, дочери секретарей обкомов влюбляются ведь только в офицеров. Ну да ладно, Алеша, поступишь в военное училище...

Выдержкой я и раньше не славился, и тут сорвался, зашипел: мол, я не мальчишка, чтоб надо мной так смеялись, и не надо мне яблочек с апельсинами, и не надо мне этих посещений.

— Я и так нескорю теперь приду,—спокойно прервала мои тирады Галя.—С завтрашнего дня у меня экзамены в институте. Но ты не забывай меня, ладно?

Поправился я быстрее, чем закончилась сессия у Гали, и выписался из госпиталя,

так и не попрощавшись с ней, не отдав даже «Угрюм-реку», которую она мне оставила. А через пару дней после возвращения в часть укатил в командировку: за получением новой техники. Месяц в поездах катался, а когда вернулся, увидел на своей тумбочке письмо. В конверте лежала короткая записка: «Вам незнаком мой телефон? Жду звонка в любое время дня и ночи». И шесть цифр. Наверное, из-за книги, из-за Шишкова меня разыскивала, подумал я, в душе надеясь, что обманываюсь.

— Ованесов! — закричал дневальный по роте. — В канцелярию, командир вызывает.

В канцелярии, кроме командира, сидел и старшина Борисов.

— Товарищ сержант,—начал командир,—есть возможность послать вас на учебу в военное училище. Я, правда, по своей вине затянул это дело, давно надо было кандидата подыскать, да Борисов уговорил вас дожидаться: нет, мол, более достойного. Если согласны ехать, то собирайтесь: завтра отбывать надо.

Честное слово, не из-за разговора с Галей, того, в госпитале, ехать решил, а из-за чего — и сам не знаю. Вышел из канцелярии — и закрутился в делах: надо книги в библиотеку сдать, шинель в скатку обратить, автомат почистить... О Галиной записке вспомнил за полчаса до того, как военный городок покинуть. Дал телефон и «Угрюм-реку» лучшему своему другу Сашке Александрову: попросил его все объяснить девушке. О нашем знакомстве с ней он уже знал и о том, как расстались, потому и дураком меня назвал. Взял он книгу, обнялись мы, друг друга по плечам похлопали...

В Орджоникидзевское училище я поступил сравнительно легко. Помогло, наверное, то, что до армии курс в институте проучился, кое-какие знания в голове остались. Да и мастером спорта был, а хорошие спортсмены в любом деле нахват. Словом, поступил.

Сидел в ленкомнате, приходил в себя после последнего экзамена. И услышал голос дневального:

— Сержант Ованесов!

Я вышел в коридор.

— Ованесов, тебя на КПП ждут.

Я шел туда и гадал, кто же мог ко мне прехать. В комнате посетителей увидел ее, Галю. Она обвила меня руками за шею — а ведь до этого мы даже за руку ни разу не поздоровались — и выпалила:

— Вот и я. Ты рад? Мне Саша Александров обо всем-обо всем рассказал. Это правда, что ты ему каждый день обо мне говорил? Он не соврал?

Как хорошо, подумал я тогда, иметь настоящих друзей...

Мы сидели в комнате посетителей до вечера. Я рассказывал ей о своей маме и нашей прекрасной кубанской станице, о Сашке Александрове и о новых училищных друзьях и командирах, о том, что после училища обязательно попрошусь в самую что ни на есть глушь...

Ночным рейсом она улетела из Орджоникидзе в Минводы, а оттуда... Для меня было полной неожиданностью, что Галя поедет на Кубань. Об этом я вскоре узнал из письма мамы: «Рада, что у нас такая славная невестка будет. Привезла от тебя подарки, по хозяйству мне во всем помогала, даже корову доить училась. Сейчас уехала домой, но обещала к твоим каникулам приехать сюда... Что же ты сам о ней никогда не писал?»

Мама, мамочка! Да не знал я, честное слово, не знал еще неделю назад, что есть у меня невеста. И подарков тебе никаких не передавал, и адрес твой Гале не сообщал—только название станицы.

Летели дни учебы, летели письма от Гали. И в них—ни слова о том, что собирается она опять посетить дом на улице Красной, облицованный белым кирпичом, знакомый мне до малейшей царапинки.

И вот я еду в отпуск. До Кропоткина, потом до Казанской горы, оттуда на попутке—к станице. Открываю калитку и вижу, что на веранду дома выходит Галя, в мамином платке, с ведром воды. Смотрит на меня, ведро падает, грохочет, скатываясь по ступеням крыльца, и я, балбес, замираю посреди двора и не соображаю, что же мне делать дальше...

Вот такая банальная история предшествовала нашей свадьбе. Что было потом? Потом были не менее интересные события. К примеру, я узнал, что Галина мама в общем-то порвала отношения с дочерью, заявив: «Или я, или твой солдат». А папа сказал: «Одумайся, перебеснишься, придешь прощения просить». Еще были хлопоты, как оказалось, пустые, о переводе Гали на учебу в Орджоникидзе—не выслали из ее института документы, теща к этому руку приложила,—поиски квартиры, работы для Гали. И на заводе она была пресовщицей, и в больнице санитаркой. По вечерам приходила к училищу, садилась на скамейку, и я ей махал рукой с пятого этажа.

Незадолго до окончания училища она уехала на Кубань. Там и родился наш первенец, сын, три пятисот. Начальник политотдела со сцены телеграмму от Гали зачитал, и подбрасывали меня вверх, и ловили верные руки друзей, и поздравляли с окончанием беззаботной юности.

2. ТОП-ТОП, ПЕРВЫЕ ШАГИ

СОЛНЕЧНЫЙ день. Наш дивизион стоит на площади Ленина, готовится к прощанию со Знаменем. Мы покидаем стены училища, лейтенанты с красивыми золотыми погонами. Мы все верим, что впереди у нас светлая и ясная, такая же золотая, как поле погон, дорога.

Со Знаменем прощается лейтенант Золотырев...

Вратарь нашей футбольной команды, он погибнет через три года. Произойдет это так. Солдаты конвоировали осужденных. На проселочной дороге забарахлил мотор. Водитель долго копался, не мог завести. А до подразделения—не менее 20 километров по тайге. Часовые, которые сидели в кузове спецмашины, вышли, тоже начали смотреть, что с мотором. Осужденные воспользовались отсутствием часовых, отогнули провод, которым была закрыта камера, вышли и напали на солдат. Трех убили. Один незадолго до того по надобности отошел в лес. Услышав стрельбу, он побежал обратно. По нему дали очередь. Солдат затаился, к нему рванул один из осужденных. Солдат скинул шубу, валенки и помчался по снегу к подразделению. Добежал. А после ему ампутировали обе ноги.

Лейтенант Золотырев вместе с двумя солдатами и розыскной собакой пошли по следу беглецов. Но на сороковом километре собака выдохлась. Не сдюжили и солдаты. Золотырев отправил их назад, а сам на лыжах продолжил преследование в одиночку. Преступники уходили в направлении железной дороги. Под утро он вышел к лесной сторожке. Было тихо. Он осторожно объехал вокруг сторожки, увидел уходящие следы. Наверное, подумал, они ушли. Стал открывать дверь—в упор ударил автомат. Золотырев, уже раненный, отбежал, открыл огонь. До самого вечера держал под прицелом бандитов. А когда пришла подмога, он был мертв.

Прощается со Знаменем мой лучший друг, чеченец Умар. Судьба и ему преподнесет жестокое испытание: в Афганистане мина снесет пол-лица...

Прощаются те, кто станут полковниками и генералами, кто сопьется и уволится из войск, кто станет любимцами солдат и кого невзлюбят в коллективах... Прощаются, все равные перед судьбой...

После торжественного застолья многие из нас, схватив чемоданы, рванулись на станцию Беслан. Билетов не было. Когда поезд тронулся, мы штурмом взяли вагоны. Не обращая внимания на крик проводниц, полезли на крышу. Полные сля и задора, мы горланили наши любимые песни, которые пели в училище. Мы ни о чем, кроме встречи с любимой, домом, друзьями, не думали.

На следующее утро я подходил к дому. Потихоньку открыл калитку, во дворе никого не было. Поднялся на веранду. Зашел в дом. В люльке, раскинув руки, лежал мой малыш. Он не спал. Глаза у него были материнские.

Время отпуска пролетело незаметно. Согласно предписанию, я должен был приехать в Алма-Ату. Простившись с мамой, мы поехали. В Алма-Ату приехали на пятые сутки.

На следующий день меня представили генералу. Принял он тепло. Рядом со мной стоял начальник отдела кадров.

— Как училище закончил?—спросил генерал.

За меня быстро ответил кадровик:

— Красный диплом, товарищ генерал-майор.

— Ну что ж,—довольно произнес он,—коммунист, спортсмен,—глядя на значок мастера спорта, продолжил:— Женатый. Учитывая, что прибыли первым из выпускников, пойдете командиром взвода учебно-го полка.

— Товарищ генерал-майор, где прикажете, там и буду служить, но у меня к вам просьба.

Генерал вопросительно посмотрел на меня.

— Слушаю вас.

— Мне, товарищ генерал-майор, в училище предлагали остаться курсовым офицером, но... Прошу вас отправить в любое отдаленное подразделение. Хочу начинать службу оттуда.

В это время в кабинет вошел огромного роста полковник. Генерал усмехнулся.

— Товарищ генерал-майор, отдайте его мне,—обратился полковник.

— Хитер ты, Иван Сидорович, все тебе лучших подавай. Впрочем, так и быть, забирай.

Теперь наш путь лежал в Целиноградскую область. Прибыли к месту службы. Оставив жену возле КПЗ, пошел представляться командиру роты. Тот, узнав, что я с женой и ребенком, озабоченно посмотрел на меня.

— Куда же тебя, лейтенант, устроить?

Выход нашли: разместили в классе службы, где поставили три солдатские кровати. Вечером я принес в котелках ужин. Галя впервые ела из котелка, потому это и запомнилось.

Рано утром меня разбудил замкомвзвода: вызвал командир роты Дерягин. Причина была такой. Ночью из жилой зоны через подкоп ушли двое осужденных. Получив задачу, я с двумя сержантами на машине поехал на розыск. Проколесили мы по казахским селам сотни километров. Везде оставляли ориентиры, оповещали местное население. Через двое суток вернулись. А осужденные к тому времени уже были задержаны. Когда я вошел в класс службы, Гали там не было. Оказывается, нам дали место в общежитии. Я бегом побегал к ним. Какое наслаждение испытываешь, когда чувствуешь, что вот-вот увидишь, обнимешь самых дорогих, любимых!

Рабочий день мой был прост. Утром уходил на подъем, возвращался после отбоя. Через день мои «гвардейцы» заступили на службу в караул, и я по ночам проверял службу. Иногда, если было время, забегал на обед. Отношения со взводом у меня вроде бы стали складываться с первого дня хорошо. Солдаты н, особенно, сержанты улыбались мне, с готовностью выполняли все мои команды. А оказалось, дурачили меня, как мальчишку, и делали свое дело. У меня же и в мыслях не было, что они на это способны.

К концу недели меня вызвал комроты и поставил задачу, чтобы я проконтролировал помывку взвода.

Вечером повел их в баню. Мылись они в городской бане, которая была в километре от нашего городка. В бане продавалось пиво. Я буфетчику предупредил, чтобы солдатам не давала.

— Да вы что?—замахала она руками.— У меня самый сын в армии, неужто не понимаю?

В общем, она меня обманула. Как только я отошел от буфета, мои «гвардейцы» под ту же реплику буфетчицы—«Пейте, у меня самый сын в армии»—хлестали пиво.

Когда мы зашли на территорию батальона, на плацу стоял ротный. Выслушав мой рапорт, что взвод помыт, замечаний нет, молча обошел взвод.

— Выйти из строя, кто не пил,—скомандовал он.

Я недоуменно посмотрел на него, не понял, что он сказал. А из строя вышли лишь четыре солдата.

Я стоял ошеломленный. Ротный повернулся ко мне. Наверное, он понял мое состояние. Ничего не сказал. А мне обидно было до слез. Я, не говоря ни слова, повернулся и пошел домой.

Утром, когда я пришел на подъем, ротный встретил меня как ни в чем не бывало. Только в канцелярии, собрав офицеров, смеясь, рассказал про баню, которую я организовал. И добавил, уже без улыбки: не признают солдаты Ованесова за командира, специально, чтоб его подвести, пили.

Через два дня, ночью, я пошел проверить службу караула. Мой взвод охранял в течение недели жилую зону колонии. Ночь была лунная. Мороз пощипывал уши. Я решил не обходить объект, чтобы в караул попасть, а пойти по тропе. Колония была рядом. В маскировочном заборе я нашел дыру и прошел мимо часового. Он увидел меня и ничего не сказал.

Недалеко от следующего поста меня окликнул часовой. Я бодро отозвался:

— Лейтенант Ованесов,— и пошел дальше.

Но часового тут же закричал:

— Стой, назад!

Я повторил, что это я.

— Стой, стрелять буду!

В ночной тиши я услышал, как сработал затвор автомата.

«Вот шалопай,—про себя подумал я.— Еще сдуру пальнет и будет прав». По уставу без начальника караула никто не имел права ходить по запретной зоне. Я попросил часового, чтобы он доложил начальнику, но тот молчал. Тогда я решил вернуться назад, но в второй часовой таким же макаром меня остановил. Целых два часа я от холода танцевал на месте. Ноги в хромовых сапогах одубели. Да и шинель не очень защищала от мороза. Я терпеливо ждал, когда появится мой зам, старший сержант Ильин, который и был начальником караула.

Часовые, ясно, доложили ему, что я иду, и в остальном часовые действовали по указанию начальника караула.

По уставу часовые действовали правильно. Их я не хотел ни в чем обвинять, хотя

в душе было обидно. Устав уставом, но держать на морозе взводного—это уж слишком.

«Ладно,—успокаивал я себя,—посмотрим, кто кого».

Подошел Ильин, сделал удивленное лицо, а глаза его хитровато посмеивались.

— Производи смену,—скомандовал я.

Мы поднялись на вышку, часовые доложили друг другу о сдаче и приеме поста.

— Связь с караулом работает?—спросил я у часового.

Он замаялся. Я поднял трубку. Мне ответил помощник начальника караула. Ильин опустил голову, залился краской.

Лишь под утро я пришел домой. С возмущением рассказал обо всем Гале. Она залилась смехом. Но я твердо решил, что взвод надо покорить. Через день подготовил конспект на тренировку взвода по тревоге с совершением марш-броска на 50 километров. Командир роты, не читая, подписал. Я облегченно вздохнул.

Поднял их под утро в воскресенье.

Я молчал, не обращая внимания на то, что они медленно встали, не спеша брали автоматы. Повел их по дороге в сторону стрельбища. Там взвод стартовал. Он дышал, словно кузнечные меха. Никто никому не помогал, каждый бежал сам по себе. Солнце поднялось высоко, а до намеченного рубежа было еще далеко. Я чувствовал, что взвод выдохся, растянувшись на сотни метров. По проселочной дороге, обдавая нас снежной пылью, промчалась машина. Водитель, глядя на нас, усмехнулся. Не взвод, а какая-то неуправляемая толпа бежала. Я крикнул, чтобы направляющие остановились.

Когда весь взвод собрался, я дал команду «Вперед». Но направляющие, а это были мои первые помощники—сержанты, угрюмо смотрели на меня. Я готовился к этому, уже построил план. Я должен был во что бы то ни стало выиграть свой первый бой со взводом. Все зависело от моего хладнокровия, от командирских волевых качеств. Я стоял перед мужчинами, и самому надо было быть мужчиной.

— Вы получили приказ,—спокойно начал я.—Занятие, которое я провожу, утверждено командиром роты. Напоминаю, что приказ командира—закон для подчиненных. Он должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Знаете это?

Строй молчал.

«Что же делать дальше?»—думал я.

Решение пришло неожиданно.

Я вызвал из строя комсгруппа, толкового солдата, и указал на видневшуюся впереди сопку:

— Бего-ом, марш!

Он побежал. Потом я стал вызывать тех солдат, которые, знал, выполняют команду. Они побежали вслед за комсгруппом. В строю осталось восемь человек.

— Не хочу знать, почему не пришелся вам по душе,—сказал я.—Но сейчас дело не во мне, как вы понимаете. Приказ есть приказ, и его надо выполнять. Вижу, вам марш-бросок не под силу: постоянно в

хвосте плететесь. Что ж, буду вас на себе тащить, ваше оружие тоже заберу, но взвод задачу выполнит! Понимаете или нет? Выполнит! Подумайте, как вы будете после этого выглядеть в глазах коллектива.

Восьмерка продолжала молчать, но молчание это было уже другого рода. Воины потупили головы, и не вызов, а раскаяние читалось в их лицах. Вот, мол, как: хотели командиру насолить, а может получиться, что себе...

— Старший сержант Ильин!

Заместитель командира взвода, безусловно, понял, что я уже догадался о его главной роли в, так сказать, оппозиции взводу. Понял и ждал наказания.

— Ильин,—повторил я,—догнать взвод, постройте у высоковольтной опоры. И еще: сделайте так, чтобы люди улыбались. У вас это получится, вы умеете говорить с подчиненными.

Мой зам ошалело взглянул на меня и через мгновение сорвался с места...

В подразделение мы вернулись к ужину. Шли с песней.

На плацу стоял командир роты. Увидев меня, он покачал головой. Когда я ему доложил, что пятидесятикилометровый марш совершен, он хмуро спросил:

— Ты что, лейтенант, людей хочешь загубить? И кто тебе разрешил такой марш совершать? На взыскание напрашиваешься?

— Вы разрешили, товарищ старший лейтенант. Вот мой конспект, вы его утвердили. Он взял конспект, прочел, причем дважды.

— Ладно, для себя я выводы сделаю. Ну а ты-то добился своего?

— Кажется,—ответил я.

Летом к нам приехала московская комиссия принимать итоговую проверку. Мой взвод стал отличным. Через месяц меня неожиданно вызвали в Целиноград, в полк. Там представили начальнику войск, генералу Машовцу.

Спросив, как дела во взводе, в семье, он задал вопрос:

— Ну что, отличник, согласен на командира роты в Джетыгару?

Это была страшная дыра.

— Готов,—не задумываясь, ответил я.

Через день мне вручили предписание, и я поехал в знаменитую Джетыгару. А в толькo что полученной квартире оставил пока Галю.

3. ТАКИЕ ДЕЛА

НА ПОПУТНОЙ машине доехал я до каменного карьера, где находилась теперь уже моя рота. Окинул взглядом место, где мне предстояло жить. На голом просторстве буквой «П» стояло одноэтажное здание, рядом—котельная и небольшой гараж. Во дворе—две разобранные машины, легковая и бортовая. Забора не было.

Чуть поодаль была видна колония, и рядом—жилые дома, их насчитал пять. А кругом степь да степь. Мертвая. От зноя, видно, все попрятались.

Когда я зашел в роту, дневальный, развалившись на тумбочке, удивленно посмотрел на меня. Позу он не сменил. В канцелярии роты за столом сидели замкомандира полка подполковник Бабенко и четверо офицеров.

— Вот, легок на помине,—улыбаясь, произнес подполковник Бабенко.—Только что говорил о тебе.

Он представил мне офицеров. Два бывших ротных, два старших лейтенанта. Такой была офицерская гвардия, с которой мне предстояло работать. Среди них я выглядел мальчишкой.

Тут же познакомился я и с личным составом. Нерадостным было знакомство. Солдаты неподстриженные, с грязными подворотничками, у некоторых порваны сапоги, и у всех—какие-то безразличные лица.

Через час Бабенко уехал. Проводив его, я вернулся в казарму. Из офицеров никого не было. Они уже ушли. Я обошел территорию. Земля была каменная. Сплошной гранит. Котельная разбита. В гараже двери с петель упали.

Не поднял настроение и вид казармы. Походил по ней. Пол был бетонный, во многих местах покрощился. Заглянул в тумбочки—пусто. Постельные принадлежности старые. Подошел к первой же кровати, легонько хлопнул по постели—пыль поднялась столбом. Солдаты исподтишка, но как-то безразлично наблюдали за мной. «Хлопай не хлопай,—читал я в их глазах,—

а ничего не изменишь. Были уже у нас хлопающие».

Я зашел в канцелярию. Сел за стол. Состояние было такое, что хотелось ударить назад, домой, к своему взводу. Струсил я капитально. В одночасье понял бывшего ротного, которого за пьянку три месяца тому назад выгнали из войск. Было отчего ему запить...

Из казармы раздавались голоса солдат. Рядом с канцелярией роты—пристройка, там писарь роты что-то писал. Он был высокого роста, солидный и опрятный, лицо степенное. Я несколько раз поймал его взгляд. «Наверное, жалеет меня»,—подумал я.

В канцелярии мне поставили кровать. Я долго не мог уснуть. Унылая тоска и больше ничего. Еще больше расстроился, когда представил нашу уютную квартиру, тогдашнюю радость жены—и то разочарование, которое испытает Галя, когда придет сюда.

Писарь все писал. Я позвал его к себе.

— Как ваша фамилия?

— Рядовой Толстиков, товарищ лейтенант.

— Скажите, солдат, как вы здесь живете?

Он усмехнулся:

— А мы уже привыкли.

Разговор не получался. Не хотел он говорить.

Ночью я поднялся. Выходя из канцелярии роты, увидел, что дневального на посту не было. В казарме стояла тишина. Поискал дежурного, но и его не нашел. Было темно, дежурное освещение не горело. Лампочка светилась только у поста дневального. Немного постояв возле кроватей солдат, я пошел к выходу, но у двери комнаты хранения оружия остановился. Всякий замок такой, что его можно рукой оторвать, двери не опечатаны. Потрогал решетчатую дверь: шатается. Я вышел, обошел вокруг казармы. В двухстах метрах от нее была жилая зона. По периметру горели лампочки. Смутно виднелись силуэты ближайших постов. Постояв немного, я вернулся в казарму. Дневального по-прежнему на посту не было. Я включил свет в спальнях, закричал во весь голос:

— Подъем!

Солдаты по-разному отреагировали на команду. Одни вяло подымались, другие лежа смотрели, что же будет дальше. Для меня это было не ново.

— Строиться без оружия!—громко произнес я.—Заместителям командиров взводов выйти из строя.

Вышли два сержанта.

— Приведите внешний вид подчиненных в порядок.

Прошло минут десять. Я послал посыльных за офицерами.

Я молчал, солдаты хмуро смотрели на меня.

Вернулись посыльные, доложили, что офицеров дома нет, но через несколько минут быстро вошел замполит. От быстрого бега лицо у него горело.

— Что случилось?

— Да вот,—как можно спокойней начал я,—дневальный спит, дежурный тоже. И я вдруг представил, что войдет к нам первый встречный и...

В один прыжок, со всего размаха я ударил плечом по дверям комнаты хранения оружия. Вместе с дверьми залетел в комнату, выхватил из пирамиды автомат. Магазины, заряженные патронами, валялись на сейфе. Через считанные секунды я уже стоял перед строем.

— Ну!—заорал я.—Что скажете?

Дежурный стоял с опущенной головой, дневальный испуганно смотрел в мою сторону. Весь строй робко поживался.

Утром пришли командиры взводов, я их вызвал к себе:

— Значит, так. Предлагаю всем начать служить по совести. Требовать буду не взирая на лица. И предупреждаю: если кто-нибудь из вас начнет мне мешать работать...—подыскивая слова, я замолчал.

— Не угрожай, командир,—не подымая голову, произнес капитан Каехтин,—мы уже все пуганы. Хуже нам не будет, так что о себе думай. Поживешь в этой проклятой, богом забытой дыре столько, сколько мы, сам волком завоешь.

— Я не собираюсь выть,—спокойно ответил я.—Не собираюсь и век здесь жить. Думаю, что года два-три мне достаточно будет.

Каехтин только засмеялся.

— А что касается вас,—продолжил я,—то через год, если не раньше, вы уйдете из этой дыры на повышение.

Чего-чего, а этого они не ожидали, начали смотреть на меня, как на чудака.

— Не раздавай манну небесную,—бросил почти зло Каехтин.—Не Христос.

— Я не шучу, я просто пытаюсь размышлять логически. Дыры хуже этой нет, и даже если нас накажут, то здесь остаются. Потому выход один: пахать как следует, сделать роту образцовой.

Каехтин усмехнулся:

— Твои предшественники нам все о совести и долге толковали, тоже вот так тревоги устраивали, но ничего не сделали для того, чтобы у солдат не было повода называть свою казарму свинойником. И для тебя, командир, чувствую, главное, чтоб подчиненные носок тянуть умели да по мишеням не промахивались. Правильно, конечно, что из-за ружья разгон устроил, но ведь в роте, стыдно сказать, пищу чуть ли не на кострах готовят — электроплита давным-давно сгорела, простыней нет, телевизора нет, никто, на моей памяти, из воинов в отпуск не ездил... Вот потому-то, прости за резкость, и плевать они хотели на наши требования о дисциплине и сознательности. И если хочешь сделать роту образцовой, напиши побольше лозунгов да прикрой ими щели в стенах, чтоб приезжее начальство сквозняком не протянуло...

Резко говорил капитан Каехтин, и задело меня в его словах не то, что он ко мне, командиру роты, все время на ты обра-

щался, а другое: получалось, ждал он действий от других, а сам, видя все, ничего не делал. Потому я и спросил:

— Вы-то что предприняли, чтоб электроплиту починить?

— Я ждал этого вопроса и попробую честно на него ответить. К предшественнику вашему раз десять обращался, пару раз к начальнику колонии сам ходил, а в третий раз он мне ответил: «Кто ты такой?» И действительно, чего мне, взводному, нервы себе и другим трепать? У меня одно право: не высовываться. Так, нет? Потому, командир, считаю твой вопрос неуместным. И последнее скажу. Не знаю, как у других, а у меня желания, как ты выразился, пахать на сегодня нет. И появится оно только тогда, когда я увижу, что ты пашешь, да не для себя лично, а для ивановых-петровых, которые на вышках стоят. И прошу тебя, командир, не покупать меня сказками о переводах. Я человек зрелый и гордый: не покупаюсь. Сделай хотя бы что-нибудь для того, чтоб люди жили в человеческих условиях,—вот и видно будет всю твою командирскую политику...

К начальнику колонии я пошел почти сразу после разговора с офицерами роты.

— Электроплита? Нет проблем,—весело ответил он.—Деньги мы выделим, вам остается малое: найти, где ее купить.

Господи, подумал я, как же все просто! Выходит, мой предшественник даже пальцем не хотел пошевелить, чтоб преобразить роту!

Я тут же поехал в город. Я облазил все магазины, все склады, все столовые и везде слышал одно: «Да вы что, смеетесь? У нас испокон веков этого не было и не будет!»

Ясно, почему таким веселым и сговорчивым был начальник колонии. Я плюнул с досады и хотел уж было возвращаться домой, но тут представил лицо капитана Каехтина и... И пошел в райком партии. Честное слово, не могу сказать, сколько времени пробыл я в кабинете первого, но помню лишь две его фразы, которые были сказаны, ясное дело, не одна за другой. Первая: «Я же вам не снабженец, товарищ лейтенант» и вторая: «Ну хорошо, будет вам плита, уговорили». В подразделение я вернулся не с пустыми руками...

Начальник колонии слово сдержал, деньги за плиту уплатил, но при этом покачал головой:

— Никогда бы не подумал, что у вас, Ованесов, такая пробивная сила.

— Пробивная, пробивная, Николай Васильевич. Я вас и на телевизор для роты уговорю.

— Ну, этот номер совсем дохлый. Честное слово, купил бы телевизор, самый лучший, да в нашей местности для него высотная антенна нужна. Мачту, конечно, сварить не проблема, но чтоб саму антенну создать—мастер нужен.

— Думаете, в роте мастера не найдется?..

Короче, поставили мы антенну, я сам на виду у всей роты на мачту карабкался,

«наводил» ее на лучший прием телевизором, купленным-таки колонией для нашего коллектива. Николай Васильевич оказался хозяином слова, но именно потому обещания больше не разбрасывался. И когда я его попросил выделить для ремонта казармы материалы—краску, цемент, дерево, олифу,—он был скуп даже на слова: «Нет, ничего нет. Самим приходится у совхозов попрошайничать».

— Ну, у совхозов так у совхозов,—поблагодарил я его за информацию. И поехал по директорам. Те бедняками не прикидывались, но условия все же ставили: помоги, мол, с людьми—солому поскирдовать, на хоздворах прибраться... Выстроил я роту, обрисовал ситуацию, спросил, кто согласен выходные в поле провести. Рота в полном составе шаг вперед сделала. Потом капитан Каехтин ко мне подходит: я, говорит, товарищ командир, в сельских делах толк имею, в деревне вырос, так что доверьте возглавить...

На восемь тысяч рублей мы наработали. Все, что надо для ремонта, получили, а еще—двух телок и поросят. На допитанье до этого солдаты только чай жиденький пили, теперь все шло к тому, что будут в караулах и молоко, и сало.

Приехала Галя с малышом, сразу же устроилась на работу: машинисткой в колонию. Теперь мы жили в двухкомнатной квартире и могли в любое время любоваться невиданным доселе лунным ландшафтом—мертвой пустыней, в которой сгорала даже полынь.

Впрочем, это было не главное. Главным было то, что наш малыш рос, что Галя написала злое письмо в давний свой институт и ей наконец-то выслали документы, что я, кажется, находил общий язык с солдатами и офицерами и что Каехтин признал во мне командира.

4. БЫВАЛИ ДНИ ВЕСЕЛЫЕ

НИЧЕГО не хочу приглаживать в этих записках. Что было, то было, чего уж там. Не опытом ведь своим делюсь—вспоминаю жизнь такой, какой она была. С глупостями и ошибками. Хотя повторись тот канун Нового года—и не знаю, как бы поступил иначе.

А произошло вот что. Один из «химиков» проговорился при офицерах, что солдаты завезли в роту ящик водки и собираются отметить новогодний праздник. Для нас это было как гром среди ясного неба. По служебно-боевой деятельности мы во всем полку в лидеры вышли, бытовые условия теперь у нас такие были, что учиться из других подразделений приезжали, в приказах нас в лучшую сторону отмечать начали, и вдруг...

Вечером я вызвал своего писаря, рядо-

вого Толстикова, решил поговорить с ним по душам. Не получилось. Чувствовал, что знает все солдат, но молчит. Полчаса я его обрабатывал, стыдил, приводил примеры, к чему пьянка может привести. Все напрасно. А до Нового года оставалось всего ничего: сутки.

Вечером я собрал офицеров. Долго мы обсуждали, что делать, но к единому мнению не пришли. И тут раздался голос капитана Хафизова:

— А что, если мы соберем всех склонных к выпивке и на праздник посадим их на гауптвахту?

Сегодня стыдно признаться в том, что я первым поддержал это предложение, но—что было, то было.

Мы быстро составили список.

— Многовато,—тяжело вздохнув, произнес я,—на гауптвахту не поместятся.

Замполит молчал. Когда офицеры ушли, он посмотрел на меня.

— Алексей Григорьевич, нехорошо все это.

— Ничего, от этого они не похудеют, а вот если ящик водки выпьют, да, не дай бог, в карауле... Сейчас выпишу записки об аресте, вспомню грехи каждого...

На следующий день вечером я построил всех «склонных» и повел их на гауптвахту.

— Проходите и садитесь. Буду в этом историческом месте беседовать с вами.

Они уловили мой юмор и, не подозревая ни о чем, вошли. Как только зашел последний, в дверь заглянул старшина и выжидательно посмотрел на меня.

— Слушайте,—сказал я ему.—Двери закрыть и открывать только с моего личного разрешения.

— А вы?—удивленно спросил он.

— А я остаюсь здесь.

Двери захлопнулись. Все смотрели на меня. И я сказал:

— Значит, так, здесь мы будем встречать Новый год. При хорошем поведении замполит, может, нас и чайком угостит.

— А туалет?—раздался голос.

— В туалет по одному будут выводить. Вы все арестованы на законных основаниях. Учтите, что здесь тепло, не простудимся. До Нового года осталось всего,—я посмотрел на часы,—два часа с копейками. Даю вам последнюю возможность выйти отсюда. Вы должны отдать ящик водки и признаться, чья это идея.

Для них это был удар. Я почувствовал, что попал в самую точку.

— Лучше здесь вам сидеть, чем портить праздник солдатам, а может быть, и своим родителям. Но об одном прошу сообщить сейчас: водка в карауле будет или нет?

Они молчали.

— Поймите,—тихо произнес я,—нельзя допустить, чтобы в карауле пили. Там автоматы, там боевая служба. А я в ответе перед вашими матерями. Неужели вы это не можете понять?

— В карауле водки нет,—ответил рядовой Мальков.

В окошечко камеры заглянул замполит:
— Товарищ лейтенант, с Новым годом!
Чай подавать?

Через несколько минут посреди стола уже красовался торт «Наполеон». Я сразу догадался, что это Галя прислала. Солдаты поначалу не хотели прикасаться к еде, но все ж не выдержали.

— Да, сейчас бы сидел дома с семьей, а вы смотрели бы телевизор в ленкомнате, если бы не нынешняя водочная история. Вот ведь как получается—еще не пили, а уже и сами страдаете, и другим нервы портите,—начал я.

— Можно вопрос, товарищ лейтенант?—подал голос рядовой Мальков.—А вы что, вообще не пьете и не пили никогда?

— Ну отчего же,—ответил я честно.—Не святой, всяко бывает, но, даю вам слово, никогда при этом товарищей не подводил. Тот же, кто сегодня хотел пьянку организовать, весь коллектив в дерьмо толкает. Солдаты только начали отпуска получать—теперь начальство опять никого из наших отпускать не будет. Офицеров, само собой, накажут. Но страшнее то, что из-за пьянки и трагедия произойти может, мало ли таких случаев? Вот и получите: кто-то организует «веселый денек», а кто-то за это жизнью заплатит. Нет уж, лучше я с вами на гауптвахте праздник встречу.

— Товарищ лейтенант,—подал из угла голос рядовой Рассадин.—Вы это... дайте нам... посоветаться, или как сказать? Слово, оставьте нас одних, а?

И я пошел в канцелярию роты. Там тоже кипели страсти. Капитан Каехтин, потирая виски, ходил между столами и, не видя меня, говорил офицерам:

— Я не за себя—мне к выговорам не привыкать. Но командира, честное слово, жалко. Если «папахи» узнают, что он под одну гребенку почти взвод на гауптвахту отвел, да еще страшал там солдат...

Была новогодняя ночь, а офицеры в полном составе сидели в канцелярии. Никто их не вызывал, сами пришли. Болеть, видно, за дело свое начали, и это меня так обрадовало, что я совсем не волновался о последствиях предпринятого мною коллективного ареста подчиненных. Я зашел в помещение, сел за стол и сказал:

— Водку, думаю, сейчас принесут. Что с ней будем делать? Предлагаю построить роту—все равно не спят—и на виду у всех вылить содержимое бутылок в туалет. Докладывать или нет о происшедшем начальству—это дело второе. Главное—коллективной пьянки не будет, бойцы, кажется, кое-что поняли.

Так все и произошло. Спиртное полилось в туалет, никого я за «организацию» Нового года не наказал, начальство, естественно, узнало о гауптвахте во всех подробностях, но пошумело и успокоилось—конечные-то результаты моей незаконной акции оказались положительными,—а солдаты отныне никогда и ни о чем не сговаривались за моей спиной. Ради этого плюса, честное слово, и выговор бы можно было получить с улыбкой.

5. СОЛОВЕЙ ДЛЯ ТЕЩИ

Г АЛЯ встретила меня со службы растерянной, какой-то виноватой улыбкой.

— Вот,—сказала она, протягивая мне телеграмму,—мама приезжает, теща, значит, твоя. Боже!..

Последнюю реплику я разделил вместе с Галей. Дело в том, что жена моя во всех последних письмах домой так живописала наши края и так безбожно врала о нашей квартире, что можно было подумать, будто мы жили в фешенебельном особнячке где-нибудь под Ялтой. Первым моим желанием после чтения телеграммы было желание совершить пеший поход через пустыню, можно даже без воды и пищи, продолжительностью недели на три, пока не уедет гостья. Но, поняв, что поход—дело нереальное, я придал своему лицу беспечное выражение и сказал Гале:

— Что ж, достану «Чайку» и поеду ее встречать. У нас есть, кстати, ее фотография? Я ведь ее еще не видел. Хотя ладно, узнаю...

За «Чайку» сошел маленький разбитый автобус неопределенного цвета, весь в мазуте снаружи и еще грязнее изнутри. Змееподобные пружины кобрами раскачивались, выглядывая из порванных сидений. Водитель «Чайки» вполне гармонировал с машиной: мало того, что он дня три не брился,—его физиономию украшал еще и кроваво-синий фингал, а редкие желтые зубы намертво сжимали «беломорину», погасшую, может быть, еще год назад. В общем, был водитель ярким—ярче не придумаешь!—представителем братии, которая содержится в колониях. К тому же всю дорогу, пока мы ехали на вокзал, он пел дребезжащим, жутким голосом такие песни, что даже у меня уши вспыхивали.

— Ты вот что,—попросил я «барда»,—ты при теще репертуар-то смени, иначе она тебя за иностранца примет.

— Так я ж по-русски пою, гражданин начальник,—удивился шофер.—Чего непонятного?—И снова задрезжал: «Менты шмонали хазу, дрип-ца-ца, лунавый петрил Васину чернуху...»

И вправду, понятно, подумал я. Идет обыск в доме, и в это время следователь ловит на вкраях скрипача Васку, скрипач—это который на дамских сумочках специализируется...

Господи, подумал я, а ведь так и сам скоро запою подобное, и сын мой, как и другие дети в поселке, в расконвоированных играть будет—руки за спину и пошел по периметру песочницы,—и Галя, моя милая, интеллигентная Галя забудет, зачем нужно выходное платье, и из женщины превратится в жену конвойника, воспринимающую как неизбежность и матерную речь, и такой вот автобус, и примитивнейший быт... Это в лучшем случае. А если ве

захочет больше воспринимать, если расплачется сейчас на плече у мамы и примется собирать свои вещи?..

— Умолкни,—сказал я шоферу, и голос мой был таким, что певец оборвал свое сольное выступление на полуслове и опасно покосился на меня.

Тещу нельзя было не узнать. Во-первых, жен секретарей обкомов, что б там ни говорили, встречают по одежке, а, во-вторых, она на этой станции была единственным пассажиром, покинувшим желтый от пыли состав. Я рванулся к ней, и рука совершенно неожиданно, непроизвольно потянулась к козырьку фуражки. Я чертыхнулся и, кажется, не про себя: теща удивленно вскинула на меня глаза и бросила сухо:

— Чемоданы в купе, одиннадцатое место.

Потом мы ехали на автобусе домой, и я молил всех святых, чтоб водитель реже к нам поворачивался и еще реже начинал разговоры. Но святые были не со мной, наказывая меня, видно, за мой ярый атеизм. Шофер все время пялился на тещу, мало того, почему-то подмигивал ей, и она каждый раз при этом съезживалась и поджимала под себя ноги.

— Следите за дорогой,—прикрикнул я. Водитель нервно дернулся, будто через него ток пропустили, и вперил взгляд в лобовое стекло. Теща впервые уважительно посмотрела в мою сторону и, как мне показалось, даже чуть подвинулась поближе ко мне. И тут послышался дребезжащий и жуткий голос моего небритого Карузо:

В роше моей поет соловей,
Спать не дает он теще моей.
Возьму я ружье, убью соловья —
Спи спокойно, теща моя!

У меня создалось такое впечатление, что теща только про ружье и про угрозу убить кого-то и поняла-то. Я ясно расслышал ее испуганный всхлип, и в ту же минуту ее рука юркнула мне под локоть и вцепилась в китель.

Так мы и выходили у моего дома из автобуса, под руку. Но пришла в себя теща намного быстрее, чем я хотел бы. Осмотрела наш двор, дом, нашу мебель с инвентарными номерами, попробовала борщ с тушенкой и уже даже не смотрела в мою сторону. Лишь поздним вечером соизволила заговорить. Галя возилась с малышом, я вышел на улицу покурить, вот тут она и подошла ко мне:

— За что вы так наказали мою дочь?

— Я не понимаю, Маргарита Александровна...

— Ах, бросьте, все вы понимаете! Вы лишили Галю будущего. Эта дыра, эти портянки, эти консервы... А ведь дочь в совершенстве знает иностранный язык, она могла бы закончить вуз, получить диплом, жить не только ради вас, но и ради себя. Вы будете возить ее по пустыням и тундрам как необходимую принадлежность, как вещь, неужели не понимаете? И не пытайтесь меня убеждать, что когда станете генералом, то все изменится. Джетыгары ваши даром не проходят.

— И хорошо,—сказал я.—Каждому человеку надо испытать подобные трудности..

— Кто это вам сказал? — иронически взглянула она на меня. — Почему — надо? И вообще, откуда это: «быть там, где трудно, не избегать опасностей»?.. Мы с мужем, Алексей, искусственных препятствий на своем пути не возводили и естественные пробовали обходить, а не преодолевать. Женился — он мастером был, я — студенткой. Учились, ради лучших квартир, больших окладов работы меняли и ничего зазорного в этом не видели. Жили так, чтоб и ему, и мне хорошо было, и к другим людям с такой же меркой подходили. Были сами себе хозяевами, по своему усмотрению судьбу свою делали. И вот он секретарь обкома, хороший секретарь, поверьте: слышу, что люди о нем говорят. Он никого не подминает под себя, он считается с каждым, и со мной, конечно же. Он не спит на гвоздях и других не заставляет это делать, понимаете, о чем я говорю?

— Маргарита Александровна,—начал я.— Мы не такие уж и подневольные, как вы думаете, и потом, кто-то ведь должен быть здесь...

— Должен,—легко согласилась теща. Но тут же добавила:—Оставайтесь. А мы с Галей уедем, завтра же.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Я ходил по двору, обжигал губы о сигареты, я отыскивал крамолу в словах тещи, но все время признавался себе: она права. Я выбрал профессию, тяжелую для Гали, она будет мотаться со мной и не обретет ни специальности, ни подруг, ни покоя, ни материального достатка—ну что мои гроши для дочери секретаря обкома?! Нет, надо что-то менять. Галя вновь поступит учить-

120

ся, в выходные надо ездить с ней хотя бы в райцентр: в клуб, в кинотеатр. Хорошо бы если б полк какое-то семейное мероприятие затеял... Впрочем, о чем это я? Галя же уезжает, наверное, с матерью уже обговорила этот вопрос. Уезжает...

В комнату я вошел только под утро. Женщины, обнявшись, сидели одетыми на кровати и плакали.

Через день мы провожали Маргариту Александровну.

— Если честно, я боялся, что и ты... — сказал я Гале, когда поезд тронулся.

— Знаю, знаю. Вы с мамой все просчитали, все плюсы и минусы. Но есть еще такая штука, как любовь, Алеша. А любви все до лампочки, особенно математика.

6. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЧИТЫВАЮ написанное и ловлю себя на мысли о том, что о службе как таковой почти ничего не сказал. То про поросят, то про электроплиты, то про тещу... Но дело в том, что токарь, наверное, рассказывая о своей жизни, меньше всего станок свой описывает. Для него он — повседневность. Ну кому, думает, интересно, на каких оборотах он работает или сколько энергии потребляет?..

Так и я думаю о своем деле. Как побегі предотвращали, как уловки осужденных разгадывали, как ухитрились в узатском пекле боевую службу на вышках нести — кому это интересно читать? Все ж в войсках через это прошли, всем это знакомо, у многих от этого виски белые к сорока годам. И потом, если о войсках пишут где, то в строках тех — сплошные выстрелы и потоки крови.

Да, у нас в руках автоматы, да, и в Закавказье, и в других горячих точках мы не в бирюльки играем, но надобно, уверен, курсанту знать, что завтра его ожидает испытание не только огнем, но и бытом. И, узнав о натягивавшем поводок Джеке, курсант должен узнать, к примеру, и о том, как офицер Ованесов... совхозных уток воровал.

Случилось это в той же Джетыгаре вскоре после того, как рота на отлично сдала итоговую проверку. В самый ее канун мы отличились в служебно-боевой деятельности, предотвратив групповой побег.

В штрафном изоляторе службу нес контролер по надзору ефрейтор Соколов. Прохаживаясь по коридору, он поочередно заглядывал за дверные глазки камер. Время было позднее, и осужденные спали на нарах.

Очередной раз заглядывая в отверстие, Соколов вздрогнул. На него в упор смотрел глаз осужденного.

— Нача-альник, — протяжно подал тот голос, — мне врача бы, живот болит.

Соколов отошел. Посидев на табурете,

вновь стал делать обход. Опять подошел к этой камере и опять встретился с глазом осужденного. Солдат, нарочно громко стуча каблуками, посвистывая, медленно пошел по коридору. Потом снял сапоги, приблизился к камере. Осужденный, стоя возле дверей, монотонно просил врача. В перерыве между его завываниями Соколов услышал скрежет металла, осторожно поднялся и в смотровое окно увидел осужденного на окне...

Через несколько минут я был уже в зоне, зашел в камеру. Увидел, что толстые прутья решетки распилены. Еще бы чуть-чуть, и...

В общем, сначала командир полка, а потом и офицер из управления войск, разговаривая со мной по телефону, поблагодарили за бдительность, а заодно сообщили: ждите, мол, офицеров из управления. Рота из самых отсталых в передовые вырвалась, вот и будут вас потому инспектировать с особым пристрастием: не липу ли гоните. Сам генерал Латыпов, может быть, прибудет.

В отдельно дислоцированную роту генерал не каждый день наезжает, многие солдаты генералов только в кино и видели, потому это известие послужило своеобразной встряской для каждого. Плац мы, конечно, с мылом не мыли, но два дня казарму так драили, что спины ныли.

Генерал к вечеру приехал и сразу в солдатскую столовую пошел, за общий стол сел: ужин как раз шел. Ну, тетя Маша, наша повариха, пельмени ему несет, сметану, масло, а он — «Мне давайте то, что и солдатам». А она: «Так то и даем. А чего ж не давать: у нас и коровы свои, и мяса хватает. Солдаты питаются здесь, как дома». Генерал — мне: «Ованесов, узнаю, что на показуху работаешь — накажу, честное слово». А я отвечаю: мы, мол, товарищ генерал, вас к вечеру не ждали, так что специально ничего не готовили. Вот если б вы утром приехали — тогда бы увидели показуху: индюшатина была, для вас специально. В караул ее отдали, поскольку разведка донесла, что вы сегодня не приедете. «А если б я завтра приехал?» Цыпленка-табака были бы, честно отвечаю, попоказуховски, так сказать, не из общего котла. А сегодня наказывать меня не за что.

Еще день жил Латыпов в роте, со всеми переговорил, все осмотрел. Потом начал со мной беседу тет-а-тет: мол, считаем возможным назначить вас, товарищ старший лейтенант, на должность начальника штаба батальона. И капитан Каехтин на повышение уедет, ротой командовать.

Вот такая она, наша военная жизнь. Вроде и сам-то свое нынешнее место службы дырой считал, мечтал уехать отсюда, но предложение последовало так внезапно и в такой форме, что заняло в груди. Хоть и маленькие корешочки, да пущены они уже в эту землю, как их обрывать?!

— Не трава, — сказал Каехтин, выслушав

мой сгования.—Мы как звезды блуждающие. Правда, и у тех есть в небе свои четкие траектории. Мы же движемся по земле не по физическим законам, а по законам... долга, что ли? На нем в принципе и держимся. Нет больше у нас ничего.

Мы возвращались с капитаном Каехтиным со стрельбища своим ходом и размышляли о нашей судьбе.

— Вот,—говорит Каехтин,—какие дела. Разведемся и, может статься, никогда не увидимся больше. В проигрыше или в выигрыше останемся, а? Мне это дикое место покидать жалко. Знаешь, что больше всего нравится? Что дичи и зверья тут много. Прудов мало, но зато они утками забиты... Слушай, может, сделаем крюк небольшой, к водоему, где совхозные фермы стоят? Сейчас, осенью, кряква уже перелет начала.

На степь опускалась ночь, но спешить нам было некуда, и мы повернули туда, куда звала нас охотничья душа капитана Каехтина. Еще задолго до подхода к пруду над нашими головами несколько раз по-шмелиному прогудели стаи уток.

— Я их в детстве даже камнями сбивал,—мечтательно заулыбался Каехтин.— Их у нас ведь было!..

Зеркало пруда отражает луну и крупные низкие звезды. На глади воды видны силуэты птиц. Мы идем тихо, и они, видно, не боятся нас.

«Бери камни,—шепчет Каехтин.—Только не спеши, я первым начну, а когда они взлетать будут...»

Наши крепкие руки и пустые головы сделали свое дело: четыре утки сначала молча забились на земле, а потом еще некоторое время трепыхались в наших руках. Домой мы чуть ли не бежали: еще бы, будет теперь праздничный стол в честь окончания итоговых занятий и наших новых назначений. Забыли, когда уже свежую птицу ели, а вот сегодня...

Мы вдвоем забежали к нам, перебивая друг друга, начали объяснять Гале ситуацию, Галя радостно всплескивала руками, естественно, хвалила нас, а потом обратилась к Каехтину:

— Иди переодевайся, бери Свету и—сюда. Уток только оставь, я их пока ошипывать начну.

Каехтин достал дичь:

— Во какие тяжелые, красави...

И замолчал. А Галя опять всплеснула руками и совсем уже не восторженно сказала:

— Да вы что, мальчики? Вы что надедали?!

Каехтин держал белую домашнюю утку. Там, у пруда, в ночи, мне лишь на миг показалось странным, что добыча наша... нестройная какая-то, что ли, неуклюжая. Утки не разлетались, а разбежались от нас по воде, и одна из добытых действительно выглядела белесой. Но только теперь дошло: мы на совхозных уток напали! Птицеферма же там, у пруда!

Об остальном и рассказывать вроде неинтересно. Каехтин пошел домой, вернулся с женой, приготовили мы эту «дичь»—не пропадать же добру!—тосты под нее такие произносили, что со смеху падали... А на следующий день пошли на ферму платить за нанесенный ей ущерб. Заведующая долго не могла понять, за что вручили мы ей два червонца, потом деньги взяла, но все убеждала нас, что у нее—строгий контроль и она не может дать ни одной утки... «Как же я их спишу? Они ж не дикие, не летают...»

— Зато мы дикне,—сказал ей Каехтин.— И улетаем не сегодня-завтра, и не знаем, где соьем свои гнездовья и надолго ли там поселимся...

«ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА»-91

Для начала напомню—двенадцатая книжка научно-популярной серии «Защита Отечества» была посвящена внутренним войскам, призванным загасить, локализовать очаги межнациональных распрей. Авторы—А. Горлов, Б. Карпов, И. Козлов, А. Ушар. Ищите ее в библиотеках.

Зато не поздно стать подписчиком серии на 1991 год—с любого квартала. И тогда вы узнаете, что первая Отечественная война в России началась не в 1812 году [А. Шишов. «Отечественной войной ее не назвали»), а окончательное присоединение Крыма к России—итог заточения русского посланника Булгакова в Семибашенный замок [Н. Шамагонов. «От Очакова до Измаила»].

Подписчики также узнают много интересного о подготовке военнослужащих в армии США [В. Гобарев. «Как готовят джай»] и, конечно, в нашей армии [В. Пере-

валов. «Аутотренинг в подготовке бойца»]. На базе ранее закрытых материалов, в том числе архивов КГБ, подготовлены выпуски серии «Бойцы незримого фронта» Л. Яковлева и «Творцы паритета» С. Птичкина.

Полвека назад началась Великая Отечественная война. Но многие страницы ее огненной летописи еще ждут своего читателя. В их ряду документалистика А. Бабина «Июнь 1941-го: истоки трагедии» и книжка В. Данилова «Ставка Верховного Главнокомандования в годы войны». Под рубрикой «Славные сыны Отечества» будет рассказано о замечательных, но, увы, малоизвестных русских военачальниках Д. Щени, М. Воротыньском, П. Салтыкове, М. Скобелеве.

Стоимость подписки на год—4 руб. 20 коп., индекс 70196.

Л. МИХЕЙКИНА,
редактор серии «Защита Отечества».

БЫТ

ИЛИ НЕ БЫТЬ?

**ЭТОТ ПОЧТИ ГАМЛЕТОВСКИЙ ВОПРОС
ВСТАЕТ ЗАЧАСТУЮ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕКОМ,
ПОЛУЧАЮЩИМ НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.**

НАША РАДОСТЬ казалась безграничной: все же вместе прошла лейтенантская юность! Воспоминаниям не было конца. И все бы хорошо, да, не удержавшись, я спросил:

— Ну а служится, служится-то как?

Он сразу сник, вроде и ростом ниже стал. Куда девалась только что рвавшаяся наружу веселость, пока перебирал дни минувшие и рассказывал о жене, сыне, дочери.

— Служится? — он опустил голову, задумчиво забарабанил пальцами по столу, вздохнул. — Если откровенно, то плохо. И не потому, что звездочка в срок не прибавилась, нет. Работать неинтересно стало, — он снова вздохнул. — Засиделся я, понимаешь! Силенок и знаний хоть отбавляй, развернуться бы, но... масштабы не те. Да и что теперь говорить...

Слушал я давнего своего приятеля, с которым не виделся добрый десяток лет, и перед глазами вставала знакомая до мелочей картина: солдатская «курилка» с врытым в землю колесным барабаном, чахлые акации вокруг и, конечно, он, командир отдельной роты.

Я знал, что ему предложили новую должность — начальника штаба батальона, и вот, встретившись тогда, помнится, поспешил поздравить.

— Спасибо! — ответил он, пожимая руку. — Да, видимо, откажусь я.

— Чего это вдруг? — брови мои поползли вверх от удивления.

Он задумчиво поковырял носком сапога землю вокруг барабана, затем заговорил быстро-быстро, словно прорвало:

— Понимаешь, жена, половина моя, против. Место хорошее, мол, квартира благоустроена, сама она на приличной работе, дети учатся, дочь в музыкальной школе, пианино купили недавно. А там (он назвал место нового назначения) кто его знает, как оно будет. Короче, поразмыслили мы сообща, и я отказался...

И остался тогда мой друг на прежней должности. Он и сейчас такой же боевой, работающий, его рота удерживает первенство в соревновании, но, судя по всему, все больше жалеет человек о своем тогдашнем решении.

ПРАПОРЩИК Иван Васильевич Попов был хорошим связистом, человеком, любящим это дело и понимающим в нем. Но года три назад, как теперь сам признается, соблазнился отдельным финским домиком. Ради него перешел в другую часть. Стал... заведовать складом. Домик утопает в зелени, овчарка бегает вдоль забора, куры, гуси. Вот только радости нет.

— Скучота одна, — махнул он рукой, стоило мне коснуться теперешней службы. — То ли служба связистом.

И ведь рассказывает о чем-то весьма прозаичном, связанном с немалым трудом и напряжением, а как при этом преображается, словно озаряясь изнутри каким-то мягким, теплым светом. И я понимаю — призвание.

— Почему же не вернетесь? Ведь дорога назад наверняка не заказана?

Он тяжело вздыхает, окидывая хоромы: — А это куда денешь? С собой не потащишь...

Вот так и маяется человек на своем, вернее, чужом складе. Ни сердцу отрады, ни уму наслаждения.

И вновь убеждаешься, как много нашего брата, тяжелого на подъем, связанного по рукам и ногам бытом. Один «дослуживает», боясь поцарапать при переезде импортную мебель, другого (скорее, не самого, а жену, тещу) отпугивает глухое место, грядущие трудности, от которых никуда не деться. И, короче говоря, когда вопрос встает ребром: «Быт или не быт?» — многие отдают предпочтение быту. А в результате страдают и сами, и дело.

— Что же вы предлагаете? — запальчиво спросил меня сменивший профессию Иван Васильевич. — «Быт или не быт?» — вопрос сложный. Не так-то просто взять и уехать в другие места человеку в возрасте, с семьей. Тут столько всяких завышек...

Так стоит ли бояться трудностей?

ВАЛЕРИЙ Максимович Шибанов служил в большом городе. И как это часто бывает у военных, вдруг предложение — уехать... на равнозначную должность. Место, прямо скажу, аховое: вода привозная, детей в школу за двадцать с лишним километров возить надо. Короче, неудобств — хоть отбавляй! А служба? Подразделение не из лучших, прежнего командира сняли с занимаемой должности. Тем не менее Шибанов согласился. Не испугали его трудности быта: понимал, что на него надеются. И оправдал надежды: подчиненные ему люди вышли в передовые, сам вырос как командир. Сегодня Шибанов — полковник, на более высокой должности в Приволжском управлении наших войск.

В народе говорят: делом славен человек. Так надо ли бояться поцарапать мебель при переезде к новому месту службы?..

Подполковник А. ЧИБИСОВ.

ЗАБАСТОВКА...

- ПРАПОРЩИКИ ТРЕБУЮТ СПРАВЕДЛИВОСТИ
- АТАКА НА ФОРМАЛЬНУЮ ЛОГИКУ
- КТО ХОЗЯИН В ЗОНЕ!

В СМУТНЫЕ времена ваньки каины и мишки япончики всегда снимали обильную жатву с полей вражды и хозяйственного разлада. Вот и в нынешнюю переломную эпоху их «цивилизованные» потомки, воспользовавшись нерешительностью державной власти, объявили настоящую войну силам правопорядка. «Лев прыгнул». С ответными мерами, не говоря уж о превентивных, руководящие органы запаздывают, утонув в бюрократической волоките и межведомственных распрах. При такой нерасторопности «верхов» «низы» вынуждены брать инициативу в свои руки. И тут уж само время с его перестроечными страстями толкает людей к нетрадиционным (или традиционным?) методам борьбы за свои права. Если шахтерам удалось сокрушить тараном забастовок чиновничьи бастионы, то почему бы не последовать их примеру студентам, работникам метрополитенов, милиционерам или, скажем, контролерам по надзору? И последовали — прапорщики одного из подразделений управления внутренних войск по Средней Азии и Казахстану.

«Осужденные потребовали, — пишет в письме в редакцию заместитель командира роты по политчасти старший лейтенант Д. Грищев, — не допускать к службе опытных контролеров прапорщиков Бережного С. А., Шугурова З. З., Тлепбергенова И. З. и старшего сержанта сверхсрочной службы Гусейнова А. Н., пригрозив невыходом на работу. Администрация пошла у них на поводу. В этой обстановке командир части принял решение о временном переводе военнослужащих в другую роту.

Претензии были следующие: к Бережному — применил резиновую палку при изъятии у осужденного канистры с брагой (тот оказал физическое сопротивление); к Шугурову — необоснованно, по мнению уголовников, проводит обыски; к Тлепбергенову и Гусейнову — пытались постричь осужденного (выполняя приказ начальника колонии).

После выдворения лучших контролеров из зоны возросла служебная нагрузка на личный состав, резко упало качество надзора в ИТК. Стоило сделать какое-нибудь замечание осужденному, как тут же звучали угрозы: дескать, смотри, начальник, пойдешь вслед за Бережным... И контролеры решились на последнее средство — объявили забастовку. Но и это не помогло.

Непонятно, кто в конце концов отбывает наказание — преступники, которые убивали, насилывали, грабили, а теперь «завоевали» право по своему усмотрению распоряжаться конт-

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА

ролерами по надзору, или военнослужащие внутренних войск?»

Как это все могло произойти?

Вот официальный ответ за подписью начальника штаба соединения: «Как показало служебное расследование, указанные в письме старшего лейтенанта Грищева факты подтвердились. Действия прапорщиков Бережного, Шугурова, Тлепбергенова и старшего сержанта сверхсрочной службы Гусейнова признаны правомерными. Командиру части определено подразделение, в котором в дальнейшем использовать данных военнослужащих (то есть капитулируем? — Ю. К.).»

«В ходе расследования установлено, что причинами имевших место фактов явились: недостаточная обученность контролерского состава в действиях по задержанию нарушителей режима содержания; низкий уровень политико-воспитательной работы среди контролеров; затянувшееся расследование прокуратурой по надзору за соблюдением законов в ИТУ и военного прокурора гарнизона».

ПОЭЗИЯ канцелярского документа... Бывает, один такой перл, увенчанный чернильным штампом «на №...», стоит многих страниц высокой прозы. Какая четкость позиции, какая поразительная способность атакой с ходу опрокидывать законы формальной логики! «Недостаточная обученность», «низкий уровень», «слабое знание», и все же — «действия признаны правомерными». То есть яснее ясного: вы, товарищи прапорщики, правы, но... виноваты.

Понимая, что такой подход к оценке ситуации вряд ли устроит контролеров (за что боролись?!), попробуем приблизиться к истине другими путями.

Прапорщик С. БЕРЕЖНОЙ: С чего все началось? Во время обыска мы с прапорщиком Кудасовым задержали осужденного, который пытался спрятать двадцатилитровую канистру с брагой. Он швырнул в меня эту канистру — хорошо, отскочить успел, — ударил Кудасова. Пришлось применить резиновые палки...

Вскоре случай с Гусейновым и Тлепбергеновым. Осужденные говорят: «Не нравится нам ваше поведение. В зону теперь не зайдете, мы так решили». А что, они тут тайные сходы устраивают, собрания.

Все в колонии контролируется «положенцами» «вора в законе». Один за положением в ШИЗО (штрафной изолятор. — Ю. К.) следит, другой за комнатой свиданий — закреплен, третий контролеров «пасёт»...

Когда из зоны нас вывели, было много обещаний — мол, это ненадолго. Но вышло совсем по-другому. Что тут делать? Решили своими силами бороться...

Майор внутренней службы В. КИМ, начальник учреждения: Осужденным сейчас живется очень вольготно. Чуть что — жалоба прокурору, требование возбудить уголовное дело против начальника колонии, зама по режиму. Сегодня осужденному ничего не стоит оскорбить, ударить представителя администрации или контролера. Но попробуй в ответ применить спецсредства — такой шум вокруг поднимется. Прокурор по надзору часто проявляет либерализм, берет под защиту преступника. Еще бы — демократизация!

Чтобы навести порядок в колонии, товарищи из вышестоящих органов, не ставя меня в известность, вступают в переговоры с «авторитетами». Мне не по душе такие методы работы...

К контролерам особых претензий нет. Дело свое знают, особенно Шугуров и Бережной. Хотя случаются и срывы. Скажем, у Гусейнова... Захожу как-то в надзоркомнату, а он там избивает осужденного...

Старший сержант сверхсрочной службы А. ГУСЕЙНОВ: Это ложь. Дело так было. Я получил распоряжение начальника колонии постричь одного осужденного. Завели его с Тлепбергеновым в комнату наряда, пришел парикмахер. Осужденный устроил истерику: «Не буду стричься, хоть режь!» Я — к майору Киму. Он со мной в надзоркомнату...

Никто осужденного не трогал. Потом и в медпункте подтвердили: следов от побоев на теле нет.

Утром два отряда не выходят на работу. А на следующий день мы узнаем, что в зону нас приказано не пускать.

Начальник колонии сам, между прочим, рукоприкладством занимается, не раз это видел. А как с «авторитетами» заигрывает! Посадят, к примеру, «положенца» в ПКТ (помещение камерного типа. — Ю. К.) на полгода, он его обязательно выпустит, эту мразь самую натуральную. А «мужика», пахаря, который случайно в колонию попал, — давить будет...

При всем сочувствии к майору Киму (попробуй покрутись между двух огней), трудно понять его позицию. Ситуация и без того непростая, зачем же еще навредить тень на плетень, облыжно обвиняя контролера в избиении осужденного. Не для того ли, чтобы снять с себя ответственность за случившееся?

Не совсем понятны и принципы, которыми руководствовались офицеры, принявшие решение о переводе контролеров в другую роту. Может быть, в наказание за строптивость?

Когда прапорщики в ответ на действия администрации объявили «забастовку» (беру это слово в кавычки, потому что акцию их протеста забастовкой назвать трудно — не было ни плакатов, ни радикальных призывов, от службы никто не отказывался), прозвучало обещание: как только военная прокуратура, куда передал уголовное дело прокурор по надзору, завершит расследование, Бережному и его сослуживцам путь в колонию будет открыт. Контролеры запаслись терпением. Но время шло, а воз, как говорится, стоял на месте. Тогда начался второй тур «забастовки». Из части ответили: потерпите еще два дня. Однако и это обещание выполнено не было. «Подумали, все — за справедливость бороться бесполезно, — вспоминает старший лейтенант Грищев, — плетью обуха не перешибешь. И тут поступает новое распоряжение: вернуть прапорщиков в их родную роту».

Полковник В. ВНУКОВ, командир части: Признавая правоту контролеров в происшедшем инциденте, метода их протеста одобрить не могу. Все-таки мы военные люди...

Прапорщиков убеждали: решение об их переводе в соседнее подразделение — мера временная. Надо было подождать, пока в зоне улягутся страсти. Я располагал информацией о том, что на контролеров готовится покушение. Можно ли было подвергать опасности жизни людей?

Ситуация изменилась после того, как УИД (управление по исправительным делам. — Ю. К.) провело режимное мероприятие против «отрицаловки».

Согласен, забастовка — не самый лучший способ разрешения конфликтов. Ну а если предположить, что прапорщики просто не видели в этой ситуации иного выхода. Чем больше звучало заверений, обещаний, тем меньше оставалось надежд. Судите сами, у администрации колонии — одни заботы, у командования части — другие; прокурору по надзору — лишь бы уголовное дело возбудить, расследует пусть военная прокуратура; последней же оно нужно так, как телеге пятое колесо. Все только обвиняют друг друга, возмущаются существующими порядками, а дело — в долгом ящике. Пришлось поторопиться «верха». Можно было выбрать более дипломатичный способ? Так ведь и с прапорщиками тоже не по-джентльменски поступили. И еще одно слово в защиту. Не бытовыми условиями, не нищенскими окладами возмущались контролеры, о службе пеклись, защищали профессиональную честь, на которую посягнули преступники, а заодно с ними и те, кому благополучная «цифирь» дороже человеческого достоинства.

Подполковник внутренней службы А. КОРНИЕНКО, заместитель начальника УИД УВД облсполкома: Никуда не денешься, наша недоработка очевидна. Проявили непростительную медлительность, инертность

в нейтрализации «отрицаловки». Нужно было принимать опережающие меры...

Но что мешало принять эти самые меры? Вот вопрос вопросов.

Давно стал притчей во языцех наш хронический недуг — запаздывание. Оттого, наверное, и не ладится ничего. И в масштабах державы, и в уделах отдельно взятого департамента. Зато «стрелочника» найти — никаких проблем. На то и нижние чины, чтоб за грехи начальства отдуваться...

И вдруг «стрелочники», которым «не сметь свое суждение иметь», восстали! Какому руководителю, скажите на милость, придется это по душе? Конечно, мало приятного в том, что преступник торжествует, а надзор — в положении «униженного и оскорбленного». Но в интересах дела (то бишь руководства) еще и не такие компромиссы допускались. Главное, чтобы поменьше шума, подальше от гласности.

В драме, о которой идет речь, ре-марка «народ безмолвствует» не прошла. Контролеры отказались смириться с уготовленной им ролью безропотных жерв.

Правды ради надо сказать: нашлись ответственные лица, давшие объективную, недвусмысленную оценку ситуации. Безоговорочно встал на сторону контролеров начальник политотдела внутренних войск по Средней Азии и Казахстану полковник Н. Гончаров. Счел необходимым восстановить статус-кво командир соединения.

Вроде бы точки над «i» расставлены, справедливость восторжествовала. Но восторжествовала ли истина?

ТОТ, кто игнорирует общие вопросы, обречен постоянно наткаться на них, решая частные, — учили классики. Не будем же уподобляться нерадивым ученикам, попробуем в зеркальце факта разглядеть физиономию явления.

Черты знакомы... Хочешь не хочешь, а речь придется вести о нашей экономике, окончательно разваленной у врат спасительного рынка. Но не пугайтесь, мы сузим предмет нашего интереса до скромных масштабов, имея в виду лишь один сектор «народного» хозяйства. А любопытен он вот чем: в нем удивительным образом воспроизводится экономический уклад, господствовавший задолго до «исторического материализма». Миновали тысячелетия, изменились принципы рекрутирования дармовой рабсилы, но сущность эксплуатации осталась прежней. В самом деле, какая разница, кого принуждают вкалывать на хозяина — пленника, купленного на не-

вольничьем рынке, или изолированного от общества рецидивиста: оба приносят прибыль, ненавидя свой каторжный труд, как бы ни расписывали его благодатное воздействие на исправление человеческих пороков ученые мужи. И не все ли равно, в конце концов, кто хозяин — богатый аристократ или всевластное государство, в лице чиновников эксплуатирующее рабов и крепостных под лозунгами равенства, братства и счастья: принуждение при всем различии эпох и мотивов лишения свободы остается принуждением. А главное, рабам и узникам всех времен и народов абсолютно наплевать на результаты подневольного своего труда. Поэтому система и нуждается в мощном механизме насилия.

Любая палка — о двух концах. Стоит ослабить гайки или, не дай бог, сорвать резьбу, как дармовые работники тотчас же, безо всяких там акционерных обществ и профсоюзов, устанавливают стихийный контроль над «рабовладельческими» предприятиями, если, конечно, хозяин желает сохранить прибыль, не разрушая привычную «систему». Происходят парадоксальные метаморфозы. Вот уже и осужденный становится в некотором роде хозяином положения: «хочу — план гоню, хочу — в потолок плюю»; а хозяин попадает в известную зависимость от своего «подопечного»: не будет плана — хозяева рангом повыше семь шкур спустят. Что же касается службы, осуществляющей надзор, а по совместительству и перевоспитание, то она в этом положении манкируется обеими сторонами, поскольку администрации мешает выбивать план «любой ценой», а осужденным — филонить. Так и стоит контролер перед вечной дилеммой: будешь усердствовать в выполнении служебного долга — наживешь тайных и явных врагов, пойдешь на сделку с совестью, приспособившись к «объективным» обстоятельствам, — когда-нибудь «залетишь». Есть, несомненно, исключения. Образцовые колонии, дружная работа военнослужащих и администрации, способствующая быстрому превращению уголовников в сознательных строителей социализма... Но вся эта идилия за колючей проволокой «имеет место» в отдельных учреждениях не благодаря, а вопреки системе. |

Пока для руководства ИТУ главное — выполнение производственного плана, а насильственный труд считается единственным способом исправления отягченных злом человеческих душ, в наших зонах будут чадить очаги криминальной напряженности.

Такова общая картина, в которую органично вписывается частный эпизод: лагерная мафия пытается устранить силы, мешающие ей навести свои «порядки». Сдаются контролеры без «боя», не исключено, что «команда» «вора в законе» предприняла бы новую «акцию». Обстановка для таких дел самая подходящая. Тут тебе и всеобщая «гуманизация»: убийцу готовы по головке гладить, а конвой и надзор предают остракизму как врагов народа. Тут и наша нерасторопность в изменении устаревших порядков и правил, которые только на руку преступникам. Ведь просто до невероятных вещей додумываемся. Ну вот хотя бы численность войсковых нарядов контролеров. Кто ее устанавливает, командир части, начальник колонии? Дудки! Все опять же от осужденных зависит. Сколько «граждан» содержится в ИТК, таковы, в пропорциональном отношении, и силы надзора. Конфигурация периметра, особенности производства, оперативная обстановка на объекте — это все попоку. В зоне, где происходили описываемые события, наряд на смену состоит из четырех контролеров. «Курам на смех, — невесело шутят прапорщики. — Один рядом с ДПНК службу правит, другой за ПКТ — ШИЗО закреплен, остальные активные единицы — на сьемсот осужденных. Попробуй обеспечи режим содержания». И здесь потогонная система из объятий своих не выпускает. Пусть себе дороже, боком пусть выходит — зато экономия ведомственного бюджета.

Куда ни кинь — всюду клин: зависимость подразделений охраны и надзора от спецконтингента. Противоестественное сожителство ГУИД с экономикой, начатое еще в эпоху ГУЛАГа, извратило все отношения в «учреждениях» и вокруг них, превратив обе стороны в заложников и жертв абсурдной системы. Как тут blatant элите не воспользоваться сим обстоятельством и не вставить фитиль гражданам начальникам? И будут, извините, вставлять, расширяя сферу своего влияния, до тех пор, пока в системе исправительных дел не начнутся коренные реформы.

Оптимистическая нота: недавно в МВД разработана новая концепция исполнения уголовного наказания. Она нацелена на то, чтобы поставить осужденных в человеческие условия. Обеими руками — «за». Преступник, лишенный свободы, должен чувствовать себя человеком, иначе всем усилиям армии воспитателей пенитенциарных учреждений цена будет грош. Однако не менее важно, чтобы гуманизация коснулась наконец системы охраны и надзора, благотворно отразилась на офицерах, прапорщиках, солдатах, которые выполняют малопrestижную, неблагодарную, но нужную работу. Чтобы в трудных ситуациях за цифрами производственных планов, показателями служебно-боевой деятельности не забывали о достоинстве и чести человека в погонах.

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

ФОТО А. Александрова

**УБЕРЕЧЬ
ДЛЯ...
ВОЗМЕЗДИЯ**

Дожили... Это ж какого матерого преступника взрастили в нашем обществе равных прав и возможностей, что для его конвоирования и охраны в зале судебного заседания солдат приходится порой экипировать, как на боевую операцию. Ничего не поделаешь: опасных рэкетиров — подручных дельцов теневой экономики — в любую минуту могут отбить. Или убить, чтобы не сболтнули лишнего. Да и от самих подсудимых можно всякого ожидать. Но надо уберечь их для возмездия. А давно ли, с жутковатым любопытством наблюдая за телеборьбой с зарубежной мафией, мы дивились тамошним порядкам. Теперь нас ничем не удивить...

Возвращаясь к напечатанному:

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Материал майора Б. Булгакова под таким заголовком был опубликован в одиннадцатом номере журнала за 1990 г. Поднятые автором проблемы, как показывает редакционная почта, глубоко тронули наших читателей. В своих письмах и при встречах с сотрудниками редакции они подтверждают отмеченные в статье факты и сообщают много новых примеров, вопиющих о несправедливостях, творившихся и творящихся по сей день по отношению к людям, принимавшим участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

ЖИВЕМ, КАК В СКАЗКЕ

Помните детскую сказку, в которой царь посылает Ивана-дурака «незнамо куда принести незнамо что»? Будь этот Иван «чернобыльцем», его бы царская каверза не обескуражила — он бы принес постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 31 марта прошлого года. Вот уж воистину «незнамо что».

К примеру, обещан «чернобыльцам» двухнедельный отпуск за свой счет. А где он? Вместо выполнения постановления правительства — оговорки, разъяснения, толкования. Вот нам и растолковали: сие благо не для нас, а для гражданских людей, так как пункт постановления о двухнедельном отпуске противоречит Закону о прохождении службы офицерами. Правильно было сказано в «Отверженных», что погоны якобы снижают воздействие радиации.

Далее: согласно постановлению мы должны быть прикреплены к магазинам, где сможем покупать продукты и вещи. Однако львовский облсовет решил, что эти льготы будут распространены лишь на тех, кому специальная медкомиссия увяжет заболевание с аварией на ЧАЭС. У нас легче получить удостоверение участника Куликовской битвы, чем увязать болезнь с аварией.

Лечиться некогда. Мотаемся по стране: то в одном месте резня, то в другом пальба. Вот мы свистом пуль нервы и лечим. Женам нашим в ножки поклониться надо. Терпят нас, дураков, от которых в доме одни убытки да бесконечные хлопоты.

Что там еще? Отпуск в удобное для нас время? Я третий год подряд иду в отпуск с тридцать первого декабря. Очень удоб-

но! Не надо путевку на Черное море выбивать. Не надо денег на поездку занимать. И на солнце не сгоришь...

Ну все для нас — живи и радуйся! В сказке-то царь Ивана за дурака держал, да тот в конце концов всех умней оказался. А у нас — за кого тебя держат, тем и будешь.

Майор М. ЯВОРСКИЙ.

БУДУ СЛУЖИТЬ ДО 3991-го

В войсках я — восемнадцать лет. Из них двенадцать лет не имею квартиры. Жена с двумя детьми вынуждена жить у своих родителей в другом городе. Мои родители живут на зараженной после чернобыльской катастрофы территории. В скором времени им предстоит выселение без предоставления жилья. Получат денежную компенсацию за дом. Но какой прок от нынешних денег? Будь их много, так набили бы купюрами матрац, чтоб не спать на земле, а тут и на подушку не хватит.

Смех сквозь слезы. Куда родителям деваться? Взять их к себе не могу — сам обитаю в служебном кабинете: за восемнадцать лет у государства угла не заработал.

Придется мне военную ляжку тянуть до самой смерти. А то выйду на пенсию и лишусь служебного кабинета — своего единственного пристанища. Или же в одну из деревень зоны отчуждения самоселом внедряться, как это уже многие делают, намыкавшись без жилья. О программе «Жилье — 2000» уже и не вспоминают. Конечно, кому ж под силу ждать две тысячи лет? Впрочем, наш народ терпелив. Может, и мне еще послужить?

Капитан Н. ДРОЖЖА.

МЕНЬШЕ ЗНАЕШЬ~ КРЕПЧЕ СПИШЬ

В 86-м году рота, которой я командовал, устанавливала ограждение вокруг 10-километровой зоны. Рили ямы, вкапывали столбы, натягивали колючую проволоку. Все это на жаре, в пыли. Респираторы меняли по нескольку раз в течение дня: от йода они становились бордовыми. Нам еще выдали защитные костюмы «Л-1», но никто их не надевал. В тридцатиградусную жару напялить на себя эту резину — не от радиации, так от теплового удара ноги протянешь.

Выдали и дозиметры. Пока до места работы добирались, они уже зашкаливали. Мы говорим: «Здесь работать подолгу нельзя». А нам в ответ: «Дозиметры несовершенные. Этого не может быть, чтобы они сразу сто миллирентген показывали. Вы поменьше об этом думайте, а то своими страхами себя без радиации до кондрашки доведете».

Вот так, по принципу: меньше знаешь — крепче спишь. А оказалось-то наоборот. Многие нынче из нашего брата сна лишились.

Майор В. ДОВМАР.

НА НАС ПОСТАВИЛИ КРЕСТ

В чернобыльскую зону мы прибыли на третий день после аварии. Первого мая уже несли патрульную службу в Припяти. Шла эвакуация населения. Когда мы ехали в город, старухи крестили нас, словно пытались крестным знаменем защитить от нечистой силы радиации.

Да, нахватались мы там этой дряни. Но настоящая нечистая сила, пострашнее той, что вырвалась из реактора, ждала впереди. Это были ложь, равнодушие и нежелание видеть в каждом из нас человека. Гораздо удобнее, когда мы все скопом называемся «личный состав».

О том, как нам дозы облучения пополам поделили, было рассказано в статье «Отверженные», и это чистейшая правда. Минздравом тогда была определена предельно допустимая доза — 25 рентген. Порция, полученная нами, уже приближалась к этой цифре, и, следовательно, нам предстояло со дня на день покинуть 30-километровую зону. Но тут приехал генерал, выразил свое недовольство записанными нам дозами облучения, в результате нам те записи поделили на два, и мы остались в зоне допущенного «недополученное». По нашим подсчетам, каждый из нас

«схватил» около сорока рентген, а записи наши — курам на смех.

Сколько тогда было всяких посулов! Под ними можно любой реактор похоронить — ни одна гамма-частица не прорвется. Зачем врал? Или боялись, что без их обещающих в зону не пойдём! Но мы ведь пошли еще до того, как нас стали задабривать. Люди на беду откликнулись, а не на посулы купились. О некоторых громких обещаниях сейчас даже вспоминать смешно. Каждую неделю составлялись наградные списки: этому — орден, тому — медаль. Если бы те списки в ход пустили, я бы сегодня как маршал ходил.

Тогда нас пытались купить, а сегодня мы резко упали в цене. Пятачок за пучок, а можно и даром — лишь бы избавиться. Теперь нас уже не крестят, от нас открещиваются.

Капитан А. БУНДЗ.

АРИФМЕТИКА ПЕРЕСТРАХОВКИ

«Мы все учились понемногу...» Вот и меня в военном училище научили производить расчет доз облучения. На всякий случай, чтобы в чем-нибудь не ошибиться, я взял в подспорье учебник сержанта внутренних войск и в полном соответствии с его рекомендациями рассчитал дозу облучения, полученную мною за период пребывания в чернобыльской зоне. Получилось около 30 рентген. А наши специалисты мне записали в десять раз меньше, сказав, что я еще каких-то коэффициентов не учел. Это каких же? Почему их нет в учебнике? Может, это коэффициент перестраховки, с поправкой на то, что реакция организма на облучение наступает не сразу, а тогда, когда за давностью события ответственных не найдешь. Да, этих коэффициентов я в самом деле не учел. Тогда все правильно: три пишем, тридцать в уме.

Теперь о льготах. Мы ведь их не просили. Государство само вердикт спустило. Так почему я теперь должен марафонить по инстанциям, чтобы доказать: этот документ и меня касается.

Чем мы хуже гражданских людей? Почему мы бесправнее? Они работали рядом с нами сменами по 6 часов, а мы — сутками. Их после смены увозили в чистую зону, а мы ехали к месту дислокации подразделения, где степень зараженности была немногим меньше, чем в районе несения службы.

Военнослужащий не имеет права обсуждать приказы, он должен их выполнять. После выполнения тоже не ропщет, поскольку обязан стойко переносить и т. д. и т. п. Но зачем же на этом спекулировать? Зачем из бесправных людей еще и веревки вить?

Старший лейтенант Б. ДОЛГИН.

НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УЗБЕКСКОЙ ССР
А. АБДУВАСИКОВ:

МЫ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКАНСКИХ «НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЙ»

В прошлом году страна впервые столкнулась с еще одной сложностью — реальной угрозой срыва призыва молодежи на военную службу. Особенно остро эта проблема обозначилась в Прибалтике, Закавказье, где призывная кампания по сути дела была заблокирована официальными властями. В результате Вооруженные Силы СССР, внутренние и пограничные войска недополучили тысячи военнослужащих взамен уволенных в запас. Нанесен ущерб обороноспособности страны. Непосредственно в подразделениях существенно возросла нагрузка на солдат, сержантов — посланцев других регионов.

Среди тех немногих республик, которые организованно провели призыв, — Узбекистан. Как это удалось в столь сложное время, какие меры принимались здесь для безусловного выполнения главного оборонного закона — Закона о всеобщей воинской обязанности, — тема беседы нашего корреспондента с членом Комитета Верховного Совета Узбекской ССР по вопросам обороны, государственной безопасности и социальной защиты военнослужащих А. А. АБДУВАСИКОВЫМ.

— Президентом Узбекской ССР издан Указ «О мерах по совершенствованию призыва и прохождения воинской службы молодежью республики». Расскажите, пожалуйста, об основных его положениях.

— Прежде всего давайте определимся в главном — какая армия нужна нам сегодня? Мы — за единые Вооруженные Силы СССР и против создания в каждой отдельной республике своих «национальных армий».

Что касается Указа Президента Узбекской ССР, то он направлен на улучшение организации призыва молодежи в ряды Вооруженных Сил СССР, прохождения службы юношами республики, а также на защиту их прав и свобод.

Ежегодно тысячи посланцев республики становятся в солдатский строй. Они в подавляющем большинстве своим показывают себя достойными защитниками Родины. Однако негативные явления в жизни и быте армии вызывают неудовлетворенность воеводов, справедливое возмущение родителей и всей общественности республики.

Особенно нетерпимым стало положение дел в строительных частях. Вот почему мы пошли на такой организационный шаг: начиная с 1990 года, прекратили призыв молодежи республики в военно-строительные части, дислоцированные за пределами Узбекской ССР.

С весны прошлого года из республики стали больше призывать в боевые части, а те, кто призван в военно-строительные, будут проходить службу в Краснознаменном Туркестанском военном округе, то

есть у себя дома. Мы довольны, что Министерство обороны СССР в этом вопросе пошло нам навстречу.

— Абдуманнап Абдувасикович, а как будет осуществляться призыв в другие виды Вооруженных Сил? В пограничные, во внутренние войска!

— Призыв в боевые части Вооруженных Сил СССР, пограничные и внутренние войска будет осуществляться в соответствии с Законом о всеобщей воинской обязанности. И служить наши парни будут там, где прикажет Родина. Правда, есть одна особенность. Нам разрешено доукомплектовывать части внутренних войск, дислоцирующиеся на территории Узбекистана, за счет лимитов по призыву в Советскую Армию наших юношей.

Что это значит? Если, например, мы дополним призывников во внутренние войска из Прибалтики или другой какой республики, то будем оставлять у себя своих ребят. Это связано со сложной политической и криминогенной обстановкой в республике.

— Как относятся в республике к армии!

— Антиармейская кампания, развернутая определенными силами в стране, в какой-то степени коснулась и нас. Да, и у нас нашлись люди, которые пытаются раздуть антиармейскую истерию. И это, конечно, дает свои результаты. И все же, заявляю об этом со всей ответственностью, большинство населения относится к армии с уважением. Такое уважение у нас издавна воспитывается в семье, в школе, на предприятиях, во время учебы в ДОСААФ, за-

нятий в спортивно-технических клубах. По-прежнему люди считают, что служба в армии — это настоящая школа жизни для молодого человека.

— У вас в Узбекистане проводы юношей в армию всегда были праздником. А как сейчас!

— Может быть, этот ритуал кое-где теперь и нарушается, но люди ведь понимают, как это важно, с каким настроением отправляются их дети по воинским частям, каким останется в их памяти этот день.

Как правило, у нас ребят провожают на центральных площадях, у Вечного огня мемориалов, воздвигнутых в память о погибших в Великой Отечественной войне и при исполнении интернационального долга в Республике Афганистан. Площади наряжаются как в дни праздников — пусть будущие воины почувствуют всю торжественность момента.

— Бывает и так: отыграл оркестр «Прощание славянки», скрылись за поворотом машины с новым пополнением, и о призывниках забыли...

— У нас раньше связь с призывниками обрывалась уже у ворот призывного пункта. Сегодня для сопровождения пополнения к месту службы выделяем представителей военкомата и общественных организаций. Они едут с ребятами в том же эшелоне до места дислокации части и возвращаются домой после того, как новобранцы будут размещены и обеспечены всеми видами довольствия. Такие группы направляются, кстати, тоже по президентскому Указу. Присутствие старших товарищей вселяет уверенность в наших парней, заставляет с уважением относиться к ним в воинских подразделениях. И мы имеем возможность познакомиться с условиями, в которых им предстоит служить.

Этим же Указом депутатамскому корпусу республики совместно с профсоюзными и комсомольскими организациями предписано усилить шефскую работу с воинскими частями, где проходят службу наши посланцы. Установить прямые контакты областей, районов и городов республики с воинскими частями. Регулярно организовывать поездки в воинские подразделения представителей общественности, ветеранов войны и труда, деятелей культуры и искусства, художественной самодеятельности, направлять книги, периодические издания, кинофильмы, освещающие жизнь республики.

Думаю, такие меры позволят снять многие вопросы, связанные со службой в армии.

— А как реализуется в Указе принцип социальной защищенности военнослужащих!

— Указом запрещается призыв на действительную военную службу из семей, в которых погиб сын при исполнении обязанностей воинской службы в мирное время. За счет средств республики устанавливаются дополнительные пособия военнослужащим срочной службы, ставшим инвалидами вследствие увечья, а также семьям

погибших в период прохождения воинской службы. С 1 октября 1990 года средний размер пенсий военнослужащим-инвалидам с учетом доплат (пособий) возрос: I группа — до 245 рублей; II группа — до 180 рублей; III группа — до 80 рублей.

С этого времени установлены и доплаты (пособия) к пенсиям семьям военнослужащих, погибших в период срочной службы, в размере 30 рублей в месяц на каждого нетрудоспособного члена семьи, находившегося на их иждивении.

Мы считаем своим долгом оказывать помощь семьям погибших в организации похорон, увековечении их памяти...

— Абдуманнап Абдувасикович, в Указе говорится о том, что теперь призыв молодежи в Вооруженные Силы СССР будет осуществляться в соответствии с договорами, заключенными между правительством республики и союзными органами. Что это за договоры!

— В них регламентируется количество призываемых, условия прохождения ими службы, гарантии безопасности и социальной защищенности военнослужащих срочной службы и членов их семей. Родители, отдающие своих сыновей в армию, должны иметь ясное и четкое представление, где, в каких частях, в каких условиях будет проходить служба призывников, какие гарантии даются их безопасности, какие специальности получают они.

— В войсках можно, образно выражаясь, на пальцах сосчитать всех офицеров-узбеков. Почему так неохотно идут узбекские юноши в военные училища!

— Падение престижа профессии офицера происходит по всему Союзу, и Узбекистан здесь не исключение.

Нужна концепция подготовки офицерских кадров из представителей юношей местных национальностей. В республике уже намечается ряд конкретных мер. Поставлена задача организовать подготовку офицерских кадров из лиц коренной национальности на базе Ташкентского высшего общевойскового командного училища им. В. И. Ленина, Ташкентского высшего танкового командного училища им. П. С. Рыбалко, Самаркандского высшего военного автомобильного командного училища им. Верховного Совета Узбекской ССР, укрепить их командный и политический состав офицерами, владеющими узбекским языком, создать подготовительные курсы для поступления в училища. Все это, в конечном итоге, может поднять престиж офицерской службы...

— Абдуманнап Абдувасикович, что бы вы пожелали воинам-узбекам, проходящим сегодня службу во внутренних войсках!

— Быть мужчинами. Не пасовать перед трудностями и помнить, что есть такой комитет, как наш, который никогда не даст своих земляков в обиду. И еще: «Болам, ой бориб омон кайт» («Возвращайтесь с сознанием выполненного долга») — так напутствуют своих сыновей узбекские матери. И мы, народные депутаты, присоединяемся к ним.

Гуров Александр Иванович — начальник управления МВД СССР по борьбе с организованной преступностью. 45 лет. Женат. Имеет сына. Пришел в милицию по убеждению. После окончания заочного отделения МГУ работал в уголовном розыске. Затем во ВНИИ МВД СССР. Закончил заочную аспирантуру. Доктор юридических наук. Автор многих научных и публицистических статей.

«У меня пять братьев, — говорит Александр Иванович, — четверо из них работают в милиции». Служивцы Гурова не без основания считают, что он из династии российских пинкертонеров.

А. И. Гуров — член Верховного Совета РСФСР.

А. ГУРОВ: „РЫНОК ПОРОДИТ КРИМИНАЛЬНЫЙ ШОК“

— Александр Иванович, я хотел бы повторить вопрос, который сформулировал как тему беседы, когда мы договорились о встрече: ожидается ли рост преступности при переходе к рынку!

— Исследований на этот счет нет, хотя нашим ученым давно пора изучить все формы преступности в условиях рыночных отношений. Мой личный прогноз такой: будет криминальный шок, будет всплеск прежде всего общеуголовных преступлений — грабежей, убийств, краж, разбоев и мошенничества.

— На чем базируется ваш прогноз!

— Хотя сегодня ссылки на Маркса считаются признаком дурного тона, особенно после статьи в «Новом мире», я все же напомним цитату из одной его работы. В ней сказано, что рост преступности — это неосознанная жестокая форма протеста против эксплуатации. То есть будет действовать принцип «грабь награбленное». У людей, которые встанут на криминальный путь, как бы появится оправдание: все эти мафиози, «теневики» воровали, ничем не брезговали, теперь надо не упустить свой шанс, обратить их. Нельзя сбрасывать со счетов и резкое расслоение общества. Мы-то все привыкли к уравниловке, и психология терпимости бедных к богатым быстро не привьется. Есть и другие факторы.

— Очевидно, на росте преступности как-то скажутся и международные связи!

— Да, будут развиваться различные сделки международного характера, для

преступлений появится больше возможностей. Не случайно в преступных кругах говорят повеселевшим голосом: «Скорее бы рынок, уж тогда мы развернемся».

— По данным депутата Ленсовета, оперуполномоченного по особо важным делам Ленинградского ГУВД Юрия Беляева, количество уголовных преступлений в ближайшее время увеличится в пять раз. Насколько реальна эта цифра!

— От количественной характеристики преступности я бы пока воздержался. Хотя бы потому, что мы точно не знаем, сколько у нас в стране совершается преступлений. Фиксируем в пределах трех миллионов в год. По мнению ученых, их в действительности значительно больше. Завтра количество преступлений может «возрасти» только потому, что лучше будет налажен учет.

Преступлений у нас совершается, конечно, много. Но если сравнить, например, с США, на которых мы теперь ориентируемся во всем, то в нашей стране (с учетом латентной, скрытой преступности) есть еще трехкратный «резерв».

Говоря о криминальном шоке, я имел в виду не столько количественную, сколько качественную сторону преступности при переходе к рынку: жестокость, особый цинизм, ну и, безусловно, действия организованной преступности. Ей будет принадлежать особое место.

— На этом фоне не кажется ли вам странным такой факт. Печать буквально

пестрит выражениями типа «это кому-то выгодно», «определенные силы», «определенные круги», «мафиози», «коррумпированные слои» и т. д. Даже Президент СССР допускает в своей речи такие эвфемизмы. Бывший наш министр однажды сказал: «Кто-то». Почему не называются фамилии! Они что, неизвестны! Или здесь какая-то другая причина!

— Такие обороты устойчиво вырабатывались у нас на протяжении всех лет Советской власти. Мы никогда ничего своими именами не называли. Помните, даже в нашей милицеейской песне, в этом своеобразном гимне, поется: «Если кто-то кое-где у нас порой...» Так же и сегодня мы продолжаем поступать. Сказывается стереотип мышления. Но главное все же — это нежелание называть эти «определенные круги». Вот у нас дело есть по Душанбе. Из него видно, кто виноват в тех погромах, цель которых — переворот. Там и министры замешаны, и кое-кто повыше.

— А фамилии все-таки не называются...

— Тут другое дело — идет следствие.

— Аналогичная картина, как я понимаю, складывается и по Кыргызстану. Местная мафия для достижения политических целей использовала даже наркотики. Кстати, у гостиницы «Россия» стояла палатка. Ее обитатели, представители Оши, объявив голодовку, требовали наказания руководителей области и республики, по чьей вине разыгралась беспрецедентная по своей жестокости трагедия. Говорят, что в республике и в МВД СССР дело пытаются спустить на тормозах. Так ли это!

— Нет, МВД СССР здесь ни при чем. Вообще у нас в стране почему-то стали МВД отождествлять с Советской властью в целом. МВД будто бы должно отвечать за те огрехи, которые допустили Верховный Совет СССР, Совмин, например. Нередко только так все и трактуется. Вспомним историю. Как только умер Сталин, острие удара нацелили в органы — якобы только они и виноваты в репрессиях. Когда после «великого десятилетия» оказалось, что Хрущев развалил все, что можно развалить, нашу деревню русскую угробил, уничтожил 20 тысяч церквей, то опять крайней оказалась милиция. Вы, наверное, помните, тогда еще шли массовые увольнения из МВД. Уволенных нигде не принимали на работу, хоть с голоду помирай.

Только Леонид Ильич почил в бозе, как сразу же началась кампания против милиции: и беззакония она творила, и в застое виновата. Я думаю, здесь явно видна попытка переключить общественное мнение с истинных проблем общества на проблемы частные, милицеейские.

МВД — это организация, которая должна бороться с преступностью, и больше ничего. И когда в этом плане говорят о деполитизации и департизации, я полностью согласен. Так нет же, МВД все время толкают в политику, а потом на него же вешают чужие грехи. Как ни странно, подобное часто удается.

Говоря об МВД в целом, я имею в виду, что и внутренние войска также выступают в роли стрелочника. Как будто они сами, без приказа прибыли в Тбилиси. И Баку вроде как их инициатива. И из Степанакерта их выгоняют, а они упираются, не хотят уходить. Чуть сплошная. Неужели не понятно, что приказы войскам отдает высшее руководство страны... И только когда подразделения войск прибыли в Молдову, сказали наконец правду: соответствующее распоряжение дало Правительство СССР.

— Коль скоро вы коснулись войск, у меня для вас заготовлен специальный вопрос: армия, внутренние войска мафию интересуют!

— Конечно. Если бы ей удалось прибрать к рукам и армию, то тогда она безраздельно господствовала бы в стране. Но у нее, к счастью, нет там сколько-нибудь серьезной опоры.

— Тогда как объяснить ставшие достоянием гласности факты, когда из одной части пропало сразу 40 пистолетов Макарова, в другой — на широкую ногу была поставлена торговля боеприпасами!

— Объяснить можно только общей криминальной обстановкой в стране. Армия ведь часть общества, и все его пороки свойственны и ей. Вот на Дальнем Востоке наши подразделения по борьбе с организованной преступностью разоблачили группу офицеров и прапорщиков, которые занимались централизованным сбытом наркотиков. Есть отдельные данные о том, что по просьбе уголовного авторитета или мафиози действительно за деньги, за женщин торгуют боеприпасами. Только что, перед вами, у меня были корреспонденты из ФРГ. Они прямо говорят: некоторые ваши солдаты в Германии продают оружие. А что мне ответить? Я сказал: очень обидно, что военнослужащие не выполняют воинский долг. Но все сказанное лишь подтверждает мою прежнюю мысль: мафия настойчиво ищет подходы к армии. Убереечь ее от преступного влияния коррупции — и наша задача. Фамилии многих из тех, кто пытается запустить свои щупальца в части и подразделения, нам известны.

— И вы, конечно, снова не назовете их. Умолчание многие объясняют тем, что недалек тот день, когда сегодняшние «теңевики» мафиози станут «уважаемыми людьми», «хозяевами страны». А мы с вами пойдем к ним наниматься на работу. Мафиози люди памятливые. Так не лучше ли сейчас не называть фамилии!

— А что вы думаете, и пойдем, и будем наниматься на работу. Но даже если останемся на государственной службе, все равно будем отстаивать их интересы. Согласно программе «500 дней», правоохранительные органы обязаны защищать предпринимателя, усиливать борьбу с преступ-

лениями против собственности. Читай: частной. Между тем, если мафия придет к власти, то сотрудников органов внутренних дел лишат пенсии прежде всего. Они будут объявлены персонами «нон грата», а то и вовсе врагами нации, как это было и как это делается сейчас в некоторых республиках. А отсюда и трагические последствия.

— Сегодня многие опасаются, что в результате приватизации экономическая и политическая власть в стране может перейти к мафии. Люди, как правило, не против приватизации, а против именно такого поворота событий. По свидетельству Ю. Петунина из Читинского УВД (его интервью было опубликовано в «Советской России» 13 октября 1990 года), милиция постоянно проигрывает борьбу. Уже упомянутый А. Беляев считает, что в Ленинграде она по существу подошла к нулевой отметке. Да и некоторые ваши подчиненные говорят: энгуизма поубавилось. Получается, отступление по всем фронтам!

— Нет, мы не сидим сложа руки, а работаем. За полтора года существования нашего шестого управления обезврежено 29 группировок, мы изъяли 332 ствола огнестрельного оружия, 126 килограммов наркотиков. Предотвращено хищение в одном из совместных с инофирмой предприятия на сумму более чем 1,2 миллиарда рублей. Нас, между прочим, всего 80 человек, а мы вернули государству уже 30 миллионов рублей. Наше же управление обходится казне всего в полмиллиона.

Есть определенные результаты борьбы с организованной преступностью в той же Чите, в Ленинграде. Отмечаем с положительной стороны деятельность наших сотрудников в Московской и Днепропетровской областях. Вместе с тем мощной (как того требует особая острота проблемы) системы противодействия организованной преступности и коррупции, несмотря на все наши усилия, все же не создано. Я коротко напомним историю вопроса. Постановлением II Съезда народных депутатов осенью 1989 года было решено сформировать специальные межрегиональные подразделения. Мы подготовили соответствующие документы. Полгода с работниками Совмина согласовывали отдельные формулировки, запятыя. Наконец получили добро, но денег нам не дали, сказали: обходиться собственными ресурсами. Министр изыскал кое-какие средства, издал приказ. Но тут республики одна за другой объявили о суверенитете и по существу отказались создавать у себя наши штаб-квартиры. Одним словом, идея загублена на корню.

И это при том, что согласно программе стабилизации экономики и перехода к рынку, одобренной Верховным Советом СССР, борьба с организованной преступностью отнесена к общесоюзной функции, как и оборона, государственная безопасность. Оно и понятно: нельзя победить

коррупцию, профессиональную преступность в одном, как говорят, отдельно взятом регионе. Этого можно добиться лишь объединенными усилиями всех союзных республик, в сотрудничестве с Интерполом.

— Неужели дело лишь в амбициях руководителей на местах? Нет ли причин более глубинных!

— Сейчас на общество обрушился шквал общей преступности. Кривая хулиганства, краж, разбоя из месяца в месяц идет вверх и вверх. В этих условиях иной руководитель невольно думает, а является ли борьба с организованной преступностью таким уж важным направлением в схватке с преступностью вообще? Туда ли мы вкладываем деньги? Ведь организованная преступность — это невидимая преступность, и она вроде бы уж очень сильно не беспокоит. Иное дело — общая. Смею заверить, это ошибочное мнение. Организованная преступность контролирует отдельные виды преступлений и, направляя их, она способствует росту динамики преступлений. Несмотря на явную очевидность сказанного, в республиках, в России в том числе, вместо того чтобы укреплять наши подразделения, их просто-напросто ликвидируют. Рушится система, еще не полностью созданная.

— Система, о которой вы говорите, очевидно, нуждается в соответствующих зонах!

— Конечно. Взять, к примеру, контроль телефонных разговоров. Понятно, не вообще, а когда ведется следствие. Такого закона в ряде республик нет. А защита свидетелей, повышенная ответственность за ржкет? Все, что пока удалось законодательно закрепить, напоминает штопанье дырявого кафтана.

Под системой я подразумеваю также специальные подразделения, как, например, в США и Италии, которые имеют мощную финансовую поддержку, хорошее техническое оснащение и людей, всесторонне подготовленных физически, психологически и профессионально.

Да, у нас тоже есть настоящие мастера своего дела. И это при условиях плохой оснащенности, мизерной зарплаты, при каждодневном риске. Мафия знает об этом и серьезно рассчитывает на подкуп. «Получаете вы 300—400 рублей, — говорят, — мы вам дадим в пять раз больше. Не устоите». Устоим! Одному нашему сотруднику предлагали миллион за «услугу». Не пошел на сделку. Так что кадровое обеспечение системы борьбы с организованной преступностью не вызывает особой тревоги, хотя, конечно, нужно улучшать и подбор людей, и подготовку. А вот все остальное...

Противодействие со всех сторон. Особенно со стороны местной власти. Все хотят, чтобы никто не видел, как берут взятки. Поэтому, очевидно, и штаб-квартиры шестых управлений в регионах не нужны. Зачем лишний глаз? А ведь пона-

чалу было столько эйфории после опубликования в 1988 году статьи «Лев прыгнул», где впервые заговорили о существовании в стране мафии, об организации борьбы с нею. Куда все подевалось? Или мы уж безнадежно испорчены, любим только кампании? Поговорили, мол, и хватит.

— Я помню это интервью в «Литературной газете». Неужели царь зверей с той поры стал вегетарианцем!

— Что касается угрозы обществу, государству, то сейчас такое время, когда лев изготовился к прыжку. В преддверии рынка мафия как никогда консолидируется, а мы стоим перед этим разъяренным зверем, считайте, с голыми руками. Мало что у нас есть, кроме желания победить его.

Беда нашего общества в том, что мы никогда ничего не доводили до конца. И будет страшно, если и борьбу с организованной преступностью мы бросим на полпути. Сегодня я сказал корреспонденту из ФРГ, что СССР организованную преступность может и не победить. Она уже проникла в легальную экономику, имеет миллиардные материальные запасы, своих людей в структурах власти.

Много времени упущено. Но, думаю, не все потеряно. Если захотят высшие органы власти (да и местные тоже) и создадут для работы соответствующие условия, мы сможем нанести мощный удар по организованной преступности. Но, повторяю, не этими силами и средствами, которые имеем, а совершенно новой системой. Тогда мы загоним преступность в традиционное русло, как на Западе, загоним и будем контролировать. Если и этого не сделаем, тогда потомки будут говорить о нас как о преступном государстве, о преступном обществе.

Вы оглянитесь вокруг: картина удручающая. Коррупция прибирает к рукам не только экономику, но и ведет массированное разложение молодежи, самых основ нравственности. Кто у нас занимается конкурсами красоты? Есть данные, что руку к ним приложили мафиози. Кто пропагандирует секс, порнографию, кто говорит, мол, это искусство? И опять видим людей чаще всего с темным прошлым, которые на всем делают бизнес. Организованная преступность — явление комплексное, и к ней подходить примитивно, со старыми мерками, как, впрочем, и бороться с ней дедовскими способами, нельзя.

Беседу вел полковник В. АСТАШИН.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Когда верстался номер, стало известно об Указе Президента СССР от 4 февраля 1991 года «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами». Признано необходимым создание в МВД СССР Главного управления по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом. Указом предусматривается также в двухме-

сячный срок завершить формирование предусмотренных ранее соответствующих межрегиональных и региональных подразделений МВД СССР с подчинением их как по вертикали, так и по горизонтали. Дано указание укрепить эти подразделения кадрами, полностью обеспечить их потребности в автотранспорте, горюче-смазочных материалах, средствах индивидуальной защиты, радиостанциях, вычислительной, видео-, кино-, звукозаписывающей, криминалистической и другой техники.

Появление Указа дало повод вновь обратиться с вопросами к А. Гурову.

— Итак, Александр Иванович, вы — начальник нового главка министерства. Может быть, все проблемы, о которых с такой болью вы говорили в своем интервью, теперь решены?

— Если бы так. По-моему, история вновь повторяется — лишь с некоторыми вариациями. Опять ведется разработка всевозможных бумаг. В общем-то это не страшно. Документы можно подготовить. Но вот бесконечные согласования, визирования, особые мнения. Сколько сил и времени это отнимает!

Между тем это самый конкретный Указ, он к тому же не подвергался критике ни справа, ни слева. Лаконичен, совершенно конкретно и понятно указывает, что же надо сделать, чтобы эффективно бороться с организованной преступностью. И вот вместо того, чтобы выполнять его, нам начинают ставить палки в колеса.

А на последней Коллегии МВД СССР мы столкнулись с откровенно местническими настроениями. В конце концов, пришли к мнению, что полномочные представители республик приедут в Москву и начнут решать, как они будут выполнять Указ Президента СССР.

— Может быть, это и верно?

— Может быть, но при условии, что все пекется о деле. Что же мы имеем на сегодняшний день? (На момент публикации интервью, возможно, картина изменится.) Межрегиональные подразделения созданы в Казахстане и Таджикистане. Выказали подобные намерения Белоруссия и Грузия. Я пока не знаю, что мы будем иметь в Молдове и в Прибалтике. Хотя именно в Прибалтике, в частности в Литве, у нас есть великолепный пример взаимодействия.

А вот Россия хочет бороться с организованной преступностью самостоятельно. В МВД РСФСР говорят: отдайте нам численность, а остальное дело наше... Я хочу сказать, что все время приходится преодолевать какие-то барьеры, кого-то убеждать, доказывать. А до этого ли сейчас? Посмотрите, какая удручающая статистика. 24 тысячи убийств с покушениями, десятки тысяч изувеченных тяжкими телесными повреждениями, сотни тысяч краж, грабежей, разбоев. Тут уж не до раздоров в нашем милицейском доме. Но я оптимист. Я верю, что разум победит.

Неволя, говорят, пуще волчьей ягоды во рту. А коль уж свадьбовство затевается под ее угрюмой сенью, так это хоть головой да в омут. До смертоубийства, к счастью, в нашей истории дело не дошло. Что же касается моральных потерь, оказывается, и они в нынешнее буйное время мало кого огорчают. Об этом и хочу рассказать...

История эта произошла в одном из родов сибирских, а огласку получила чисто случайно. Документально занесена она во многие бумаги официальные, со всеми подробностями, именами и датами. А мое внимание привлекла потому, что еще не так давно лица, ее сотворившие, несомненно, были бы опалены праведным и единоклассным гневом окружающих. Нынче же с их стороны лишь потянуло сладким дымком благодушия и понимания. Факты и события излагаю, как говорится, один к одному, все они беспристрастно изучены и неоднократно проверены. Так что пусть читатель сам вершит суд чести...

Начал я свой рассказ издали, теперь так и подмывает подлить масла в огонь: в некоем царстве, в некоем государстве жил-был... Собственно, так оно и было. Только жил майор Убоженко Анатолий Григорьевич с семьей из четырех человек не в избушке на курьих ножках и не во дворце хрустальном, а в современной, вполне благоустроенной трехкомнатной квартире площадью 41,2 квадратных метра. Жил — не тужил, детей растил, службу исправно нес. Так тихо-мирно мог до пенсии дотянуть, а затем внучат нянчить.

Но, как ведомо, скоро сказка сказывается... В один прекраснейший день в часть пришла добрая весть: для нужд военнослужащих райисполком выделил благоустроенную четырехкомнатную квартиру площадью 51,5 квадратных метра. Вот тут-то и полыхнул в душе костер страстей. В об-

щем, дело понятное, новая квартира сулила немало выгод. После ее заселения произошла бы цепная реакция: для кого-то освободится трехкомнатная, для кого-то двух и т. д. А в наши скрутные на жилье времена, согласитесь, это большой праздник. И чтобы ни на миг не омрачить его, а тем более не откладывать в долгий ящик, 29 ноября была собрана жилищно-бытовая комиссия для определения счастливиц-новоселов. Судили-рядили недолго. Нуждающейся в данной квартире семьи из пяти человек на тот момент в части не оказалось, а по выслуге лет рейтинг взял майор А. Убоженко. На том и порешили, о чем свидетельствует протокол заседания комиссии, скрепленный подписями старшего лейтенанта (ныне капитан) И. Цаана, майора Н. Сероготского, капитана Е. Самсонова, старшего лейтенанта В. Трикулича и старшего прапорщика В. Чувашова.

Но разве предполагали подписавшиеся, что их вердикту, едва родившись, предстоит исчезнуть с лица земли? Отнюдь. По всем законам этому документу была начертана хоть и пыльная, но долгая жизнь в райисполкомовском архиве. Увы, вышло все наоборот. Вот как комментируют судьбу протокола строки из заключения по материалам служебного расследования о злоупотреблении служебным положением со стороны командира войсковой части подполковника Гайдаша А. А. и его заместителя по технической части — начальника автослужбы майора Убоженко А. Г.: «С целью, чтобы не было оснований исполкому Совета народных депутатов отказать в выделении данной жилой площади, майор Убоженко А. Г. переделывает документы жилищно-бытовой комиссии от 29.11.89 г., вписывает пятого члена семьи — ефрейтора срочной службы Ларичева Д. В., фальсифицирует подписи членов

комиссии. Данные документы, зная, что они не соответствуют действительности, утверждает командир части подполковник Гайдаш А. А., и они представляются в райисполком города...»

Круто завернули, не правда ли? Но, как известно, палка, хоть тресни, всегда бывает о двух концах. Здесь тоже не случилось никакого чуда, и один из этих концов, довольно увесистый, навис над головами комбинаторов. Какой? Если читатель внимателен, он уже задался вопросом: а откуда, довольно неприятно засало, а ехидный внутренний голос шепнул: «Проколешься, Толя, по составу семьи проколешься, сам знаешь, какая с квартирами напряженка». «Да знаю я, знаю, — попытался отмахнуться от него Убоженко, — но ведь есть решение комиссии». «Решение комиссии? — иронично переспросил голос. — Да плюнет на него исполком. Ох, и пролетишь, Толя, как фанера над Парижем». «Да пошел ты!» — шикнул на него Анатолий Григорьевич. «Ну, как знаешь, — фыркнул голос, — я тебя предупредил — и умываю руки». Вот тут и струхнул Убоженко не на шутку: «А ведь и впрямь пролечу. Комиссия распределила — это хорошо, но надо подстраховаться»...

Когда подлинные документы на получение четырехкомнатного жилья были готовы для представления в райисполком, под ложечкой у Анатолия Григорьевича Убоженко вдруг неприятно засало, а ехидный внутренний голос шепнул: «Проколешься, Толя, по составу семьи проколешься, сам знаешь, какая с квартирами напряженка». «Да знаю я, знаю, — попытался отмахнуться от него Убоженко, — но ведь есть решение комиссии». «Решение комиссии? — иронично переспросил голос. — Да плюнет на него исполком. Ох, и пролетишь, Толя, как фанера над Парижем». «Да пошел ты!» — шикнул на него Анатолий Григорьевич. «Ну, как знаешь, — фыркнул голос, — я тебя предупредил — и умываю руки». Вот тут и струхнул Убоженко не на шутку: «А ведь и впрямь пролечу. Комиссия распределила — это хорошо, но надо подстраховаться»...

А в это же самое время бес сомнения одолел и подполковника Алексея Алексеевича Гайдаша. Правда, как он сам утверждает, более благородный, нежели бес, посетивший Убоженко. Если тот пекся о расширении жилья для себя, то Гайдаш раскидывал сети пошире — для блага подчиненных. К тому часу он уже знал наверняка, что одна из квартир уплывет. Если Убоженко дадут четырехкомнатную, придется сдать его прежнее жилье для нужд очередников района. А попытаешься его удержать, в райисполкоме тут же станут на букву закона, и сам собой отпадет вопрос о четырехкомнатной квартире. Куда ни кинь — везде клин, а время сейчас не то, чтобы квартирами разбрасываться. Спору нет, не для себя старался Алексей Алексеевич, но ведь и доброта доброта — рознь. Одна живет, питаясь искренними побуждениями и не расходится с правдой, другая носит клеймо: на чужом горбу — в рай. Ведь не мог же Гайдаш не знать, сколько вообще бесквартирных очередников годами томятся в ожидании хоть какого-то угла. В том числе и из числа военнослужащих.

Как бы то ни было и какие бы бесы ни подстрекали наших героев, но вскоре уже оба вновь сидели в одном кабинете

и, задумчиво почесывая затылки, мучительно, но недолго искали выход из «критической» ситуации. Полностью передать их терзания не могу, в ту минуту там не присутствовал. Но свершилось все примерно так. Когда вариант с пропиской кого-либо из родственников Убоженко приказал долго жить, Алексей Алексеевич вдруг хлопнул себя по лбу:

— Анатолий Григорьевич, а ведь у тебя дочь — Василиса Прекрасная!

Еще не веря в избавление от мук квартирных, Убоженко поднял на Гайдаша просветленные глаза:

— Алексей Алексеевич, а у тебя водитель — Иванушка-дурачок...

— Грешки за ним водятся, — подхватил на лету мысль Гайдаш, — вот и попржимем его...

— Чтобы он согласился на фиктивный брак, — вогнал последний гвоздь Убоженко.

И «сватовья» хлопнули по рукам.

Не ручаюсь за достоверность каждого слова вышеописанной сцены, но в целом ее подтверждают материалы служебного расследования: «В то же время майор Убоженко А. Г. и подполковник Гайдаш А. А. содействуют заключению брака между водителем командно-штабной машины, закрепленной за командиром войсковой части подполковником Гайдашем А. А., ефрейтором Ларичевым Д. В. и дочкой майора Убоженко А. Г. гражданкой Убоженко Н. А. с целью приобретения формального права на получение данной жилой площади».

Есть в деле и объяснительная самого ефрейтора Д. Ларичева: «По существу заданных мне вопросов поясняю, что подполковник Гайдаш А. А. предложил мне заключить брак с Убоженко Натальей Анатольевной. Брак был заключен 15 декабря 1989 года...»

Следует отметить, что письменно суть дела Ларичев изложил очень лаконично и произошло это больше года спустя. В натуре же все выглядело более пространно. Когда выход из квартирного вопроса был сообщен найден, подполковник А. Гайдаш, перечислив своему водителю все его прегрешения, поставил вопрос ребром: либо даешь согласие на фиктивный брак, либо дослуживать поедешь к черту на кулички. А чтобы солдат не предпочел последнее, подсластил пилюлю: дескать, военный билет, где будет штамп о браке, «утеряем в ходе выполнения боевой службы в Закавказье», взамен новый сообразим, зато уволишься в числе первых. Не искушенная в подобных интригах душа Ларичева дрогнула, а недрогнувшая рука майора А. Убоженко занесла фамилию «зятя» в списки семьи.

Забегая наперед скажу, что в ходе заседания суда чести старших офицеров, большинство из которых были настроены

очень лояльно к Гайдашу и Убоженко, высказывалось сомнение в фиктивности брака между ефрейтором Д. Ларичевым и дочерью майора А. Убоженко. Дескать, определить это — прерогатива иного суда, и только по его решению можно называть вещи предполагаемыми именами. Отнюдь, товарищи старшие офицеры, видит тот, кто желает увидеть. Вы же не заметили даже не белую нить, которой все шито, но толстенный канат, коим стянуты два факта. Первый: в протоколе заседания жилищно-бытовой комиссии, датированном 29 ноября 1989 года и утвержденном командиром части 30 ноября того же года, черным по белому значится: Ларичев Дмитрий Владимирович — зять. Второй: «15 декабря 1989 г. состоялась запись акта о браке № 1053 между гр. Ларичевым Дмитрием Владимировичем и гр. Убоженко Натальей Анатольевной...» — беспристрастно гласит справка из бюро загса Свердловского райисполкома. Как видим, несоответствие так и выпирает. И о какой же добровольности брака со стороны Ларичева можно вести речь? Особенно если учесть, что с дочерью майора Убоженко он виделся раз или два. И то мельком, когда подвозил на машине.

А вообще, конечно, уже одно то, что в квартирные махинации был втянут солдат, да еще таким неллицеприятным образом, вызывает очень горький осадок. Что же это вы, отцы-командиры, совесть-то свою проглядели. Или вас тоже безнадежно поразил вирус пострашнее СПИДа — вирус вседозволенности, бесчестия, отсутствия всякой морали. Ведь нельзя же идти к цели любыми путями, какой бы благородной она ни казалась. Да, не у многих сегодня в почете такие понятия, как правдивость, бескорыстие, принципиальность. И не потому ли, что, вступая в жизнь, молодые люди сталкиваются со всякого рода комбинаторами и махинаторами? На том же суде чести подполковник А. Гайдаш бил себя в грудь и проникновенно вещал: «Не для себя ведь старался. Вот будь на месте Ларичева мой сын, тогда бы вы могли бросить в меня камень. А так — для людей!» Слеза прошибает, честное слово. Да и присутствовавшие на собрании офицеры сочувственно кивали головами: побольше бы таких командиров.

Я ни в коем случае не берусь судить командирские качества подполковника Гайдаша. А вот некоторые моральные критерии вызывают сомнение. Для людей-то вы старались, Алексей Алексеевич, но за чей счет? Уверен, ваш сын действительно не оказался бы на месте Ларичева только потому, что он ваш. Как можно причинить ему хоть малейший душевный дискомфорт? А что такое солдат? Так, материал для командирских амбиций. Надо использовать его по своему усмотрению — использовать, надо женить в интересах зама — женим.

Что нам до его чувств, до его будущей жизни. Да то, что не только военный билет Ларичева со штампом о браке «утерян» в ходе выполнения служебно-боевых задач в городе Ереване. Утеряно нечто гораздо большее. Тем же Ларичевым утрачена вера в вас, подполковник Гайдаш и майор Убоженко. А вместе с тем и во все доброе, что связано с военной службой, с армией. Зато потом мы делаем удивленные глаза и непонимающе вопрошаем: да за что же так на нас ополчился народ? А ведь уволился Ларичев, и что он с собой унес? Горечь, обиду, разочарование, недобрые воспоминания. И, конечно же, убеждение, что если уж в армии такие порядки, что говорить о гражданке. И уподут эти зерна на благодатную почву антиармейских настроений, дадут буйные всходы... Спасибо вам, Алексей Алексеевич и Анатолий Григорьевич!

Понимаю, что фельетон вам — не мед к чаю, ведь даже в ходе служебного расследования «подполковник Гайдаш А. А. проявлял нечестность, отрицая свое содействие в заключении «брака». А майор А. Убоженко в объяснительной написал следующее: «Брак моей дочери Натальи с Ларичевым Д. В. был зарегистрирован на законном основании по ее воле. Мать Ларичева я не знаю. Считаю, что фиктивность брака Ларичев подтвердил из мести моей дочери и в угоду какому-то лицу...»

Вот такие дела, из коих явствует, что во всей этой неприглядной истории никто так и не ощутил себя виновным, никого и ничему она не научила. А ведь фиктивность брака подтвердила сама жизнь. Едва уволившись в мае 1990 года в запас, уже в июне Ларичев расторг брак со своей «горячо любимой» супругой и кинулся из города куда глаза глядят. Кстати, он единственный из всех действующих лиц, кто проявил какую-то порядочность, не потребовав, хотя бы из чувства мести, раздела имущества и жилплощади. Семья же Убоженко благополучно справила новоселье и, доходя слухи, то ли собирается, то ли уже пополнилась новым зятем. Подполковник А. Гайдаш чувствует себя героем дня, так как на вполне «законном» основании сохранил для части трехкомнатную квартиру, что, видимо, и позволило ему выйти сухим и с партийного собрания, и из суда чести старших офицеров. Да и как могло быть иначе, если выступивший на том суде майор Н. Кравченко сказал буквально следующее: «Сейчас все обходят законы. Командир поставлен в такие рамки, что должен нарушать эти дурацкие законы...»

Вот и вся обнищавшая мораль, по-прежнему затравленно выглядывающая из самого дальнего угла и не смеющая подать оттуда голос.

Майор В. ЯСТРЕБА.

Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

130

РАЗРУШАТЬ — НЕ СТРОИТЬ

В последнее время многие газеты и журналы обрушили на читателей мощный поток материалов, пропагандирующих сексуальную вседозволенность, цинизм и упрощенное отношение к интимным сторонам жизни. Открытое обсуждение вопросов секса, конечно же, необходимо, но оно, думается, не имеет ничего общего с открытым тиражированием порнопродукции, разжиганием нездорового интереса к эротике, проповеди половой распущенности. Мне могут возразить, что эти «стыдные темы» долго бы-

ли под запретом, все это зрело и наконец прорвалось. Что тут возразить? Нас действительно насильно тащили в стерилизованный рай, лишали возможности иметь собственное мнение. Но вот преграды рухнули, и иные из нас, похоже, опьянели от свободы и демократии. Чуть ли не модным стало подвергать все сомнению. При этом зачастую антимораль возносится над моралью. Многие публицисты и литераторы ударились в защиту отпетых преступников и охаивание внутренних войск, представителей

исправительно-трудовых учреждений, стражей правопорядка. Конечно, можно из милосердия или ради красного словца и слезу пустить, рыдая о сложной судьбе матерого рецидивиста, но при этом неужели забывать о тех, над кем он надругался, кого лишил самой жизни...

Нет, я вовсе не призываю вернуться к старым порядкам. Я за открытость, честный, откровенный обмен мнениями. Конструктивный обмен мнениями, наполненный заботой о нас, людях, о нашей духовности.

Плоды нынешней «гласности», которая кое-кем рассматривается как вседозволенность, налицо. У многих, особенно у молодежи, утрачены идеалы, не редкость — негативное отношение к службе в армии, вандализм к памятникам нашей истории. Но ведь человек, лишенный идеалов, больше склонен разрушать, чем создавать.

Мне, служившему срочную во внутренних войсках, это ой как хорошо известно.

В. ВОЛКОВ.
г. Минск.

ЕСТЬ МНЕНИЕ

ВЫБОРЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ — НА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ОСНОВЕ

Познакомился я со временным Положением об офицерском собрании в Вооруженных Силах СССР, которое активно обсуждается и в воинских коллективах внутренних войск. И у меня появилось желание высказаться по ряду, на мой взгляд, очень принципиальных моментов. В частности, я против того, чтобы председателем офицерского собрания назначался командир части. Целесообразнее было бы избирать на этот почетный

общественный пост любого старшего офицера, причем тайным голосованием и, как правило, на альтернативной основе, сроком на два года.

Другое мое замечание относится к статье, где отмечается, что решения офицерского собрания являются обязательными для всех офицеров и командир части обязан учитывать их. Считаю, что слово «учитывать» надо заменить словом «выполнять».

Надо бы изменить и формулировку об участии в мероприятиях офицерского собрания прикомандированных. Вместо «может быть предоставлено право» надо записать «прикомандированный офицер имеет право участвовать в жизнедеятельности офицерского собрания части, куда он прибыл».

И еще, ведя речь о мерах общественного воздействия, я бы такую меру, как «товарищеское предупреждение», заменил на «офицерское предупреждение».

Майор В. ЛЕОНТЬЕВ.
г. Кустанай.

ПРИЧИНА ОТКАЗА—МАЛЫШИ...

Я жена офицера, замстителя командира подразделения по политчасти. Расположено оно в небольшом городке, где устроиться на работу по специ-

альности практически невозможно. Обратилась в часть к подполковнику Валерию Алексеевичу Конохову за помощью, но он отказал в содействии, обо-

сноваз это тем, что у меня двое маленьких детей...

Обидно до слез, тем более что знаю: в штабе есть вакантная должность машинистки, а я как раз профессионал в этом деле.

Неужели ничего нельзя сделать для нашей семьи?
Е. КОРОЛЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Этот тревожный сигнал по нашей просьбе был проверен в УВВ по Украинской ССР и ССР Молдова. Он подтвердился. Как проинформировал редакцию генерал-майор Е. Марков, тов. Е. Королева принята в часть на должность машинистки. Подполковнику В. Конохову строго указано на черствость при работе с людьми.

В КАЖДОЙ ЧАСТИ — ЮРИСТ

Уверен, что настало время ввести во всех частях внутренних войск офицерскую должность старшего военного дознавателя (помощника командира по дознанию и правовым вопросам) или офицера по правовой и социальной защите военнослужащих и членов их семей. Впрочем, как эту должность называть—не так важно. Главное, чтобы в каждой части был офицер—юрист, в обязанности которого входили бы правовая и социальная защита военнослужащих и членов их семей, проведение квалифицированной юридической консультации, проведение занятий по правовому всеобучу, а также осуществление исковой и претензион-

ной работы, визирование документов перед их подписью командиром.

Капитан-лейтенант
А. СКРЫННИК.

Управление внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

ЧТОБ МЕНЬШЕ БЫЛ ОТСЕВ

Больно смотреть, как иногда молодые офицеры приходят и срывают с себя погоны (как у нас недавно бывший лейтенант А. Железняков), пишут рапорты об увольнении. Зачем их учили, зачем такие нам?

Может, надо в военные училища принимать не со школьной скамьи, а после того, как молодой парень отслужит хотя бы год в наших войсках, узнает, что это за служба? Тогда бы меньше было отсева во

время учебы, да и в первые годы службы офицеры не впадали бы в крайность, вроде того, что «увольте—и все».

Старший прапорщик
А. СУЛТАНКУЛОВ,
г. Чимкент.

ПОМОГИТЕ НАЙТИ ДРУГА

Получаю ноябрьскую книжку журнала «На боевом посту» и вдруг на первой странице обложки вижу—друг, мой бывший командир отделения в училище! Раненого перевязывает. Значит, служит сейчас там, где особенно трудно. И так захотелось мне ему написать, а адреса не знаю.

Откликнись, друг! Или, может быть, помогут, те, кто его знает, с кем служит мой товарищ?

Старший лейтенант
Е. КАРСЫБАЕВ.

Мой адрес:
660121, г. Красноярск,
до востребования.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ФИНАЛ

Командир подразделения капитан А. Коваль проявлял грубость и неадекватность по отношению к

подчиненным. Об этом написали в журнал военнослужащие срочной службы старший сержант Ибрагимов, сержант Халюков, рядовой Исakov и другие (всего 28 подписей). Как сообщил в редакцию генерал-майор Н. Федосов из

управления внутренних войск по Украинской ССР и ССР Молдова, в результате проведенного служебного расследования факты недостойного поведения капитана А. Ковалья подтвердились. Он освобожден от занимаемой должности.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

В/1

**МЕТЯТ
В СТАЛИНА,**

**СТРЕЛЯЮТ
В ЛЕНИНА**

ДУБЛЮЩИЕ

В ПРОШЛОМ году очередная годовщина Великого Октября отмечалась в обстановке, когда нападки на революцию стали не только широко звучать в средствах массовой информации, но и определять стиль «государственной» деятельности пришедших к власти в ряде республик и областей радикал-демократов и сторонников «абсолютных» свобод. И, конечно же, главным козырем в очернении и отрицании якобы утопичных октябрьских идеалов были и остаются злодеяния сталинизма, неизбежно-де порожденные большевистской системой насилия и террора. О самих злодеяниях, многократно раздутых, а порой и вымышленных, разговор особый.

Мало того, что многие, включая партийные, средства массовой информации придерживаются здесь страусиной тактики: не дай бог, высунешься, сразу прослывешь консерватором и ретроградом. В тех случаях, когда «ниспровергатели» все же допекают, защиту Октября и ленинских идей берут на себя люди, в правоте их отнюдь не убежденные, более того, явно симпатизирующие тем, кого хлестко клеймят как «безответственных экстремистов». Понятно, что такая защита в конечном счете на руку «безответственным экстремистам», которые, и здесь надо отдать им должное, весьма ловко обращают в свою пользу кризисные явления практически во всех сферах общественной жизни, усугубляемые некомпетентным, постоянно колеблющимся, пасующим перед всевозможными давлениями и ультиматумами руководством.

В числе подобных «защитников» октябрьских идеалов Д. А. Волгогонов, генерал-полковник, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР, мелькает в последнее время, пожалуй, чаще других. Сам Дмитрий Антонович против этого не возражает, скорее наоборот. Хотя, казалось бы, после его выступления в телестудии Останкино, передававшегося 31 июля 1990 г. на всю страну, последние точки над «i» были расставлены. Напомним, что в ходе встречи Дмитрий Антонович, явно упиваясь произведенным эффектом, заявил, что в период революционных потрясений 1917 года он надеялся бы «патриотический» мундир офицера царской армии и сохранил бы верность присяге царю. Иными словами, усмирять бы «восставшую чернь» под доблестными знаменами Колчака, Деникина или Врангеля, которые, как известно, в обмен на финансовую и военную помощь Запада согласились, видимо, из чисто патриотических убеждений разделить «Великую Россию» на сферы его влияния.

и контроля. «Многие годы, — пояснял чуть позже суть своей позиции в газете «Известия» Д. Волкогонов, — я сам искренне пропагандировал идеи коммунизма. Но наша историческая неудача лишь рельефной подчеркнула их утопичность. Я не встретил пока человека, который мог бы внятно описать, какая это реальность — осуществленный коммунизм» (Известия, 1990, 17 августа).

«Осуществленный коммунизм» «внятно» описать до его осуществления просто невозможно, вот почему ни у К. Маркса, ни у В. И. Ленина таких попыток никогда не было, да и не могло быть, ибо они в отличие от социалистов-утопистов занимались не гаданиями, а анализом социально-экономических процессов развития человеческого общества, выделяя их объективные закономерности и направления. Д. Волкогонов приписал марксистско-ленинским идеям свое собственное понимание, а затем от него же не без гвардейской галантности отмежевался. Старый прием, применявшийся против марксизма с первых лет его возникновения... Но дело не в этом. Раз человек открыто, на всю страну, отмежевывается от марксистско-ленинской идеологии, то надо, как говорится, элементарную честь знать: выйти из КПСС, вступить, скажем, в Демократический союз, или союз монархистов, или остаться просто беспартийным — сейчас ведь за это не преследуют, наоборот, предоставляют для соответствующих «покаяний» первые страницы «Огонька», «Московских новостей» и других «прогрессивных» изданий. Дмитрий Антонович, однако, предпочитает одновременно уйти и остаться, выступая в роли защитника октябрьских идеалов и «очистителя» ленинизма от сталинских извращений!

Впрочем, к таким, мягко говоря, мировоззренческим «нестыккам» наша публика приучена, сейчас они считаются вполне естественным и даже высокоморальным явлением для людей, куда более влиятельных. Например, для бывшего чле-

на Президентского совета А. Н. Яковлева. В начале 70-х годов, занимая ответственные идеологические посты в Центральном Комитете партии, он организовал настоящую травлю «мелкобуржуазно настроенных» писателей и критиков, не выражающих восторгов по поводу сталинской коллективизации, прежде всего А. И. Солженицына. Сегодня же нет в стране более непримиримого обличителя кровавой коллективизации и более яркого защитника жертв идеологического террора, чем Александр Николаевич, заявляющий одновременно во всеуслышание, что не откажется ни от одного своего слова, сказанного полтора десятилетия назад по этому поводу!

Но вернемся к Д. Волкогонову, точнее к его трехтомному труду «Триумф и трагедия».

Начнем с того, что появлению волкогоновских книг предшествовала беспрецедентная сенсационно-рекламная шумиха. Бесчисленные выступления и интервью автора, настойчивое, переходящее в назойливое восхваление его исторических «открытий» на страницах центральных газет, постоянно подогреваемая дискуссия вокруг них в среде массовой информации — казалось, все было пущено в ход, чтобы убедить публику, что создан непревзойденный шедевр. И, судя по атрибутам общественного признания, обрушившегося на Д. Волкогонова, это вполне удалось: в дополнение к звучным титулам он присоединил доктора исторических наук, народное депутатство, членство во всевозможных комиссиях и, наконец, лекции в Лондоне и Вашингтоне, куда генерала стали зазывать чуть ли не на государственном уровне...

Кстати, американские генералы, о чем не без гордости сообщил сам Дмитрий Антонович, устроили ему, совсем недавно решительно и неустанно разоблачавшему их «агрессивные устремления», шумную овацию. Удивляться нечему: аплодируют тому, кто нравится.!

«ЗАСТОЙНАЯ» АЛЛИЛУЯ ПЕРЕСТРОЕЧНЫМ ИСТИНАМ

ЧТО И ГОВОРИТЬ, репутация «мужественного», «антидогматически» мыслящего разоблачителя сталинизма (разоблаченного, правда, до того в основополагающих документах) приносит сейчас немалые моральные и материальные дивиденды. Речь ведь идет, выражаясь волкогоновским языком, о «раковой опухоли» социализма, душившей его скрытый потенциал, столь впечатляюще раскрывающийся сегодня во многих сферах жизни и осчастлививший всех нас такими замечательными достижениями... Репутация, завоеванная

на раскрытии такого «потенциала», несомненно, обладает прочностью гранитной глыбы и переживет века...

Впрочем, к дутым репутациям, создаваемым в своекорыстных интересах определенными общественными слоями и группами, составляющими элитарное меньшинство в народе, мы привыкли еще со времен застоя. В годы перестройки таких лжепопулярных политических и общественных деятелей, публицистов, писателей и ученых стало не меньше, а больше. Наиболее ловкие из них, сделавшие карьеру в суловско-брежневское время, с паразитной быстротой поменяли «плюс» на

«минус», «да здравствует!» на «дойлой», образовав новую, по форме плюралистичную, а по сути еще более узкую и беспощадную монополию на выражение своих взглядов и мнений. Да казенная однообразность застоя была куда честней и, если хотите, полезней для страны, чем это хитроумно-утонченное подавление инакомыслия!

Прогресс, правда, нельзя отрицать, унификация и подгонка под мнение «первого» осуществляется в более культурной, деликатной форме. Сейчас не говорят прямо: «Как отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС», «как указывается в документах съезда (плenums) и т. п. Сегодня все стало, по замечательно точно выражению А. Н. Яковлева, «интеллектуально веселей»: «при всех недостатках курса на перестройку ему нет реальной альтернативы», «приоритет общечеловеческих ценностей — единственная основа продвижения вперед» и т. д. Конкретное же содержание «безальтернативности» и «единственности» определяется все там же и все так же, изменившиеся же титулы и звания с возможностью критики «самого» по сути ничего не меняют, тем более что критика здесь часто подменяется бранью, с которой, естественно, не считаются. Определяется, правда, с меньшей компетентностью и большей безответственностью, но и упрекать не за что: должна же в конце концов перестройка дать что-то действительно новое...

Как бы ни восхищались «великими переменами» и у нас, и за рубежом, факт остается фактом: у решающих рычагов по-прежнему люди, сформированные и выдвинутые застоем, да и идеологии гуманного, демократического социализма разрабатывают и пропагандируют те, кто совсем недавно с такой же убежденностью и рвением твердил о «безальтернативности» и «единственности» «развитого социализма». И удивляться тут нечему: подлинные революционеры рождаются в борьбе со старым, а не в конъюнктурном приспособлении к нему, какими бы благоразумными предложениями оно ни оправдывалось. Когда такие приспособленцы выходят на первый план, получив, казалось бы, долгожданную свободу рук, они обнаруживают полную неспособность создавать новое, демонстрируя лишь старое умение подстраиваться под господствующие настроения большинства, выдаваемые, естественно, за «глас народа», хотя от народа это большинство подчас дальше, чем Москва от Вашингтона... Аллилуйщики «новейших указаний», заручившись полной поддержкой брежневско-суховского руководства, сумели вытеснить из марксистской науки или отодвинуть на задний план думающих, творчески работающих, готовых постоять за свои убеждения людей. Вот, если хотите, одна из главных причин того, что ширящиеся нападки на марксизм-ленинизм не встречают сколько-нибудь серьезного отпора со стороны громадной армии обществоведов, сделавших свою научную и слу-

жебную карьеру на прославлении его «диалектических преимуществ». В решающий момент ответственные идеологические работники, директора институтов и заведующие кафедрами показали свое истинное лицо... Отстаивают же ленинизм те самые изгои и неудачники научного мира, которые и в застойные годы подвергались непрерывным проработкам и унижениям...

Впрочем, когда конъюнктурщик в соответствии опять-таки с «духом времени» отваживается на «самостоятельность» и «инициативу», получают и вовсе смешные вещи. Вот как, виртуозно вооружившись победоносными приемами «нового мышления», укладывает на лопатки «диктаторов» и «деспотов» недавнего прошлого Д. Волкогонов: «Сталинский интеллект не был приспособлен для нового мышления, как и его оппонентов за океаном. Он мыслил мир (?) лишь в плоскости «черного» и «красного», «постынной борьбы», «соперничества».

«Ни Сталин, ни Черчилль, ни безвременно умерший Рузвельт в то время, видимо, не думали, что наша цивилизация уникальна и, вероятно, одинока в беспредельном мироздании. Дамоклов меч ядерного апокалипсиса еще был плохо виден».

Приятно, конечно, в конце XX столетия снисходительно оглянуться назад, поучив уму-разуму Сталина, Черчилля, Рузвельта и других деятелей «незрело-конфронтационного», «черно-белого» времени. Плохо лишь, что сохранились безнадёжные регрограды, усматривающие в подобном новаторстве отсутствие не только какой-либо научности, но и элементарного чувства юмора!

Кстати, об этом чувстве, почему-то не включенном Д. Волкогоновым в перечень общечеловеческих нравственных добродетелей (душевность, теплота, вежливость, умиление, покаяние и т. д.), с помощью которых в пространном «исследовании» предпринимается уникальная попытка нарисовать некий обобщенный образ злодея-диктатора всех времен и народов, ближе всех к которому, естественно, подошел Сталин. Уникальная потому, что все сколько-нибудь серьезные ученые и социологи отказались от дешевого морализирования как средства познания исторической истины еще где-то в середине XIX века. Забвение этого, если хотите, общечеловеческого научного принципа постоянно приводит автора к комическим ситуациям, которые он, пребывая в экстазе творческого вдохновения, просто не сознает.

Так, стремясь окончательно «добить» Сталина как «морально ущербного» и «потерпевшего вечное (?) историческое поражение политического деятеля», Д. Волкогонов все время проводит параллели с Македонским, Тамерланом, Цезарем, Кромвелем и другими «деспотами прошлого», не замечая, что тем самым фактически признает колоссальную величину и выдающуюся роль человека, отрицанию которых по сути и посвящены все три книги. Назойливое, чуть ли не с первой до послед-

ней строки отождествление сталинизма с цезаризмом, призванное, видимо, придать легковесным суждениям необходимую степень «научности», приводит думающего читателя к совсем иным выводам. Приход к власти Цезаря, как известно, был вызван объективными историческими закономерностями, основанный им авторитарный режим при всех случайных сменах первых лиц продержался несколько столетий. Опять-таки чувствительный удар по ключевому тезису волкогонской концепции о «случайности» сталинизма, у которого-де были вполне реальные альтернативы.

Тут дело, впрочем, не только в Сталине.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ— «КОМАНДНАЯ СИСТЕМА»

НЕКОРРЕКТНО, по меньшей мере, и сваливать все наши сегодняшние болячки и беды на изначальную «утопичность» октябрьских идеалов — этот популярный тезис также обыгрывается в волкогонском исследовании. Не идеалы виноваты, а те, кто компрометировал и продолжает компрометировать их своей бездарной политикой, своим растущим отрывом от жизненных интересов и чаяний трудящихся масс, отражением которых и стали эти идеалы. Именно Октябрь впервые в истории обеспечил прорыв к подлинной демократии, демократии трудового большинства, установив передовые социальные ориентиры и для стран Запада. Другое дело, что обывательско-оппортунистическое перерождение партийного руководства, сопровождавшееся тотальной активизацией мелкобуржуазных, индивидуалистических настроений, привело, как это и предвидел В. И. Ленин, к девальвации социалистических ценностей, возрождению в новом обществе «сил и традиций старого».

«Каков лидер, таково и правление», — подытожил свой огромный, более чем 60-летний опыт борьбы за социалистические идеалы бывший руководитель китайских коммунистов Дэн Сяопин. Глубокие, точные и весьма актуальные для нас слова. Роль субъективного фактора при социализме заметно возрастает как в позитивном, так, увы, и в негативном плане. Эффективное, дальновидное руководство резко ускоряет социально-экономическое развитие, некомпетентное и близорукое так же резко замедляет, а то и вообще срывает его, заводя страну в глухой тупик.

Д. Волкогонов и другие «новаторы» объясняют все негодностью сталинской, административно-командной системы, истошные проклятия в адрес которой стали сегодня верным паролем для пропуска в ряды «прогрессивной» и «перестроечной» мыслящих. Что ж, система, спору нет, действительно небезупречна. Но помимо систе-

С позиций «нового мышления» Д. Волкогонов, явно следуя моде, стал читать и весьма суровые нотации «насильникам-большевикам», которые впадали в «неоправданный экстремизм» и попирали свободу мнений, печати и другие многочисленные свободы, дарованные нам «великой перестройкой». Тут с ним, однако, согласиться трудно. Нельзя смешивать свободу мнений, критики, являющихся неотъемлемым атрибутом подлинной демократии, со свободой ругани, представляющей ее эрзац-извращение. Последней у нас действительно избыток, первая же до сих пор в остром дефиците.

мы, как не раз и не два подчеркивал Ленин, есть еще культурный уровень, уровень уместности и компетентности как руководителей, так и рядовых тружеников, который системе не подчинишь. Не суйтесь к народу с реформами, перестройками, реорганизациями, «ломкой системы», предупреждал Владимир Ильич партийных лидеров еще в начале 20-х годов, опозоритесь неизбежно. Подбирайте, выдвигайте, воспитывайте талантливых людей, организуйте эффективную проверку исполнения, и дело пойдёт. Все, что читал последние ленинские письма, записки, документы, знают, что эти слова он повторял там чуть ли не через каждую строчку...

В Китае и Вьетнаме, где в отличие от большинства бывших социалистических стран не стали ломать политическую «систему», а последовали ленинскому совету, успехи в повышении жизненного уровня народа просто поразительны. В Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и других странах, ставших на путь ломки сталинской системы, этот уровень катастрофически снижается. Но мы по инерции перестроечных догм все еще смотрим на Запад, не замечая того, что его уже перерегоняет Восток. Та же Япония, ставшая мировым лидером по темпам научно-технического прогресса, давным-давно отошла от чисто рыночных методов управления, применяя на решающих направлениях государственные, плано-административные рычаги, всемерно поощряя коллективистско-корпоративную мораль как среди руководителей, так и, особенно, рядовых тружеников. Многие составляющие японского чуда напоминают то, что практиковалось у нас в довоенные и предвоенные годы, а наши «новаторы» всерьез предполагают решить проблемы конца XX века примитивной философией «своя рубашка ближе к телу» середины XIX. В том-то и главный минус волкогонских изысканий, что под предлогом «возврата к общечеловеческим ценностям» они гальванизируют выброшенную на историческую свал-

ку Октябрем философию «естественного» индивидуализма и элитарности, от которых, ввиду их несостоятельности, сейчас начинают отказываться передовые капиталистические державы. Впрочем, тех, кто организует для Д. Волкогонова и ему подобных «новаторов» режим наибольшего благоприятствования, это, похоже, мало волнует. Ведь своими крикливыми поношениями «командной системы» они помогают увести от персональной ответственности тех ее нынешних руководителей, которые использовать огромные потенциальные возможности этой системы просто не умеют и, видимо, даже не сознают их. И того не понимают, что эксплуататорская система, бездумно копируемая под снисходительные аплодисменты «друзей перестройки» в Вашингтоне и Лондоне, отбросит страну по многим показателям экономического и особенно духовного прогресса на много десятилетий назад, и уже отбрасывает. Пусть задумаются наши прославленные перестроечные «прорабы» над судьбой интеллигенции ГДР, вочию столкнувшейся с капиталистическим «раем», красной основой которого были и остаются стяжательство, крысиная погоня за все новыми марками, долларами, франками. Многие интеллигенты «кристино цивилизованному строю» оказались просто не нужны, а критерии духовности и культу-

ры, несмотря на блеск «абсолютных» прав и свобод, занижаются там на несколько порядков. «Что мы наделаем!» — такой мотив преобладает сейчас среди тех восточногерманских интеллигентов и служащих, которые в октябре прошлого года с энтузиазмом клеймили на улицах «сталинскую систему».

А ведь у восточных немцев богатый дядюшка и покровитель, взявший на себя солидную часть финансирования по переходу на рельсы рыночной экономики, чего у нас не предвидится. Но, видимо, чтобы понять опасность игры с огнем, надо о него хорошенько обжечься. Все это невольно приходит на ум, когда вчитываешься в высокопарные рассуждения Д. Волкогонова о «крахе» командной системы. Задумывались ли вы, «прогрессивно» и «либерально» мыслящие, над собственной участью, над судьбами отечественной науки, культуры, искусства в условиях, когда погоду в стране начнут определять примитивные, жуликоватые, одержимые животными инстинктами первоначального накопления частные «предприниматели», сколотившие миллионные состояния на грязных аферах и спекулятивных махинациях теневой экономики? Впрочем, «их» «культура» и «искусство» уже наступают и формируют рынок, диктуют вкусы...

СУРОВЫЙ ПРОКУРОР ИСТОРИИ

Н О ВЕРНЕМСЯ к исследованию прошлого. Казалось бы, древняя истина: историк призван не осуждать или превозносить, а понять его. Последнее, правда, сложней, для первых двух особого ума не требуется: клеймить позором застойное время мы научились довольно неплохо, так же, как возносить на щит удобных с точки зрения сложившейся конъюнктуры исторических деятелей. С первых же строк своего публицистического эксперимента Д. Волкогонов дает понять, кого он будет обличать, используя широкий набор «антидеспотических» бранных эпитетов, и кого хвалить, лаская объектной, пышно звучащей «перестроечной» терминологией. В жесткую схему — «жестокое» и «коварное» «палача-садиста», уничтожающего в гнусных целях «интеллектуальный цвет» нации, — с армейской решительностью и прямолинейностью втискивается все повествование, все исторические факты и эпизоды, включая и те, которые в эту схему никак не вписываются.

Например, «благородно-гуманный» Бухарин, считавший расстрелы универсальным средством воспитания нового человека, или «цивилизованный» Тухачевский, отдававший приказы в годы гражданской войны

о массовом уничтожении ни в чем не повинных людей... Читателю не надо сопоставлять, размышлять, анализировать вместе с автором: ему сразу же предлагается набор безапелляционных оценок и суждений, цветастой и банальной риторики, отказ солидаризироваться с которыми предусмотрительно квалифицируется как слепая приверженность мифам прошлого, умственный консерватизм, сталинский догматизм и т. д.

Подобный «новаторский» метод, конечно, действует на малоподготовленную, несамостоятельную, растерявшуюся в море всевозможных мнений аудиторию, еще, к сожалению, весьма обширную. У людей же с продуманными и твердыми взглядами он не может не вызывать недоверия и раздражения. Сам Д. Волкогонов как-то посетовал, что, несмотря на, казалось бы, исчерпывающие разоблачения сталинских злодеяний, он все еще получает огромное количество писем людей, возмущающихся «нестандартностью» его суждений. Дмитрий Антонович, разумеется, приписывает все живучести старых стереотипов. Есть это, конечно. Но главное, пожалуй, в том, что примененный им вместо научного сентиментально-обывательский подход своим примитивизмом и поверхностностью достигает прямо противоположного эффекта, вы-

зывая невольные симпатии и даже уважение к объекту крикливых поношений, тем более, что приводимые факты, подчас действительно свежие и довольно интересные, противоречат волгогоновской концепции буквально на каждом шагу.

«Да он скрытый сталинист. Ругает «вождя народов» на словах, превозносит на фактах и документах», — сказал мне после прочтения «Триумфа и трагедии» известный ученый-социолог. Увы, оценка во многом справедливая. Судите сами.

В первом томе автор, подкрепляя свои суждения целым ворохом высказываний сторонников Троцкого, меньшевиков и эсеров, пытается доказать, что Сталин был-де в период Октябрьской революции незаметным и второстепенным функционером, «серым и тусклым пятном», по выражению видного критика большевизма Н. Суханова, с явным удовольствием приведенному в книге. Но вот перечисленный Д. Волгогоновым список должностей, которые занимал в тот период «малозаметный функционер»: редактор центрального органа партии газеты «Правда» (ее значение в революционные дни трудно переоценить), член Военно-революционного комитета из пяти самых видных в партии организаторов (куда, кстати, не вошли ни Троцкий, ни Эйновьев, ни Каменев), член Военно-революционного комитета при Петроградском совете, осуществлявшего непосредственную организацию восстания, член Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делегированный в его состав специальным решением ЦК партии. Даже одного из этих ключевых постов достаточно, чтобы волгогоновские рассуждения о «малозаметности» Сталина повисли в воздухе... Но, пожалуй, сильней всего конъюнктурно-пропагандистский характер этих размышлений проявляется в многократно повторяемых утверждениях, будто Сталин, устраняя талантливых людей, выдвигал на ключевые посты «по своему образу и подобию» посредственных, послушных исполнителей аппаратного типа.

Товарищ генерал здесь, однако, рассчитывая на неосведомленность аудитории, приписывает «вождю народов» грехи Хрущева и Брежнева, которые действительно окружали себя недалекими, бездарными, лично им преданными людьми; задавая соответствующий тон всему партийно-государственному аппарату. «Деспотический» Сталин при всех своих беспорных изъятих был деятелем куда более крупных масштабов, умевшим, по признанию ненавидевшего его Хрущева, находить, привлекать, выдвигать в массовом числе на решающие участки талантливых, неординарно мыслящих и, главное, обеспечивающих коренной поворот к лучшему людей. Ведь это факт, что накануне Великой Отечественной войны на видных, или «трамплинных», постах в Вооруженных Силах страны оказалась целая плеяда одареннейших военачальников — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков и многие другие, правильность выдвижения которых была доказана суровым опытом кровопролитных сражений. Сумели бы эти, по-современному мыслившие военные занять ключевые посты, если их сохраняли Тухачевский, Якир, Блюхер, Уборевич и другие командиры гражданской войны с их устаревшими критериями и подходами? Это обстоятельство при серьезном анализе тоже надо, видимо, учитывать...

Спору нет, репрессии 1937 года ослабили командный состав армии, это факт. Но фактом является и то, что военные дарования Тухачевского, Блюхера и других, как это показано, и достаточно убедительно, в ряде последних публикаций, по понятным причинам сильно идеализируются. Это тоже нельзя списывать со счетов. Так же, как непоколебленную шумными реабилитациями убежденность бывшего сталинского руководства в том, что Тухачевский, Якир и другие входили в военное крыло политического заговора, возглавляемого Бухариным и его единомышленниками.

КОМУ НА РУКУ «ДУШЕВНОСТЬ» В ПОЛИТИКЕ

ВЕРНЕМСЯ, однако, к подбору кадров высшего состава, который, по признанию Дмитрия Антоновича, и в годы войны осуществлялся на должном профессиональном уровне: «Война устроила суровый отбор, безжалостно отсеяв безвольных, неумелых, случайных. Но главным селекционером был сам Сталин».

К слову сказать, такой отбор еще нужней в мирное время. Когда он отсутствует, система государственного управления неизбежно приходит в упадок, подрывает

мая некомпетентными действиями случайных лиц. Сколько подтверждений этому мы получили в последнее время! Но так было отнюдь не всегда.

Как ни неприятно Д. Волгогонову признавать очевидное, он вынужден констатировать, что продвижение людей в высшие эшелоны в тот период шло за счет деловых качеств, умения добиваться практических сдвигов. Угодничество, личная преданность, родственные связи, ставшие неотъемлемыми факторами служебного успеха в последние десятилетия, начисто исключались. В книге несколько раз приво-

дятся сталинские высказывания о недопустимости превращения партийного руководства в «артель личных друзей», о преданности лицам в политике как «пустой и ненужной интеллигентской побрякушке». Наиболее показательно, однако, следующее признание: «У Сталина не было «любимчиков». Его не останавливало при принятии решений какое-либо моральное соображение, близкое знакомство, старые «симпатии», «былые заслуги».

Сегодня, увы, останавливает. А стране приходится расплачиваться.

Речь идет, конечно, не только о тех, кто цепляется за власть без должных на то оснований, но и тех, кто рвется к ней, держа до поры до времени камень за пазухой против своего народа. Революция, социализм должны уметь защитить себя и через 20, и через 30, и через 70 лет после своей победы.

Комично выглядит в этой связи волкогонский упрек Сталину, что в моменты крупных исторических потрясений никто не мог сказать о нем, что это душевный, добрый человек. Что ж, охотников «теоретически» оправдывать в большой политике «душевность» и «доброту» всегда хватало и хватает... А не потому ли бусует перестройка, что пресловутые «душевность» и «доброта» мешают принять твердые, энергичные и эффективные меры против тех, кто спускает ее на тормозах? Чистку аппарата, снятие бюрократившихся, оторвавшихся от жизни чиновников практикуют все страны и только выигрывают от этого...

Д. Волкогон постоянно противопоставляет сталинским репрессиям «цивилизованный» мир, в котором-де ничего подобного не могло произойти. Но знает ли он этот мир? Неужели нашему «выдающемуся исследователю» не известно, что под лозунгами защиты свободы, демократии и других общечеловеческих ценностей США, Великобритания, Франция самыми варварскими методами расправлялись с освободительными движениями в Азии, Африке и Латинской Америке, с борцами за свободу и социальный прогресс в своих странах? Потакая своекорыстным интересам правящей элиты, капитализм в буквальном смысле этого слова пролил потоки крови, развязав два самых страшных в истории цивилизации мировых конфликта и едва

не втянув ее в третий, равносильный полному уничтожению человечества с его тысячелетними материальными и духовными ценностями.

А разве сейчас буржуазная демократия, демократия привилегированного меньшинства, с культом наживы и потребительства, с цивилизованно-утонченными методами подавления инакомыслящих, всех, кто не приемлет долларовой диктат и гнет, не верна этим ценностям и идеалам? Каким образом тогда Д. Волкогон объяснит существование во всех без исключения западных странах политических партий и групп, сотен всевозможных организаций, выступающих за отстранение от власти правящих элит, социалистическое переустройство общественного строя? Нельзя же в конце концов посмотреть на мир через прилавки наших пустых магазинов, теряя всякую способность здраво рассуждать и думать при виде товарного изобилия частных лавок... Туристу, незрелому юноше, впервые попавшему в переполненный товарами супермаркет, такое простительно, претендующему же на новое слово в науке...

Если уж на то пошло, наш государственный строй в 30-е — 50-е годы при всех злоупотреблениях, ошибках и тысячах невинных жертв был, несомненно, более гуманным, демократическим и свободным, хотя бы потому, что служил в целом (при отдельных извращениях) интересам подавляющего большинства трудящихся, чего в развитых демократиях Запада никогда не было и нет. По крайней мере материально-культурный уровень жизни людей в те годы при всем его крайне низком исходном уровне рос гораздо более быстрыми темпами, а духовно-нравственному здоровью нашего народа завидовал весь мир. Настроения узкой кучки элитарно настроенных интеллигентов, действительно находившихся во власти страха, ненависти, всевозможных комплексов, не показатель — даже в среде самой советской интеллигенции они составляли ничтожное меньшинство, а в народе, которого не знали и боялись, и вообще были каплей в море...

И если сегодня мы завистливо смотрим на Запад, то только потому, что бездарное, амбициозное и некомпетентное руководство свернуло страну с правильных рельсов.

ВЫПЯЧИВАЮТ ЛОЖЬ, ЗАМАЛЧИВАЮТ ПРАВДУ

ЧТО ЖЕ касается волкогонской «козырной карты» — сталинских репрессий, то они касались лишь сравнительно узкой прослойки лиц, в основном из сферы партийно-государственного аппарата и интеллигентских кругов и на повседневную

жизнь рядового труженика сколько-нибудь заметного влияния не оказывали. Широко муссируемые популярными изданиями «данные» на этот счет подтверждают справедливость поговорок «у страха глаза велики», давно перейдя грань, за которой дилетантские гадания превращаются в сознательную фальсификацию.

Так, Д. Волкогонов на основе своих «аналитических» расчетов приводит цифру в 20 миллионов жертв этих репрессий. Трудно поверить, однако, что ему было неизвестно о работе специальной комиссии Комитета государственной безопасности. Комиссия, как мельком(?) сообщалось в центральной печати, на строго документальной и архивной основе определила число привлеченных к судебной ответственности по политическим мотивам в 1930—1953 гг. в 3 млн. 740 тыс. человек, из них реабилитировано к середине 1990 г. около 3 миллионов. Даже если не принимать во внимание, что возможность реабилитации для определенного числа людей появилась только в результате отмены общепризнанного в мировой практике принципа «закон обратной силы не имеет» (то есть отмены законов пост-фактум), получается, что в среднем ежегодно по политическим мотивам репрессировалось несколько десятков тысяч человек. Если учесть, что в стране оставались миллионы противников Советской власти, часть которых, естественно, не сидела сложа руки, это не такая уж и большая цифра. К тому же вполне сопоставима с цивилизованными демократиями Запада. В США, как известно, в начале 80-х годов в тюрьмах насчитывалось не менее 100 тысяч политических заключенных. А ведь Советский Союз в те годы переживал беспрецедентные исторические потрясения, острейшую классовую борьбу, что, естественно, не могло не отражаться на деятельности правоохранительных органов... Сейчас у нас вполне мирные времена, взят курс на демократию и гуманность, а несправедливостей, самых настоящих репрессий по отношению к негодным людям множество. Так с какой стати обращать благородное негодование на прошлое, не лучше ли обратиться к настоящему, защитить тех, кто становится жертвами произвола, беззакония и злоупотребления в наши дни?

Д. Волкогонов пытается доказать «нецивилизованность» и «негуманность» нашей политической системы ссылками на огромное число человеческих жертв, понесенных в годы Великой Отечественной войны. Сталин-де воевал большой кровью, его мало заботили людские потери. Однако в «исследованиях» приводится несколько архивных документов прямо противоположного характера: «Не пора ли нам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением». Эти слова свои, как признается в книге, Сталин постоянно подкреплял жесткими кадровыми мерами. Большинство выдвинутых командующих фронтами, особенно К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, И. Д. Черняховский и другие, как раз и славились своим умением «воевать малой кровью». Правда, свои утверждения Д. Волкогонов пытается обосновать сомнительными цифровыми подсчетами, согласно которым отношение советских военных потерь к немецким составляло 3,2:1. Но вот

цифры, приведенные на строго документальных архивных материалах министром обороны СССР Д. Язовым, дают совсем иное соотношение: наши военные потери (убитые и пропавшие без вести) составили 8 млн. 668 тыс. человек (с учетом войны с Японией), немецкие — 8 млн. 333,9 тыс. (Правда, Известия, 1990, 8 мая).

И вот что любопытно, у начальника Института военной истории, ставшего блистательным политическим трибуном, есть все шансы и возможности опровергнуть «догматические» данные своего министра, тем более, что такое опровержение в нынешней ситуации прошло бы, как говорится, на ура. Но он до сих пор хранит гробовое молчание...

Подкрепляя свой тезис об уничтожении Сталиным интеллектуального цвета Советской Армии, Д. Волкогонов приводит многократно прокрученные нашими «передовыми» изданиями цифры репрессированных советских офицеров. Но ведь эти данные, особенно по высшему составу, были запущены в идеологический оборот вышедшим из сталинских лагерей генерал-лейтенантом Тодорским, который обособывал их отнюдь не научно подтвержденными фактами и методологией, что Дмитрию Антоновичу, не сомневаюсь, хорошо известно. Куда объективней и надежней было бы обратиться к архивно-документальным материалам, благо на состоявшейся в феврале 1989 г. научно-практической конференции — об укреплении обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны — их обнародовали. Кстати, среди организаторов конференции числится и руководимый Д. Волкогоновым институт. Так вот, согласно этим документально-справочным материалам, направленным зам. наркома обороны по кадрам Щаденко Сталину — а вряд ли кто в то время осмелился бы дать ему липовые сведения, — общая цифра уволенных из списков Красной Армии за 1937, 1938 и 1939 гг. составила 36 тыс. 898 человек. В основном увольнялись по «естественным» причинам: достижение пенсионного возраста, болезнь, несоответствие служебной должности, пьянство и т. д. Из общего числа уволенных по причинам ареста примерно четверть (9579 человек). В 1937 году количество арестованных составляло 3,1 процента численности состава, 1938 г. — 2,8, 1939 г. — 0,03. К этому надо добавить, что к 1 января 1941 г. в результате исправления официально и широко признанных злоупотреблений в строй было возвращено 45 процентов офицеров, арестованных ранее по политическим мотивам. Высший офицерский состав, действительно, пострадал сильно: из 36 видных военачальников было репрессировано 30. Но в целом, как отмечал в журнале «Коммунист Вооруженных Сил» генерал-полковник А. Желтов, комментировавший эти цифры, поскольку к 22 июня 1941 года офицеров у нас было больше в 4—5 раз, чем в 1938 году, подавляющее большинство из них о репрессиях знало мало.

В БОЛТЛИВОСТИ ЛИ ИНТЕЛЛЕКТ?

Т ЕПЕРЬ, пожалуй, о самой популярной теме в волкогонском исследовании — теме сталинского интеллекта. Надо сказать, эта тема действительно актуальна, поскольку здесь прямой выход на критерии эффективности политической деятельности, критерии, претерпевшие под угловидным пером Д. Волкогорова очевидное конъюнктурное искажение.

Вспомним, что в свое время Ленин называл главным в работе пришедших к власти коммунистов умение слово подкреплять делом, добываясь практического воплощения намеченных лозунгов и программ. Непрерывное заседание и словоговорение, увлечение бюрократическим проектерством, реформами и перестройками Владимир Ильич считал для партийных и государственных руководителей самым пагубным злом, ведущим не только к отрыву от масс, но и возникновению прямой угрозы капиталистической реставрации. Сегодняшние конъюнктурщики по понятным причинам умалчивают об этом, сосредоточивая внимание на совсем другом.

А ведь если вдуматься в деятельность Ленина на посту главы Советского правительства, то ее главным содержанием как раз и была беспощадная борьба с захлестнувшими партийно-государственный аппарат бюрократизмом, безответственностью и интеллигентской говорильней. Ленин придавал этой борьбе настолько важное значение, что предлагал неумоимо и безжалостно вычищать из партии, вплоть до 9/10 ее членов, «святых и беззубых болванов», не умеющих работать по-настоящему, а умеющих лишь «калякать» и «важничать» на высоких трибунах.

Сталин, как отмечала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, и стал быстро выдвигаться в период, когда выходящей из стадии митингования и зажигательных призывов партии потребовались «рукастые», умеющие добиваться практических сдвигов люди. На пост Генерального секретаря ЦК партии, предоставлявшего «необъятную власть», он был избран по рекомендации Ленина именно потому, что проявил себя человеком дела, способным в кратчайшие сроки резко изменить ситуацию к лучшему, «встряхнув» и настроив на соответствующий лад руководящие кадры. На случай его чаще, чем кого-либо, в годы гражданской войны и нпа перебрасывали на самые решающие, «горячие» участки, и всюду эти командировки приносили заметную пользу, что неоднократно подтверждали даже его политические противники. Д. Волкогоров приводит любопытное письмо одного из самых убежденных троцкистов А. Иоффе, где тот открыто признает, что «Сталин будет полезен на

любом посту». Другой яркий сторонник Троцкого Антонов-Овсеенко, командированный на Украину, отмечая «сочувствие» и «понимание» со стороны своего вождя, подчеркивает в то же время, что «стоило тов. Сталину цыкнуть, как украинские товарищи перешли от слов к делу».

Спору нет, революция не могла обойтись без теоретиков, публицистов и ораторов типа Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина. Но она просто не выжила бы, если бы не выдвинула на первый план высококлассных организаторов-администраторов, в число которых входил и Сталин, не лишенный, впрочем, и незаурядных теоретико-публицистических дарований. По мере углубления социалистических преобразований, строительства новой экономики только теоретики и только публицисты неизбежно отеснялись на задние ряды, тем более, что ни Троцкий, ни Бухарин в полной мере научной методологией марксизма так и не овладели.

Интересное признание на этот счет содержится в опубликованном нашей центральной печатью закрытом докладе Н. С. Хрущева на XX съезде партии. Оказывается, организую репрессии, Сталин не был ни деспотом, ни самодуром. «Все это, — подчеркивал Хрущев, — рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа. Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно действовать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты революции». Словом, Сталин защищал рабочий класс, трудовой народ от людей, которые могли предать их интересы. И, видимо, у него были более развернутые аргументы, о которых, к сожалению, Хрущев умалчивает.

Впрочем, сегодня, глядя на развитие обстановки в стране, мы можем представить себе такую аргументацию. И если не оправдать, то понять ее. Что же касается оправдания, то тут еще долго и много надо разбираться: насколько репрессии определялись причинами, а насколько личными моментами; где они служили интересам народа, а где, наоборот, им вредили; в чем конкретно виноват Сталин, а в чем его окружение и т. д. Тут поистине сплошное белое пятно, ибо в пылу политической борьбы и предвыборных схваток нашим прославленным историкам и публицистам не до серьезной работы...

Сила интеллекта политического деятеля, как семь десятилетий назад, так и в наши дни, заключается в умении предвидеть наиболее вероятный исход ситуации, приняв вовремя эффективные меры. Для Д. Волкогорова же, увлеченного благонамеренным (по отношению к руководству) порывом, главное — в говорильно-митинговых критериях.

«Для большинства телеграмм Сталина,— философствует адепт «нового мышления», касаясь царицынской эпопеи 1918 года,— характерно отсутствие глубоких обобщений (II), политических оценок, прогнозов. Они, если можно так выразиться, сугубо эмпиричны. В результате принятых мер Царицын за короткий срок приготовился к осаде». Интересно, удалось бы Сталину «за короткий срок» принять необходимые меры и «приготовить к осаде» Царицын, если бы он занялся в своих телеграммах, отражавших бешеный ритм смертельной

схватки города с белогвардейцами, «глубокими обобщениями», «политическими оценками» или, что уж совсем близко Д. Волкогонову, планетарным философствованием об общечеловеческих категориях Добра и Зла? Представим, если бы «неглубокий эмпирик» перестроился и по примеру троцкиста А. Иоффе, заваливавшего одно порученное ему дело за другим, бомбардировал Центр «высокоинтеллектуальными» письмами на 20 страницах, проникнутых благородной тревогой за судьбы планеты и иных цивилизаций?

«ЗДОРОВЫЕ» УСПЕХИ «БОЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА

А ТЕПЕРЬ о суждениях серьезных, более того, бесспорных. Они в волгоновском «исследовании» тоже встречаются, и даже заметно чаще, чем, скажем, в бульварно-сенсационных опусах на историческую тему, публикуемых «Огоньком», «Юностью» и другими изданиями, где подчас, кроме личной озлобленности и самой низкопробной брани, ничего не найдешь. Д. Волкогонов все-таки в гораздо большей степени общался с архивными документами, да и как человек военный сохраняет приверженность определенному порядку. Итак, очевидное, с небольшими, «актуализированными» заметками:

«...несмотря на огромные жертвы, общество (имеется в виду Советский Союз 30-х—50-х годов) в целом не деградировало и добивалось немалых результатов в экономике, социальной и культурной жизни». Согласитесь, звучит, мягко говоря, упрямком в адрес наших «безжертвенных» дней! Но пойдём дальше:

«...те, кого миновали репрессии, своими делами изумляли страну, часто мир».

Сегодня, слава богу, репрессий нет... Но те, кого они «миновали», по-прежнему «изумляют» страну и «часто мир». Правда, в прямо противоположном смысле. Но это уже, согласитесь, несущественные детали. Продолжим:

«За невиданно короткие сроки ему (на роду.— В. Л.) удалось подняться из руин и восстановить экономику страны»... люди часто достигали вершин производственно-го, научного и художественного творчества».

Что удалось нам за примерно такие же сроки и каких «вершин» (или низин) мы достигли, читателю, надеюсь, пояснять не нужно...

Правда, в последнее время средства массовой информации, разумеется, с подачи высокоинтеллектуальных «прорабов», пытаются, приводя «уточненные» цифры и документы, доказать, что быстрое развитие экономики в 30-е и 40-е годы — блеф,

так же, как повышение жизненного уровня людей, снижение цен и другие «мифы» сталинистов. Знакомая погудка: уж что-то, а разворачиваться на 180 градусов, подгоняя цифры и факты под очередную идеологическую «установку», мы умеем, опыт здесь немалый. Не буду приводить контрцифры. Сошлюсь лучше на мнение людей «со стороны», далеких от наших взаимных перепалок, людей, обвинять которых в симпатиях к социалистическому строю, не говоря уже о сталинизме, не посмеют даже самые рьяные приверженцы Демократического союза. Я имею в виду западных экономистов и социологов, профессионально, со знанием дела изучавших проблемы социально-экономического развития нашей страны. Их оценка созданной в сталинский период экономической системы, достигшей пика своего развития к концу 50-х годов, когда Н. С. Хрущев приступил к ее волюнтаристской деформации, весьма показательна.

«К концу 50-х годов стало очевидно, — пишут, к примеру, видные исследователи плановой социалистической экономики Г. Дэвис и В. Хорезм, — что традиционная плановая экономическая система оказалась эффективней в обеспечении быстрого развития основных отраслей промышленности, в производстве высокоприоритетной продукции и общего роста». А вот еще более характерные выдержки из исследований западных ученых конца 50-х годов: «Россия переживает чрезвычайно быстрый экономический рост на протяжении последнего десятилетия... Советская экономическая угроза велика и быстро нарастает» (Ф. Линдсей, 1959 г.). «Советский экономический вызов реален и опасен, и об этом надо заявить прямо» (А. Ноув, 1959 г.). В этот период, как показывают документы, в американском «квизблешменте» и были разработаны долгосрочные планы по дестабилизации опасного для Запада «экономического вызова», среди которых важное место отводилось пропаганде преимуществ «либеральной рыночной экономики». Такие планы, в частности, разрабатывались в Конгрессе США.

«Все это делалось за счет народа, жизненные нужды которого приносились в жертву великодержавным интересам, — ответят на это, не сомневаясь, обличители командной системы. Но вот мнение человека, к стати, одного из самых яростных критиков сталинизма, хорошо знавшего то время. Слово драматургу В. Розову:

«Помню, как после денежной реформы 16 декабря 1947 года будто по волшебству все легло на полки: и масло, и сыры всех сортов, и икра, и семга, уже не говорю о мясе, колбасах, селедке всех сортов. Все было. А денег не было (В. Розов имеет в виду «большие деньги» подпольных миллионеров, предлагая несколько выше провести денежную реформу. — В. Л.). И покупали мы колбасу не батонами, а по 100—200 граммов. Так же и после денежной реформы 1961 года. Правда, вскорости все начинало исчезать».

А теперь, пожалуй, самая любопытная констатация очевидного, сделанная Д. Волкогоновым в своем «Триумфе и трагедии»:

«Простота, скромность в быту, неприязнительность в повседневном общении, готовность откликнуться на любой призыв общества, глубокая неприязнь к мещанству, накопительству, высокая одухотворенность людей, чуждых меркантильным расчетам, — все эти черты человека двадцатых, тридцатых, сороковых и более поздних годов — свидетельствовали: бюрократизм не убил лучшее в человеке первой

земли социализма. Люди были сильны верой в идею».

Сфальшивил-таки к концу: бюрократизм, эта, согласно известному афоризму, «гигантская сила, приводимая в движение пигмеями», способен убить и убивает что угодно, примеров тому вокруг нас, да и повсюду в мире, предостаточно. Все дело в том, что в сталинские годы его было несравненно меньше. О другой важной причине «высокой одухотворенности» и «самоотверженности» людей сталинских времен Д. Волкогонов говорит, естественно, сам того не замечая, страницей ниже. После смерти Сталина, сообщает он со слов А. Н. Шелепина, проводившего опись оставшегося от «вождя народов» имущества, у «диктатора» «фактически не осталось личных вещей, кроме подшитых валенок и крестьянского тулупа... Такими же были большинство его товарищей по ЦК». Что ж, если рыба гниет с головы, то бескорыстие, «глубокая неприязнь» к мещанству начинаются оттуда же.

Непостижимая логика «нового мышления»!

Возвращаюсь теперь самой логикой раскрытия темы к вещам малосерьезным, точнее, просто смешным, чего сам автор пухлых томов, увы, не осознает. Попытаюсь сопоставить приведенные выше вынужденные признания Д. Волкогоновым очевидных исторических истин с основными выводами его перестроечной «концепции», и вы поймете, в чем дело.

КОНСТАТАЦИЯ ОЧЕВИДНОГО

В годы сталинского правления страна добивалась «в невиданно короткие сроки» успехов в экономике, социальной и культурной жизни, которые «изумляли часто мир».

Люди в то время часто достигали вершин производственного, научного и художественного творчества.

Люди сталинской эпохи отличались высокой одухотворенностью, неприязнью к мещанству, готовностью к самопожертвованию, простотой и скромностью и другими общечеловеческими морально-нравственными ценностями.

ВЫВОДЫ ИЗ НЕЕ

Сталинская клика извратила ленинское наследие, свернула страну с рельсов правильного развития и завела ее в тупик.

Все это говорит о том, что командно-административная система давила в людях творческие начала, воспитывала их посредственными, послушными и безропотными исполнителями.

Сталинская система насилия и террора убивала в людях все лучшее, превращала их в рабов, одержимых самыми низменными, скотскими инстинктами.

Непостижимая логика «нового мышления» здесь как на ладони. Не ею ли руководствуются те, кто убежденно заявляет сегодня одно, а завтра так же убежденно прямо противоположное, кто дает указание «закрыть», чтобы через несколько дней под давлением «возмущенной общественности» «открыть». По цивилизованно-интеллектуальной терминологии «духовных прорабов» такие действия характеризуются как «конструктивная гибкость», «неоднозначность подхода», «альтернативность выбора». На языке тех, кто становится жертвами подобного «выбора» и «гибкости», гораздо проще — «преступная не

компетентность и безответственность». Крикливые поношения Сталина и сталинизма, которые сегодня переполняют наши «прогрессивные издания», понятны. Это — исконная ненависть дилетантов к профессионалам, болтунов и пустозвонов — к людям чести и дела, оторванных от народа «интеллектуалов» — к бескорыстным и самоотверженным борцам за его счастье.

Могут возразить, что в «Триумфе и трагедии» предпринимается попытка как-то свести концы с концами: бесспорные успехи-де достигнуты на волне «революционного энтузиазма», народ искренне верил мифам, потому что не знал, и т. п.

Насчет энтузиазма, однако, Д. Волкогонову вряд ли стоило распространяться — аргумент этот не выдерживает не то что критики, простого воспроизведения фактов. В начале 20-х годов революционным энтузиазмом в стране были заражены лишь коммунисты, составлявшие в народе, по ленинскому выражению, каплю в море, и сравнительно узкая прослойка политически передовых промышленных и сельскохозяйственных рабочих, на которых они опирались. Подавляющее большинство населения, крестьянского в своей основе, воспринимало большевиков и октябрьские идеалы, так сказать, вынужденно, как наименьшее зло, и большего от людей, погруженных в повседневные хлопоты и тяготы, ожидать, видимо, не приходилось.

Массовый энтузиазм в стране возник и стал распространяться с начала 30-х годов по мере успехов социалистического строительства: создания современной промышленности, образования, здравоохранения, культуры и, главное, заметного повышения материального и духовного уровня жизни трудящихся масс. Без такого очевидного всем материально-практического подкрепления энтузиазм не продержался бы и двух лет, не говоря уже о десятилетиях, что в негативном плане подтверждается нашей перестройкой, а в позитивном — зарубежным опытом, скажем, Японии или Сингапура, где подъем уровня жизни масс лег в основу бурного роста патриотических настроений, становящегося в свою очередь мощным стимулом дальнейшего продвижения вперед. Впрочем, обо всем этом достаточно убедительно говорил еще Сталин, слова которого, судя по неудачной попытке их высмеять, «исследователь-новатор» просто не понял:

«Очень трудно, товарищи, жить одной лишь свободой. Чтобы можно было жить хорошо и весело, необходимо, чтобы блага политической свободы дополнялись благами материальными. Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной культурной жизни. Вот почему жить у нас весело, и вот на какой почве выросло стахановское движение».

Звучит, согласитесь, весьма злободневно! Не потому ли влиятельнейшее лобби с таким упорством и силой пытается обол-

гать наше прошлое, что восстановление правды о нем сразу же обнажит полную несостоятельность связанных с этим лобби политических деятелей? И не им ли бросает спасательный круг своими писаниями и выступлениями Д. Волкогонов? А правда в том, что в проклинаемое «прорабами» время экономические рычаги действовали куда более эффективно, чем в хрущевский или брежневский период.

Так, для многих категорий стахановцев был вообще снят потолок заработной платы, директорский фонд предприятий давал возможность действительно стимулировать добросовестных, инициативных работников, функционировала многоуровневая тарифная система, поощрявшая рост профессионального мастерства трудящихся. Вся система оплаты была нацелена на стимулирование высококвалифицированного, высокопроизводительного, творческого труда. Инженеры накануне войны получали вдвое больше, чем рабочие, а самой высокооплачиваемой категорией были инженеры-конструкторы новой техники. Хрущеву все это показалось «социально несправедливым»...

О чем говорят все эти факты? О том, что обеспечить материальную заинтересованность рядовых тружеников и руководителей производства в результатах своего труда можно и в условиях централизованной плановой экономики без демонтажа или расшатывания основы основ социализма — общественной собственности на средства производства. Но определенные влиятельные круги, спаянные своекорыстными материальными интересами и элитарными поползновениями, прямо заинтересованы в том, чтобы скрыть правду об этом. Отсюда — мощная поддержка ими Д. Волкогонова и других «новаторов», помогающих наводить тень на плетень, направлять энергию и усилия народа в заведомо ложное, гибельное для простого труженика русло.

Идти вперед на огульном отрицании прошлого, как показывает опыт всех без исключения цивилизованных стран, невозможно. Ускорение можно получить, лишь твердо оперевшись на фундамент уже достигнутого, в противном случае откат назад неизбежен. Сколько же еще надо потерь, испытаний, крови, наконец, чтобы наши «новаторы» и «прорабы» осознали эту элементарную истину?

«МИСТИФИКАЦИЯ», НО С ЧЬЕЙ СТОРОНЫ?

ТЕПЕРЬ о мистификации и «обмане», жертвой которых в сталинское время, по заверениям Д. Волкогонова и других «перестройщиков», стал наш народ.

Отдадим должное «новаторам»: это открытие далось им нелегко. Сорвана-то маска

с величайшего обманщика, «мистификатора» и «иезуита» всех времен и народов, далеко превосшедшего по степени коварства и вероломства любого исторического деятеля прошлого, да и будущего, если взять обозримые несколько столетий. Только сейчас «амужественными» усилиями Д. Волкогонова и других «прогрессивно мыс-

138

лящих» исследователей удалось неопровержимо доказать, что Сталин искусно обманывал своих наркомов и министров, маршалов и генералов, партийный и государственный аппарат, большую часть интеллигенции, включая самых ее выдающихся представителей. Мистифицировав чуть ли не всех коммунистов, простых рабочих и крестьян, он ввел в заблуждение даже таких асов западной политики, как Черчилль, Рузвельт, де Голль, обвел вокруг пальца сотни крупнейших писателей и общественных деятелей за рубежом, руководителей коммунистических и рабочих партий, миллионы трудящихся капиталистических и развивающихся стран. Короче, обманывал и мистифицировал на протяжении многих десятилетий весь мир.

Страшно подумать, что было бы со страной, с человечеством, наконец, если бы этому «кровавому деспоту» удалось «мистифицировать» еще и наших духовных прорабов! Нет, этих прозорливых людей не проведешь: уж они-то сквозь землю видят.

Мигом все объяснят и заклеймят, если, конечно, команда сверху поступит. Тем более, что и объяснять не надо — все давным-давно написано противниками ленинизма как в нашей стране, так и за рубежом. Не случайно все волгогоновские книги переполнены цитированием Троцкого, Бердяева и даже Мережковского, оценки которых автор воспроизводит почти буквально, не позабыв, разумеется, пожурить их за «односторонность» и «экстремизм»!

Ну, а если серьезно, странная вещь получается. Вот уже три с половиной десятилетия советских людей пытаются, правда, с разной степенью интенсивности убедить, как им жилось плохо при сталинизме, какое это страшное зло, а они не верят. Кашпировскому, экстрасенсам, инопланетянам верят, а солидным исследованиям и уверениям с высоких трибун нет. Парадокс какой-то. О Хрущеве и Брежневе отзываются с пренебрежением, хотя их особо и не разоблачают, а о Сталине, которого чуть ли не официально приравняли к Гитлеру, с уважением. По данным социологических опросов, до 90 процентов людей возражают против суда над Сталиным, считая, что такой суд будет судом над социалистической системой.

Разумеется, общественные симпатии и антипатии — вещь не очень-то надежная. Людей можно сбить с толку дешевой демагогией и популизмом, заворочить несбыточными посулами и обещаниями, но отрезвление, как показывает жизнь, все равно наступает. И особенно на длительных исторических промежутках, когда жизнь все расставляет на свои места.

Итак, почему же, несмотря ни на что, количество «сталинистов» не уменьшается? В чем здесь дело?

А в том, что побеждают «сталинскую» командную систему не словом, а делом, не громогласным осуждением, а очевидным любому человеку практическим подтверждением превосходства «некомандных» и «неадминистративных» методов. А пока не «новаторы» убивают «систему», а «система», точнее, ее дестабилизация, опровергает «новаторов». Опровергает пустующими полками магазинов, невиданным за всю нашу историю разгулом спекуляции и мошенничества под видом кооперативной и предпринимательской деятельности, прогрессирующим падением уровня жизни народа и, как неизбежная расплата за все это — лавиной забастовок, угрожающей полным параличом экономики страны.

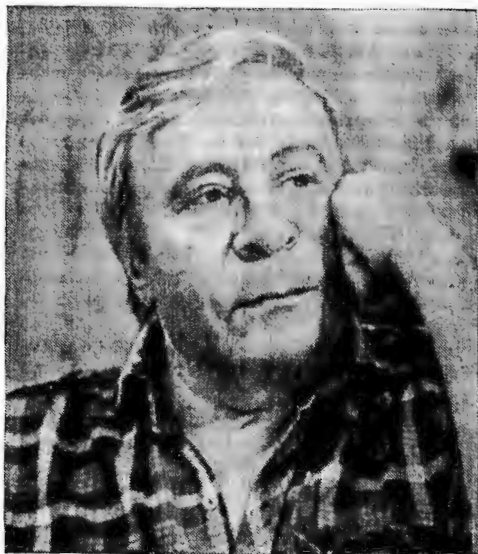
Эй-богу, неловко как-то становится за именитых людей, с победоносным видом рассуждающих о «преодолении заскорузлых сталинских догм». Сойдите со своих высоких трибун, дорогие товарищи! Посмотрите, к чему реально привело такое «преодоление». И если вы уж так любите ссылаться на народ, прислушайтесь к словам его вековой мудрости: «Не хвались, едучи на рать...» Или прекрасодушный утопизм и иллюзии, дурман понятных похвал из-за рубежа столь сильны, что надо дожидаться подтверждения другой нашей трагической мудрости: «Гром не грянет, мужик не перекрестится»!

Кстати, о народе. В конце своего исследования Д. Волгогонов, отчаявшись, видимо, убедить его в пагубности сталинизма, приводит близкие ему по настроению слова Д. С. Мережковского: «...воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт... грядущий князь мира сего «Грядущий Хам». Вот вам, взбунтовавшиеся «хамы» и «рабы», искренние слова признательности от человека, получившего за счет вашего труда все материальные и моральные привилегии, о которых, казалось бы, можно только мечтать! Перестроечная «демократия», наконец, заговорила своим истинным языком.

Исследование Д. Волгогонова — очередная попытка бросить тень на октябрьские идеалы, скомпрометировать ленинизм под флагом критики его сталинских извращений. Просвещенный генерал успешно сражается с давно умершими коммунистами, потому что живые молчат. Молчат, согнутые накопившимися за многие десятилетия парализующим грузом эгоизма, равнодушия, пассивности, обломовщины, неумения бороться за свои цели. А когда распрямятся — жизнь все равно заставит сделать это, — воинствующим обывателям, певцам «общечеловеческих ценностей» придется туго.

Верится, что разогнут спины коммунисты. Ибо болтливые перестройщики, показавшие свою полную несостоятельность во всех сферах жизни, ведут страну к катастрофе.

Владимир ЛИТОВ.

буны тогда прозвучало, что с ветераном войны Падериным сейчас сводит счеты сын полицая.

Безусловно, мне следовало бы тщательно проверить эти данные, но я, так сказать, поверил на слово, тем более, что в народном сознании понятие «полицай» тождественно «изменнику», «предателю» и т. д. И вот этот журналист, по фамилии Дмитриев, привлек меня к суду, где я действительно не смог доказать, что его отец носил повязку полицая. Но во время судебного разбирательства вскрылась вообще интересная история времен Великой Отечественной.

Отец этого Дмитриева, торговый работник, жил в Краснодаре. В начале войны он совершил крупное хищение, был арестован, но бежал из вагонца (причем сын живописал, что конвой по нему даже открыл огонь). В общем, сбежал и, как написано в документах КГБ, при невыясненных обстоятельствах вскоре появился в оккупированном немцами Краснодаре.

*Писатель
Николай Кузьмин:*

«ЧТО ИМ ДАСТ МОЕ УБИЙСТВО?»

— Николай Павлович, читатели нашего журнала, и прежде всего литераторы войск, с которыми добрый десяток лет вы занимаетесь в творческих семинарах, всерьез обеспокоены: что же случилось с писателем Кузьминым? Почему вместо творчества вы растрачиваете энергию по судам?

— Дело давнее, тянется второй год. Как известно, в 1989 году в журнале «Молодая гвардия» была опубликована моя автобиографическая повесть «От войны до войны. Ночные беседы». И там я имел осторожность бросить обвинение одному из журналистов газеты «Труд», вступившись, кстати говоря, за честь ветерана войны Ивана Григорьевича Падерина. Основанием для моего обвинения послужило выступление известного писателя на встрече с министром обороны Язовым. С три-

Ну, если он бежал на нашей территории и появился на вражеской, значит, перешел линию фронта. Это дало мне основание признать на суде: да, я не доказал, что Дмитриев-старший носил повязку полицая, но то, что он совершил переход под защиту фашистского оружия и тем самым предательство—налицо. Давайте заглянем в словарь Даля. Там ясно сказано: «Предать—покинуть в беде». А этот не только спасал свою шкуру, но и покинул народ в великой беде, когда не то, что его сверстники, мы, мальчишки, рвались на фронт, женщины и старики уходили в партизаны, чтобы под ногами захватчиков горела земля. А этот, видите ли, избегая суда, отдался под защиту оккупантов и стал ждать, когда же мы проиграем войну. Но, к его несчастью, мы все-таки победили фашизм, а он вместе со своими покровителями уд-

рал подальше от наших войск и потом очутился аж в Италии.

Вот, по существу, и вся история, вся подоплека судебного разбирательства. И я в «Молодой гвардии», теперь уже в пятом номере за прошлый год, в отчете о суде, о своих впечатлениях, о мыслях, вызванных всем этим процессом, восстановившим «честь и достоинство» Дмитриева-старшего, спрашивал: так чьи честь и достоинство восстановлены в году 45-летия Победы? Изменника? Предателя? Это мне не могло не показаться кощунственным, и я об этом написал. А теперь все тот же Дмитриев-младший привлекает меня уже к уголовной ответственности по статье 130-й за измышления, злостную клевету.

— Странно. Закон страны, разгромившей фашизм, стоит на страже не тех, кто добывал Победу, а тех, кто ее не хотел и желал нам поражения, так, что ли!

— Выходит, что так. К тому же я совершенно не согласен с новым обвинением, потому что злостное измышление, клевету можно квалифицировать как выдумку поведения, приписывание человеку тех поступков, которые он не совершал. Но ведь в нашем случае документами доказано, что Дмитриев-старший совершил хищение, бежал из-под стражи, перешел линию фронта под защиту немцев. Единственно, вопрос касается моей оценки такого поведения. Ее я высказал. Считаю, что, как сильный участник победы над фашизмом, вправе иметь свое суждение на этот счет. А кроме того, у нас недавно опубликована Всеобщая декларация прав человека, 19-я статья которой четко гласит, что каждый человек не только вправе иметь свое мнение, свои убеждения, но и высказывать их. Но теперь меня за это привлекают к новому суду.

— Он уже начался!

— У меня взяли подписку о невыезде и предъявили обвинение. Понимаете, следствие уже тогда всячески пыталось мне доказать, что Дмитриев, переходя линию фронта, не совершал никакого наказуемого и осудительного поступка, он, видите ли, шел к своей семье, и это надо понять и по-человечески простить. Но я возражаю! Враг ведь стоял на Волге, масса народу оставила своих родственников на оккупированной территории, и тем не менее все сражались. К тому же, когда наши войска освободили Краснодар, Дмитриев бестрепечно оставил семью и побегал с немцами дальше на Запад.

— Стало быть, чувствовал вину!

— Ну естественно! А если бы не так, он бы доказал свою невиновность, себя реабилитировал. Но он испугался суда и очень долго скрывался от него, при этом оставил семью по сути дела в заложниках. На руках имеется приговор: его жена была осуждена как член семьи изменника Родины. Я повторяю—изменника! Значит, в то

время было такое юридическое понятие, и Дмитриев под него подпадал. Почему оно теперь снято? И снято ли? Может быть, это наши «плюралисты» дураят честных людей? На мой взгляд, измена, предательство не имеют срока давности.

— Да ведь и в майской статье вы подметили, что судить поступки кого бы то ни было надо по законам и обычаям тех лет, когда они совершались, тогда как у нас сейчас расцвела манера измерять все, вплоть до событий своей нелегкой истории, исключительно настроениями сегодняшнего дня.

— Безусловно! Вы понимаете, у меня, например, сейчас становятся волосы дыбом: на Украине возводят памятник Бандере. Разрушаются монументы погибшим солдатам, затапываются могилы наших отцов и дедов. Это же кощунство! Я больше скажу—своими ушами слышал выступление некоего Минкина (кстати, любимого автора «Огонька» и «Московских новостей»), когда он всерьез утверждал, что Гитлер к нам шел не как захватчик, а как освободитель.

— Прямо-таки по Достоевскому: смердяковщина какая-то! Помните, тот тоже говорил, что Наполеон уж лучше бы победил нас, грешных. Уж лучше бы умная нация одолела нас, глупых.

— Вот-вот! Но это же кощунство! Не знаю, может быть, через десяток-другой лет так кому-то и удастся повернуть идеологию, но мы еще живые свидетели. Помилуйте, у нас еще болят раны, болит память по погибшим. Нет такой семьи, которая бы не понесла жестоких утрат. Я сам, мальчишка, уехал в Ленинград по комсомольской путевке. Город только что освободили от блокады, и в свои четырнадцать лет я работал грузчиком, таскал мешки и серьезно повредил позвоночник.

— Николай Павлович, давайте откровенно, неужели судебное разбирательство затевалось только для того, чтобы слово «полицай» в вашей повести заменить на какое-либо иное из того же синонимического ряда!

— Вы хотите спросить: не странно ли, что страна кишит бандитами, люди опасаются вечерами выходить на улицу, а милиция ловит писателей? Суды не справляются с разбором страшных преступлений, а тут много дней кряду выясняется, кто же кому сказал гусака?

Удивляться, к сожалению, нечему. Мы сейчас переживаем страшный период — период разрушения. Причем разрушители действуют по принципу: чем хуже — тем лучше. Те, кому не по нутру наша страна, наша система, наша держава, бьют по ее основам, по тем китам, на которых стояла наша государственность. А это прежде всего — партия, затем — армия и, наконец, великое связующее звено — старший брат, как принято было называть — русский на-

род. Удары наносятся очень точно, очень четко и очень продуманно. В частности, когда Дмитриев-младший с Дунаевым тиснули статью по Падерину, я сам столкнулся с такими обывательскими суждениями: «Да что ваши ветераны! Они всем уже осточертели, лезут кругом без очереди. Вон почитайте в «Труде», какие они на самом деле «геройчики».

Это же кощунственно, товарищи. Старые, недужные, полуслепые люди, получающие мизерные пенсии, на склоне жизни попали еще и под оскорбительное, несправедливое моральное осуждение. Нет будущего, так кто-то озабочен, чтоб не осталось и прошлого. Оно отнимается, оплевывается, судится, казнится. В общем, фашизм «дожигает» своих победителей через четыре с лишним десятка лет.

Я считаю, что это серьезная идеологическая акция, направленная на дискредитацию того, что всем нам было свято.

— Николай Павлович, история с Дмитриевым лишь небольшая деталь, эпизод в вашем довольно-таки объемистом повествовании. В основе повести — размышления и о судьбе своей, своего поколения, своей земли, своего народа. Раздумья над тем, что же с нами всеми происходит. В ней от вас здорово перепало нынешним псевдодемократам, псевдоловакам, рвущимся к власти. Интересно получается: вы, беспартийный, гражданский человек, вступаетесь за партию, армию...

— Я — солдат идеологического фронта, литератор, журналист. Беспристрастным быть не могу. Мои эмоции базируются на том, как меня воспитывали, как я рос, дожил до седых волос. Как-никак мне уже шестьдесят два, жизнь прожита, и прожита именно так. Я сужу обо всем в связи со своим опытом, образованием, воспитанием, с теми идеологическими, нравственными канонами, на которых вырос.

Мне всегда были симпатичны подтянутые, красивые люди в военной форме. У нас с Древней Руси заботились, почитали, уважали воина, дружинника. Вся история державы, нашего народа показывает, что армия — лучшая часть общества. А что же сейчас? Договорились до того, что армия — это какое-то чудische, молах, все пожирающий. Что он пожрал?

Недавно я вернулся из поездки по южным районам страны, в ноябре был в Ираке. И я не могу вновь и вновь не возвратиться к тому мудрому суждению, что страна, которая не хочет кормить свою армию, обречена кормить чужую.

А разве, действительно, не парадокс: я, всю жизнь беспартийный, вынужден сейчас выступать в защиту партии от таких партийцев, в том числе и власть придерживающих, которые в свое время удивительно активно кормились из большого партийного корыта, а сейчас увидели окошко пошире, где побольше выдают, demonstra-

тивно побросали свои партбилеты и даже гордятся этим. Но, простите, это же перевертыши! Надо называть вещи своими именами. Я опять произношу слова резкие. Но, товарищи, молчать безнравственно.

— Николай Павлович, в своей статье в майском номере вы заметили и вот какую примечательную деталь: ваши обвинители пытались не столько к вам, сколько к самому журналу «Молодая гвардия» «подтянуть» вину за пресловутый антисемитизм. И это при том, что в повести вы четко оговариваетесь, что антисемитизм вам претит и никакая боль за Родину в ваших устах не разразится диким и бесчеловечным лозунгом «Бей!.. И спасай!..» Но ведь у нас столько развелось людей, которые любые суждения инородца о евреях истолковывают как антисемитские, спешат поднять крик, навесить ярлык, заткнуть рот.

— Это действительно так. Воспитание русского человека, его жизнь историческая и последних лет проходила и проходит в окружении громадного количества народов и народностей. И никогда русский не был шовинистом, наоборот, а это видно из истории, он удивительно интернационален. То же самое и со мной: я всю жизнь прожил на Алтае, среди казахов, и я считаю, что это прекрасный народ, как, разумеется, и любой другой. У русского человека нет стремления утверждать свою великость за счет унижения других, пусть даже малочисленных собратьев, и не было никогда. То же самое с пресловутым антисемитизмом.

Давайте вспомним: ведь буквально перед 1 Мая стали активно муссироваться слухи о готовящихся еврейских погромах. Я тогда выступал и говорил — убежден, ни с одной еврейской головы не упадет и волоса. И, конечно, оказался прав, но сколько народу было взбудоражено, подвинуто к эмиграции. А виноватыми выставляемся, естественно, мы — русские. Но в наших ли интересах отток из страны научной, технической, творческой интеллигенции? Если всерьез принимать разглаговывания об угрозе существования евреев в СССР, то им грозит лишь одно — превращение в нацию профессоров. В повести я привел впечатляющие цифры.

А как не вспомнить нашу шумевший на весь мир случай в ЦДЛ с Остапивици. Эта провокация, вне всякого сомнения, была организована. Из хулигана и провокатора создали политического преступника. Теперь Президент не имеет права говорить, что в стране нет политических заключенных. Тут тоже надо дать себе отчет: кому это выгодно? И посмотрите, раздули из мухи слона, весь мир кричал о нем. А то, что уже сотни убитых русских людей в стране, раздираемой распрями, об этом мир молчит.

Я чувствую, что сейчас внушительные, но по сути своей низкие и темные силы стараются разжечь пожар, организовать не

что иное, как новый террор. Не знаю уж какой — черный, зеленый или желтый (слава богу, мы уже пережили и белый, и красный), но то, что он направлен против русского народа — вне сомнения.

Я могу привести имя Димы Матюшина, которого в Кишиневе забили насмерть за то, что он разговаривал на улице по-русски. А поглядите в Дубоссарах: милиция, по существу государственный орган, применила израильский метод — она лупила из автоматов по безоружной толпе. Мы знаем, что за прошлый год более 60 офицеров были убиты за то, что носили военную форму. Знаем, что сейчас у суворовских училищ выставляется охрана; потому что мальчишек в военной форме избивают. А мне говорят, что мы антисемиты. Это чудовищная клевета.

— Погибло и ранено немало военнoслужащих наших войск...

— Внутренние войска! В феврале с группой писателей я ездил по Азербайджану. Нас прикрывало четыре БТРа! В том же Афганистане рядом со мной находились только три автоматчика на легковой машине. А здесь мы ведь ездим по родной советской земле! Да что там говорить. Я глубоко сочувствую солдатам войск. Мало того, что они месяцами живут в ужасных условиях, без бани, без горячей пищи, в них стреляют, их убивают, — и они еще и виноваты.

— Николай Павлович, статья в «Труде», в свое время возмущившая не только вас, но и многих писателей-фронтовиков (достаточно вспомнить выступление в «Литературке» Егора Исаева, Михаила Алексеева, Ивана Стаднюка, не оставивших от доводов Дмитриева-младшего и Дунаева камня на камне), все-таки принадлежала перу именно этих двоих «трудистов». А кто же такой Игорь Маркович, так часто фигурировавший в вашем журнальном рассказе о судебном процессе?

— О, это довольно-таки странная и загадочная личность. Он вроде бы работает в той же редакции, что и они. Пришел, вмешался в ход разбирательства, несмотря на мой резкий протест. Стал настаивать на необходимости своего участия, и суд пошел ему навстречу! Кстати, он очень активно каждый раз поминал «компетентные органы», и это не может не настораживать.

Мне, например, даже не позволили посмотреть дело Дмитриева-младшего, когда в трудовом коллективе его разбирали, обсуждали за многолетнюю ложь об отце и семье: якобы я не имею на это права. Хорошо, член нашей редколлегии, Афанасьев, поехал в архив, ему дали это дело и стояли за плечом, чтобы он его только листал и не смел делать выписок, поскольку очень секретно. И вдруг все эти бумаги дают для домашнего пользования Игорю Марковичу! Потом, полковник Помченко написал письмо Язову по поводу Падерина

и всей этой возмутительной истории. Я обращался с письмом к Горбачеву. И все эти письма опять оказались у... Игоря Марковича! Однажды меня прямо-таки поразило: Игорь Маркович махнул судье рукой, и заседание было прекращено!

Что за темные силы стоят за этим человеком? Меня это и поражает, и раздражает, и настраивает пессимистически, потому что биться с ними в одиночку бессмысленно. А я чувствую, что именно оттуда дирижируется мое преследование, вся эта история с судами.

— Что можно сказать о ходе нового разбирательства! И чего ожидаете от него!

— Ожидая обвинительного приговора. И я ничему не удивлюсь, даже если на старости лет упрутся за решетку. В стране раздувается миф о «русском фашизме». Уже в открытую называют писательскую организацию РСФСР — фашистской организацией; Проханова — нацистом, лидером фашизма; Бондарев, Распутин, Василий Белов обвешиваются теми же ярлыками. Событиями ушами я слышал интервью двух депутатов Моссовета, которые говорили о готвящейся серии процессов против русских фашистов. Так что уверен, суд надо мной, к сожалению, не последний. Это только начало печальной истории. Потом, конечно, все будет исправлено, но пока надо готовиться к худшему.

— Николай Павлович, вы сказали, что с темными силами бесполезно бороться в одиночку. Но разве в этой борьбе вы одиноки! Наверняка писатели-фронтовики поддерживают вас!

— Да, к моей радости, людей это трагит. Ведь тут, действительно, вопрос не только моей судьбы, а и судьбы целого поколения, судьбы нашей Победы. Я знаю, что ассоциация военных писателей, а в ней немало ветеранов войны, обратилась с письмом к Главному военному прокурору товарищу Катусеву, чтобы он разобрался и как-то повлиял на затеянное кощунство. Потом группа литераторов-фронтовиков обратилась к Генеральному прокурору СССР. Но, к сожалению, пока утешительного мало.

Моим тайным и явным врагам хотелось бы стереть меня с лица земли. Но ведь и обыкновенная тюрьма в моем возрасте, с моим здоровьем для этого вполне сгодится. Что им даст мое убийство? Удовлетворение? И только-то? Разумеется, нет. Ведь я веду речь о справедливости, причем справедливости самой необходимой сегодня — нравственной, моральной, исторической.

Сейчас все здоровые силы нашего общества озабочены поисками гражданского мира и согласия. Как все это не вяжется с ненавистью, с желанием расправы и крови.

Вел беседу подполковник Е. АРТЮХОВ.

Верховному Совету Литвы, Совету сейма «Саюдиса», Паневежскому городскому Совету

Считать преступными организациями против жителей и правительства Литвы: военные комиссариаты СССР, Комитеты госбезопасности СССР, организации КПСС, десантные и другие воинские части, участвовавшие в терроризировании жителей и правительства Литвы. Прервать многоканальную связь (телетайпы и др.), отключить командную передающую систему (ЦУБ) военным комиссариатам, не телефонизировать квартиры офицеров, не предоставлять никаких услуг связи; прекратить оказание коммунальных услуг — подачу горячей воды, газа, не выделять квартир, гаражей, коллективных садов и земельных участков под строительство; выселить семьи военнослужащих из ведомственных общежитий и квартир; в системе охраны края срочно создать оборонные охранные отряды быстрого реагирования на случай действий оккупационной армии...

ЭТО ТОЛЬКО малая толика экстремистских санкций, которые предлагает Паневежский совет «Саюдиса» и его ответственный секретарь К. Грабис к военнослужащим, сотрудникам КГБ, коммунистам. Да, это тот самый «Саюдис», который под личиной столпа перестройки с фарисейской изворотливостью выжидал момент, когда можно открыться в маховом национализме и захватить власть в республике. Ныне в его пропагандистскую машину заложено все: и мифы о насильственном захвате литовской территории, и спекуляция историческими фактами, и фальсификация современных «окупантах».

Конечно же, разжигание бурных националистических страстей выгодно ученым мужам «Саюдиса», особенно в отношении к молодежи, ибо она, как это чаще всего бывает, клюет на приманку ловких политических проходимцев.

Есть карикатура одного литовского художника. На ней изображен утопающий — из воды торчит рука, зовущая к помощи. Созерцая эту беду, истинный литовец, прогуливающийся по берегу, спрашивает у тонущего: «А вы какой национальностью?... Думается, это вполне соответствует такому, к примеру, утверждению саюдистской профессуры, что поляки Литвы—это вовсе не поляки, а колонизированные литовцы.

Такое «открытие» появилось, когда поляки запросили автономии.

Сегодня от имени литовского народа говорит тот, у кого громче голос, а он, естественно, у тех, кто владеет средствами массовой информации. Но ведь народ не может мыслить одинаково—это известно всем. От какого же народа говорит «Саюдис»?

Расчет строится на неосведомленности большинства наших современников об исторической правде. И пока он оправдывается, идет создание не входящих в государственную структуру военизированных формирований из числа дезертиров и уклоняющихся от службы в Советской Армии и во внутренних войсках. Появляются отряды самообороны. Только вот от кого? А что последует дальше: захват оружия? Полезно бы знать, что это уже в Литве было. Во второй половине сороковых годов. И вписалось одной из трагических страниц прошлого Литовской республики. Обратимся к архивным материалам минувших лет.

В документе по программе закрепления немецкого господства в Восточной Европе (Генеральный план «Ост»), составленном в 1942 году начальником отдела колонизации 1-го главного имперского управления безопасности Ветцелем, считавшимся крупным специалистом по проведению герма-

низации, достаточно определенно обозначены цели этой политики. Ее суть сводилась к одному—порабощению и истреблению значительной части населения народов оккупированных территорий, в том числе Литвы, Эстонии, Латвии. При этом вовсе не исключалось использование некоторых услуг людей, лояльно относившихся к нацистскому режиму. Ставка делалась прежде всего на таких, кто сотрудничал с немцами, служил в частях «СС», участвовал в карательных акциях и помогал наводить «немецкий порядок». В частности, Ветцель рекомендовал: «Нам следует постоянно исходить из того, что, управляя всеми огромными территориями, входящими в сферу интересов империи, мы должны максимально экономить силы немецкого народа. Тогда неприятные для русского населения мероприятия будут проводить не немец, а, например, используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец...» Правда, здесь же специалист по германизации делает одну оговорку: «Что касается литовцев, общие расовые данные которых значительно хуже, чем у эстонцев и латышей, и среди которых имеется значительное количество нежелательных в расовом отношении людей, то можно было бы подумать о предоставлении им пригодной для колонизации территории на Востоке».

Иными словами, речь велась о полной ликвидации литовской государственности с принудительной высылкой коренного населения со своей территории проживания. Располагая сведениями относительно намерений руководства фашистской Германии, сопоставим его замыслы и действия с развитием событий, происходивших по инициативе советской стороны. Чтобы иметь на этот счет полную определенность, представим небольшой экскурс в историю.

КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ буржуазное государство Литовская республика оформилась после окончания первой мировой войны на территории принадлежавших прежде царской России Виленской, Сувальской и Курляндской областей. Несколько позднее в ее состав вошла Мемельская (Клайпедская) область. Правда, последнее приобретение долго являлось предметом международных споров. Дело в том, что Мемель по Версальскому мирному договору отходил от побежденной Германии в совместное владение стран-победительниц. Свои притязания на него заявила и Литва, поскольку там наряду с немцами проживало много литовцев. В результате народного восстания, поддержанного вводом литовских войск, Мемель был присоединен к Литве, но оставался на положении автономии. Он стал Клайпедой. За это молодому государству пришлось взять на себя обязательство быть вечным союзником Германии.

Тем не менее, с первых дней своего существования и до середины сороковых годов Литва, а точнее ее народу, при-

шло вести нелегкую тягбу с территориальными притязаниями более могущественных западных соседей. Сначала в 1920 году она вынуждена была уступить Польше Виленский край вместе с городом Вильнюсом, а во второй половине тридцатых годов, когда в Клайпедском сейме большинство получил так называемый «немецкий список» депутатов, Литва потеряла единственный выход к морю, оказавшись в полной зависимости от гитлеровской Германии. В Клайпеду вступили германские войска, и снова город стал именоваться Мемелем.

В 1939 году, когда немцы уже оккупировали всю Польшу и стремительно продвигались к ее восточным границам, Красная Армия вступила на территорию Прибалтики и не допустила захвата фашистами Вильнюса. Город был возвращен Литовской республике. Тогда же на выборах в Народный сейм 99 процентов избирателей выразили поддержку и отдали свои голоса кандидатам демократического Союза трудового народа, возглавляемого коммунистами. Сейм принял декларацию о вхождении Литвы в состав СССР. 3 августа 1940 года решением Верховного Совета СССР к республике присоединялись территории Свенцянского, Видзювского, Годутишковского, Островецкого, Ворновского и Радунского районов Белорусской ССР, о чем предварительно последовало волеизъявление высшего органа власти Белорусской ССР. Так о каком же захвате территорий вещает «Сяудис»?

В начале Великой Отечественной войны Литва оказалась полностью в зоне немецкой оккупации. Началось осуществление Генерального плана «Ост» по германизации Прибалтики. Оккупанты стерли даже само название Литвы со своих географических карт, обозначив ее как часть «Остланда».

ЗА ТРИ ГОДА оккупации Литвы на ее территории фашистами было уничтожено свыше 660 тысяч человек. В небольшую Литву было завезено более 16 тысяч немецких колонистов. Воплощению замыслов онемечивания Литвы помешала победа советского народа в Великой Отечественной войне. Республика была воссоздана в ныне существующих границах. В ее состав вошли и Вильнюс, и отошедшая к СССР как к стране-победительнице Клайпеда, из которой немецкая часть населения была выселена. За освобождение литовской земли от фашистских захватчиков отдали свои жизни 138 тысяч советских воинов. Каждая пядь литовской земли оплачена кровью наших солдат и офицеров.

Вряд ли тогда, в тяжелые сороковые годы, кто-то из честных граждан Литвы мог предполагать, что спустя почти полвека многое из литовской истории будет подзабыто и произойдет переосценка событий тех лет. Что увенчанные заслуженными наградами литовские герои-фронтовики окажутся в опале, а вслед советскому солдату

будет произноситься унижительное, незаслуженное оскорбление. Что новоявленные радетели независимости и выхода Литвы из СССР будут обвинять Советский Союз в ее порабощении и будут призывать к полной реабилитации, предоставлению всяческих льгот за счет трудящегося народа не только пособникам, но и непосредственным участникам чудовищных злодеяний фашизма.

Хотелось бы посоветовать быть поразборчивей в терминологии. А для несведущих полезно заметить, что еще не было отмечено в истории человечества примеров, когда агрессор, оккупант занимался расширением территории захваченного государства, заботился о народных интересах, восстанавливал разрушенное хозяйство, экономику. Такая миссия присуща только освободителям.

Тем не менее вполне официально в правительственных кругах поднят вопрос о признании борцами за свободу, народными героями тех, кому с самого начала не по душе пришлось Советская власть. Кто во времена гитлеровской оккупации ревностно служил фашистам, а после их изгнания стал вымещать свою лютую ненависть к новому строю на своих же согражданах, на войнах армии-победительницы.

В то же время нормой жизни в Литве стала всеобщая дискриминация человека в военной форме. Женам военнослужащих отказывают в приеме на работу, их детям создаются невыносимые условия в школах. От пикетов и демонстраций националисты переходят к открытым провокациям с применением взрывчатых веществ, как это имело место на КПП одной из воинских частей в ноябре 1990 г. А вот как вели себя в Вильнюсе профашистские группы в день празднования 73-й годовщины Октября. После военного парада и демонстрации они устроили свою «демонстрацию». С криками «Иван — домой!» сорвали флаги со зданий горкома КПЛ (КПСС) и КГБ. У памятника Ленину великовозрастные юнцы из Лиги свободы Литвы и организации «Молодая Литва» завязывали драки с рабочими отрядами, бросали в них урны, бутылки с желтой краской. Затем они двинулись к памятнику Мицкявичюсу-Капсукасу, накинули на него веревку, пытались свалить с пьедестала... И все это происходило при попустительстве органов власти и МВД республики.

Чтобы разобраться в движущих силах происходящего, обратимся к архивным документам Главной военной прокуратуры и напомним некоторые обстоятельства.

ПОСЛЕ отступления фашистских войск с территории Литвы в 1944 году в республике была объявлена мобилизация. Война, как известно, длилась еще в течение года, она продолжала уносить тысячи и тысячи жизней людей, и Советская Армия нуждалась в резервах. Однако далеко не все пожелали включиться в борьбу с поработителями Европы. Уклонение

от призыва по мобилизации, а равно и дезертирство уже призванных, во всех странах всегда считались опасными преступлениями, за которые в обстановке военного времени рассчитывать на снисхождение не приходилось. Нежелание воевать и стремление избежать ответственности за проявленное малодушие — вот весьма прозаическая причина, побуждавшая часть литовцев прятаться от властей на чужих квартирах, в лесах, на отдаленных хуторах... Нелегальное существование не позволяло устроиться на работу, обеспечить себя средствами жизни законными способами. Именно это, а не какие-то высокие материи обусловили вступление многих людей на преступную тропу, превратило их в грабителей и насильников. Вполне естественно, что заниматься преступным ремеслом легче не в одиночку, а стайей и с оружием. Что же до Советской власти, которая сразу же повела решительную борьбу с «слесными братьями», то они провозгласили своим врагом и ее.

Вот выдержки из показаний, данных 25 февраля 1946 г. некоторыми участниками одной из банд, руководимой подпольной организацией «ЛЛА», действовавшей в Утянском уезде Литвы: «В 1944 году после объявления мобилизации, чтобы уклониться от призыва, я стал проживать нелегально. Затемступил в банду «Сакалас Бурис», дал присягу, получил винтовку с патронами. Продукты питания приобретали [!!!] у крестьян под силой оружия. Бандой убито два человека из числа партийного советского актива. В ноябре 1945 года под силой оружия я изнасиловал гражданку Жавирблене...

Лункус Иозас.

«В августе 1944 года я был мобилизован в ряды Красной Армии. Спустя некоторое время прибыл в отпуск и был завербован в банду «Сакалас Бурис», где получил кличку Рабанзон, мне выдали оружие. Для получения продуктов питания организовывали вооруженные грабежи. Банда совершила террористический акт над секретарем волостного исполкома...

Гасюнас Иозас.

[Архив ГВП, надзорное производство № 39485—45].

Аналогичные показания в суде дали еще шестеро участников этой банды. Нужно иметь в виду, что в судах фигурировали факты, лишь доказанные следствием. А сколько за ними числятся убийств из-за угла, поджогов, грабежей, диверсий и других темных дел, о которых они предпочитали умалчивать?

В Тракайском уезде орудовала банда, возглавляемая Кабурисом. Среди ее невинных жертв — убийство целой семьи. По откровениям одного из ее участников И. Симанавичуса, также уклонявшегося в лесах от призыва в действующую армию, они совершили налет на деревню Наваршанцы. Ворвавшись в дом Алекаускаса, бандиты убили хозяина, его жену и двух несовершеннолетних детей. Скот и имущество забрали в лес. За этой же бандой

числится организация засады возле деревни Иванышки, где террористы зверски убили Беляускаса и Осинкаса.

Из уклонявшихся от призыва и дезертиров сформировалась банда «Крижетис», державшая в 1944—45 годах в страхе население Мариампольского уезда. Во время одного из налетов вооруженная группа заявила в дом жителя деревни Скаружишки Макаукаса, который попытался скрыться, но был ранен. Один из бандитов Гринюс Антанас выстрелом в упор добил Макаукаса. Последующие действия грабителей стереотипны: забрали имущество, скот и скрылись в лесу.

В послужном списке банды «Роландас», обосновавшейся в Таурагском районе, фигурирует помимо прочих преступлений убийство жителя деревни Бурбишки крестьянина — бедняка Урбитиса, его жены и двадцатилетней дочери, вооруженные ограбления хозяйств Валентеюса из деревни Даргайчу, Стумбраса из деревни Эйчи и другие злодеяния. Среди участников преступной группы преобладали дезертиры, которые войне против фашистов предпочли насилия над своими же согражданами. Что и говорить, грабить одиноких хуторян, да еще вооруженной группой, гораздо безопасней, чем ходить в атаку на немецкие окопы с отчаянно сопротивлявшимися фашистами. Практически не было в Литве района, жители которого не терроризировались бы бандитами, не испытывали постоянного страха за собственную жизнь и безопасность перед «лесными братьями». Заметим — своими, а не пришлыми.

Перечень бандитских деяний можно продолжать довольно долго. Кстати, неплохо бы извлечь из прошлого уроки и некоторым современным «агитаторам», призывающим молодежь уклоняться от призыва в Советскую Армию и внутренние войска, дезертировать и скрываться по городам и весям, сколачивать военизированные группировки боевиков. Именно из таких вот скрывающихся, без определенных занятий людей рано или поздно образуются преступные стаи, шайки всевозможных мошенников, спекулянтов, рэкетиров.

ПОМИМО прятавшихся от ответственности дезертиров в банды сползались и люди, которые в разной степени сотрудничали с гитлеровцами, состояли у них на службе либо оказывали оккупационным властям содействие в наведении «немецкого порядка», осуществлении карательных акций. То есть самые настоящие военные преступники и их пособники, одинаково опасавшиеся и возмездия со стороны собственного народа, и преследования правоохранительных органов.

К числу таких принадлежал Вацлав Будрикас, 1918 года рождения. Проживая на оккупированной литовской территории, он добровольно вступил в немецкую полицию и ревностно служил в ней до 1944 года. Нес охрану немецких коммуникаций, бдил за советскими военнопленными, участво-

вал в облавах и арестах, в избиениях граждан и расстрелах. Накануне отступления немцев из Литвы, в 1944 году совместно с полицейскими Марцинкявичусом и Шоломаскисом вблизи Паневежиса он выследил и задержал партизана Стасюнаса, которого втроем жестоко избили. При этом Будрикас орудовал увесистой палкой. Партизана сдали фашистам. Следующей жертвой был партизан-подпольщик Алюканис. Его также зверски избили и привезли в полицию. Немцы поручили довершить расправу самому Будрикасу. Алюканиса отвезли на кладбище, заставили вырыть себе могилу, после чего Будрикас лично расстрелял партизана. Закапывать убитого не стали. Убедившись в «благонадежности» Будрикаса, фашисты стали привлекать его на массовые облавы партизан в Паневежской волости.

При отступлении оккупантов Будрикас ушел в подполье, а затем вступил в вооруженную банду, где был известен под кличками Брелис, Кудирка. Подлинное имя скрывал даже от соучастников преступлений — «лесных братьев». Участвовал в засадах и нападениях на активистов, на посты Советской Армии, на солдат и офицеров внутренних войск. Во время одной из стычек в конце 1944 г. банду разгромили, а Будрикаса задержали. Военный трибунал приговорил опасного преступника к расстрелу.

Страшный кровавый след тянется за немским Бурбулисом и его двумя подручными Иванаускасом и Даргужисом. Сначала они состояли добровольцами в армии немецкого ставленника Плекавичуса, действовавшей на стороне фашистов. После разгрома немцев армия развалилась, а бывшие ее вояки расплзались по лесам, пополняя бандитские группировки. Одну из таких банд и возглавил Бурбулис. Первой акцией стал проведенный с его участием бандитский налет и разгром Вайвадышского машинно-конного прокатного пункта и Пагирского волисполкома. «Патриоты» сожгли скотный двор вместе с коровами, склад с сельхозинвентарем, убили секретаря волисполкома и его жену. Попавшуюся на глаза бандитам работницу торгового отдела Федотову Бурбулис затащил в кусты и там застрелил. Следующими жертвами террористов стали секретарь сельсовета Марцинкявичус, председатели колхозов Яблонскис и Витас, а также простые граждане, местные жители Яздаускас, Урбонас, Верб. Три последних убийства бандиты оформили специальными актами, в которых записано, что погибшие подозревались в сотрудничестве с советскими властями и НКВД. Бурбулис, как и многие его подельники, скрывал свое настоящее имя, бандитам же он был известен под кличками Еварюс, Рамунас, Жильвинис, Гинтаутас. Вот как Бурбулис описал обстоятельства одного из своих убийств на судебном процессе: «Как-то в апреле я и Иванаускас заметили проезжавшего по лесной дороге человека. Им оказался Витас — председатель колхоза. Мы решили его убить. Вы-

стрелили одновременно с Иванаускасом. Витас упал. Когда подошли к нему, то увидели, что он только ранен. Опасаясь, что Витас расскажет о нас органам МВД, Иванаускас пристрелил его. Затем мы забрали его часы, застрелили лошадь и ушли (ГВП, надзорное производство № 20181—53).

Кстати, второй убийца — Иванаускас на суде утверждал, что первый выстрел сделал Бурбулис, когда председателя колхоза они стащили с лошади, а потом уже добивали вдвоем.

Именно бывшие немецкие холоуи, запятнавшие себя преступлениями против советских людей, в том числе своих соотечественников еще во времена фашистской оккупации, проявляли особую жестокость и в послевоенную годину. Они прекрасно сознавали: то, что поощрялось бывшими хозяевами и обеспечивало вполне безбедную жизнь, теперь после отступления гитлеровцев из Прибалтики стало основанием уголовного преследования. Бывшие полиция, старосты, надзиратели стали расползаться по щелям, укрываться в лесах, на отдаленных хуторах.

Убедившись, что в одиночку выжить невозможно, они под угрозой расправ принуждали беззащитных местных жителей становиться их осведомителями, наводчиками, обязывали носить в лес продукты, одежду, предоставлять пристанище. Их вовсе не беспокоило, что, совершая преступления сами, они еще и вовлекают в свою преступную сферу других. Многим из таких вот случайных соучастников пришлось отвечать сполна наравне с бандитами и насильниками. Времена были строгими.

Уместен здесь и вопрос: возможно, по нынешним меркам перечисленных, да и подобных им убийц, следует записать в патриоты? Они ведь боролись против Советской власти, охавание которой сегодня становится в Литве чуть ли не обязательным условием общественного признания. Но в любом государстве, независимо от существующего в нем общественно-государственного строя, бандиты типа Бурбулиса, Гринюса, Бурдикаса всегда признавались опасными уголовными преступниками со всеми вытекающими правовыми последствиями. И вести речь о реабилитации таких людей по меньшей мере неуместно. Никогда не простит им народ сотворенных злодеяний. Любые попытки обелить убийц, придать их жутким деяниям какую-то политическую, национально-освободительную направленность не могут служить оправданием совершенных преступлений. Это было бы кощунством, надругательством над памятью о безвинно погибших, их осиротевшими детьми и родителями, над слезами овдовевших женщин.

В марте 1946 года военный трибунал осудил группу литовцев из 13 человек (из них пятерых к расстрелу) за участие в акциях гитлеровцев по массовому уничтожению евреев. В приговоре записано, что в сентябре 1941 г., едва вступив в Литву, фашисты начали расправляться с жителями

еврейской национальности. Для участия в уничтожении большой партии (8 тысяч) евреев они привлекли членов Мариампольской националистической организации «шаулистов», которыми руководил Енас Матукайтис, владелец ресторана. Свое согласие выразили 35 человек. Сам Матукайтис избивал конвоируемых на расстрелах, за что награжден немцами. Езас Балкаускас участвовал в рытье могил, раздевал евреев перед расстрелом. Железной лопатой одному еврею он рассек голову, другому спину. За проявленное усердие поощрен вещами расстрелянных. Владес Шульжинкас волоком притащил к могиле сопротивлявшегося старика и живого бросил в яму, где тот был пристрелен. За «активность» получил снятые с расстрелянных пиджак, брюки, дамское платье, деньги. Примерно так же вели себя и остальные пособники уничтожения евреев.

Примечательно, что печальной памяти Председатель Военной коллегии В. Ульрих внес на приговор о расстреле протест, мотивируя свою позицию тем, что осужденные не принимали непосредственного участия в расстреле. С его предложением согласились, и высшая мера наказания была заменена длительными сроками лишения свободы.

Возможно, у кого-то возникает мысль, мол, страдания причинялись людям, которые все равно через несколько минут подлежали расстрелу. Но глумление над человеком всегда является преступлением, даже если оно допущено в отношении обреченных. Более того, по законам это признается особой жестокостью.

По прошествии времени ряд осужденных стали взывать к милосердию, обращались во все инстанции с ходатайствами о реабилитации, обуславливали свое малодушие принуждением их к тому со стороны фашистов, страхом за собственную жизнь. Нет, это ни в коей мере не оправдывает жестокость по отношению к несчастным жертвам.

ТАКОВЫ факты. Они заставляют о многом задуматься. По истечении многих десятков лет некоторые из репрессированных, дожившие до наших дней, пытаются предстать перед нынешним поколением жертвами произвола и беззаконий, борцами за народное дело. Подогревая националистические эмоции, они недвусмысленно кивают в сторону Москвы, обвиняя ее в насаждении террора и насилия, в несправедливых расправах над литовскими «патриотами». Красочно расписывая свои мытарства по бесчисленным лагерям, они предпочитают умалчивать о делах, за которые угодили под тюремные решетки. Скажем честно: да, среди литовцев (как, впрочем, и среди почти всех других национальностей страны) были и осужденные необоснованно. Но нельзя причислять к жертвам всех без разбору...

Полковник юстиции В. БОБРЕНЕВ,
полковник Ю. ДУРНЕВ.

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •

ПИТЕР ЧЕЙНИ

• РОМАН •

ГОЛУЗЕВОЙ ДРАКОН

В

Вашингтон,
Министерство
юстиции,
господину
директору ФБР

Бурдингем
(Калифорния)
вилла Розалито
1 января
1937 года

Дорогой сэр!

Зрело размышляя, я все же решила Вас написать. Это письмо, вероятно, покажется Вам слишком туманным, но в настоящий момент мне необходимо хранить тайну.

Два-три месяца назад я случайно узнала кое о каких фактах, которые, насколько я понимаю, относятся к компетенции Вашего ведомства. Речь идет о серьезных нарушениях федеральных законов. Не хочу сейчас писать об этом подробнее, потому что, надеюсь, в ближайшее время все это прекратится и мои разоблачения станут ненужными.

Если же этого не произойдет, дней через десять вы получите исчерпывающие сведения. Впрочем, возможно, события заставят меня позвонить Вам между 1 и 9 числом текущего месяца и дать все необходимые разъяснения по телефону.

Однако, ежели Вы не получите от меня никаких известий до 10 числа, думаю, Вам имеет смысл 10-го направить сюда надежного человека, одного из Ваших доверенных агентов. В этом случае я дам Вашему эмиссару полный отчет о происходящем.

С искренним почтением к Вам, господин директор.

Марелла Торенсен.

1

Я ОСТАНАВЛИВАЮСЬ у виллы Розалито и тут же говорю себе, что, если когда-нибудь, паче чаяния, огребу кучу бабок, непременно куплю себе барак вроде этого — у него, как говорится, есть «атмосфера». Вилла стоит чуть в стороне от дороги на небольшом возвышении, в саду полным-полном цветов и всякой зелени, а вокруг — живая изгородь. По ту сторону ворот — огибающая дом тропинка. Я поднимаюсь по ступенькам крыльца, раздумывая, на что похожа эта Марелла Торенсен. Жаль, что у меня нет ее фотокарточки — ничто так много не говорит о девчонке, как ее фото. Но, в конце концов, раз я все равно сейчас увижу ее в натуре, можно обойтись и так.

Занятная история! Стало быть, эта крошка написала моему боссу письмо, которое вы уже читали. Она сама назвала его туманным, а по-моему, так это жутко странная писулька. Ведь замужняя женщина, коли ей что-то не по вкусу, всегда сперва потолкует со своим благоверным...

Но вообще-то от этих лялек никогда толком не знаешь чего ожидать! Вот, например, знал я одну красотку, так она прикончила своего второго мужа, всадив ему

прямо в сердце отвертку. И только потому, что парень, видите ли, не хотел идти слушать воскресную проповедь! Это я вам рассказываю, просто чтобы показать, как они изобретательны.

Размышляя таким образом, взбираюсь на крыльцо и вижу хорошенький звоночек. Нажимаю — и по всему дому разносится мелодичное треньканье. Жду.

Уже четыре часа пополудни. Воздух заметно посвежел, и, похоже, скоро пойдет дождь: На звонок никто не реагирует, и я снова жму на кнопку. Так проходит пять-шесть минут. Придется обойти и глянуть с другого конца. Домик и правда — просто прелесть: ни большой, ни маленький, в самый раз. На задворках — отлично выстриженный газон, а в глубине сада — что-то вроде китайской пагоды.

Одна из больших застекленных дверей террасы приоткрыта. Я подхожу поближе. Надо думать, тот или та, кто отсюда вышел, жутко торопился: шпингалет напрочь сорван... Странный способ открывать двери, особенно стеклянные...

Я просовываю голову и вижу длинную комнату с красивой мебелью и множеством всяких дорогих безделушек, но ни единой живой души. Вхожу и тихонько кашляю — надо ж заявить о своем вторжении! Никакой реакции.

Справа в углу еще одна дверь, а дальше — коридор. Снова кашляю, но, видать, могу сотрясать воздух сколько угодно — до кровохарканья — результат будет тот же. Коридор ведет в холл. Рядом с входной дверью стоит низкий столик, а на нем — медный поднос с почтой.

На полу у самой стены валяется телеграмма. Должно быть, упала с подноса. Я ее поднимаю. Это телеграмма моего шефа Марелле Торенсен с сообщением, что сегодня между четырьмя и пятью часами вечера к ней прибудет агент по особо важным делам Л. Х. Каушн.

Так где же Марелла? Я оборачиваюсь и снова кричу: «Миссис Торенсен!» В ответ — тишина. Опять топаю по коридору и вижу с левой стороны лестницу. Поднимаюсь. Верхняя площадка образует что-то вроде лоджии: с одной стороны балюстрада, с другой — ряд белых дверей. В самом конце коридора одна дверь распахнута, и у порога на полу валяется шелковый шарф.

Я подхожу поближе и заглядываю. Очень женственная и милая комнатка, но, похоже, ее обитательница недурно порезвилась — все, что стояло на туалетном столике, рассыпано на полу, шезлонг перевернут, а посреди комнаты на бледно-голубом ковре, словно змея, лежит скрученное полотенце. Бедняжка миссис Торенсен явно пережила какое-то сильное огорчение!

Обхожу весь дом и, по-прежнему никого не встретив, добираюсь до кухни. Там на столе лежит прислоненная к чайнику записка, адресованная некоей Нелли: «К обеду ничего не готовьте. Я вернусь не раньше девяти».

Так, надо полагать, Нелли тоже вздумалось малость погулять. Я выхожу из дому через ту же застекленную дверь, возвращаюсь к машине и закуриваю. Раз красotka не вернется раньше девяти, думаю я, у меня есть время сползнуть в Сан-Франциско и поболтать с О'Халлораном. Может, он и порасскажет кой-чего.

Я уже собираюсь нажать на стартер, как вдруг на улице появляется шикарная тачка и тормозит точехонько возле виллы Розалито. Из тачки выпархивает лялечка—мечта, а не девчонка, этакое волшебное создание с забавной шляпкой на иссиня-черных волосах. Можно не сомневаться—она приехала навестить миссис Торенсен.

Тихонечко трогаясь с места и, как человек жутко любопытный, проезжая мимо, на всякий случай запоминаю номер машины. А девчонка тем временем развлекается со звонком. Как пить дать, ее ждет большое разочарование!

В половине шестого приезжаю в Сан-Франциско. Оставляю тачку в гараже и топаю в гостиницу «Сэр Фрэнсис Дрейк», я тут уже останавливался и знаю, что к чему. Беру номер, заказываю бутылку виски, принимаю душ и некоторое время просто наслаждаюсь покоем.

Готов спорить, у вас уже сложилось то же впечатление, что и у меня. Во всяком случае, надо признать, эта бабенка—прелегкомысленное существо! Она отправляет какою-то абракадабру большому боссу, требует, чтобы прислали доверенного агента, а когда ее извещают о моем прибытии, не находит ничего лучше, чем смяться, оставив записку кухарке!

Я звоню в полицейское управление и спрашиваю, нет ли, случаем, там поблизости О'Халлорана. Его мигом зовут к телефону.

— Привет,—говорю,—Терри, слушай сюда! Ты, часом, не слишком занят? А то, может, выберешь минутку заглянуть в «Сэра Фрэнсиса Дрейка» и пропустить стаканчик с Лемми Каушном?

— Считаю, что я уже приехал,—отвечает он.

Теренс О'Халлоран, старший инспектор сан-францисской полиции, испытывает ко мне особые симпатии с тех пор, как много лет назад я пристроил его регулировщиком в этом чертовом городишке. Ни один из моих знакомых легавых не в состоянии высосать столько виски, как Терри, и морда у него отвратная, зато иногда кое-что ображает. Так что я заказываю пузырек ирландского виски и принимаюсь знакомиться с ним вплотную.

— Вот что, Терри,—объясняю я,—наша с тобой встреча в какой-то мере неофициальна, потому как пока это дело полиции не касается. Но, может, ты что-нибудь слышал о некоей миссис Марелле Торенсен? Если да, то я очень рассчитываю, что ты просветишь и меня.

Я рассказываю ему о письме, которое эта артистка накатала в бюро расследований, из-за чего я специально приехал повидаться с ней, но...

— Стало быть, мне незачем возвращаться на виллу раньше девяти, вот я и подумал, что тем временем ты мог бы порассказать мне о Марелле и ее супруге.

— Да рассказывать-то почти нечего, Лемми. Я сто лет не выдал эту пичужку. Клевый бабца, но почти не бывает в Сан-Франциско. Что до муженька, это тот еще фрукт, просто редкостный прохвост. Эймар Торенсен всегда точно знает, что делает, ты сам в этом убедишься. Шесть лет назад он был всего-навсего мелким адвокатишкой, не хуже и не лучше тысяч других. Время от времени ему удавалось раздобыть клиента, тем и жил. И вдруг неожиданно его берет в доверенные некто Ли Сэм. Этот Ли Сэм купается в бабках. Шелковые фабрики в Калифорнии и еще четыре завода по ту сторону водички. Сечешь? Но Ли Сэму, как и всякому уважающему себя китаезе, всегда мало. И вот он принимается устраивать лотереи и даже запускает лапу в игорный рзкет Чайнатауна. Тут уж Ли Сэм снюхивается с Джеком Роккой, уроженцем Чикаго. У нас на него во-о-т такое досье! Стоит поглядеть, как работает эта парочка, и можно даже не гадать, что рано или поздно они по-крупному влихнут. Но этот парень, Торенсен, всегда успевает вовремя крикнуть: «Атас!», когда дело уж очень запахнет жареным.

— Насколько я понял, твой Ли Сэм умеет ценить услуги.

— Еще бы! Торенсен как сыр в масле катается. Две тачки, вилла в Бурлингеме и такая квартира в самом шикарном районе Сан-Франциско, что закачаешься. Жуткий пройдоха этот Торенсен, но, знаешь, подобные ловчилы так привыкают облапошивать других, что в конце концов наступают себе же на хвост.

О'Халлоран закуривает.

— Скажи-ка, Лемми, а с чего вдруг эта крошка Торенсен решила обратиться к вам, федералам?

Рисунки В. ЛПАТЫ

— Ты от меня слишком многого хочешь! Но, надеюсь, скоро узнаю. Раз она оставила кухарке записку, что вернется к девяти, я поеду туда без четверти. Ну, а уж потом, так и быть, расскажу тебе, что к чему. Во всяком случае, хочется верить. А пока, может, поужем?

Я звоню и заказываю обед. И вот мы уже сидим за столом и болтаем о старых добрых временах, когда у мужчин были крепкие бицепсы и женщины на это не жаловались.

В половине девятого Терри отваливает. Его ждет работа в управлении, ну, а мне надо погодить до без четверти. Когда я уже собираюсь идти за тачкой и ехать к Марелле Торенсен, звонит телефон. Это, конечно же, О'Халлоран.

— Эй, Лемми! Ну, что ты об этом скажешь? Помнишь, я говорил тебе о Ли Сэме? Так вот, он мне только что звонил. Старик явно не в себе. Представляешь, его дочка поехала на каникулы в Шанхай и вдруг сегодня во второй половине дня звонит. Мол, только что прилетела обратно на самолете. Ну, Ли Сэм, конечно, прибалдел, потому как крошка даже не предупредила о своем возвращении. «Что на тебя нашло?» — спрашивает. А она отвечает, что получила письмо от Мареллы Торенсен. Той срочно нужно повидаться и именно сегодня. Дочка объясняет папаше, что сейчас возьмет тачку и напрямик на виллу Розалито, а с ним встретится дома часов в шесть. Короче, девчонки по сию пору нет, и старик сходит с ума. Тем более, что он несколько раз звонил Марелле и там никто не подходит. Раз уж ты все равно едешь в те края, может, сообщишь мне, что там творится? А я передам китайцу.

— Идет.

Час от часу не легче! Дело закручивается. Значит, та птичка, что звонила у двери Мареллы, наверняка дочь Ли Сэма! Теперь надо выяснить, куда она запропастилась, ведь не потребовалось же ей пять часов, чтобы сообразить, что ее подружки нет дома!

Я сажусь за руль и газую в Бурлингем. Начал опускаться туман, и я думаю только о том, как бы проехать побольше, пока еще хоть что-то видно.

Добравшись до виллы, снова исполняю все возможные музыкальные вариации на кнопке звонка. Никакого толку! Меня это не особенно удивляет. Поэтому снова оглябаю дом и вхожу через застекленную дверь. Уходя, я ее за собой аккуратно закрыл, а сейчас дверь распахнута настежь. Надо думать, тут побывала маленькая китайка.

Зажигаю свет и оглядываюсь... Никого. Однако записка из кухни исчезла. Означает ли это, что Нелли, королева конфорок, вернулась? Но, в таком случае, где же она?

Иду в холл, звоню О'Халлорану и спрашиваю, нет ли у него каких-нибудь новостей. Да, кое-что есть. Он успел сгонять к Ли Сэму и выяснить, что девчонка вернулась домой ровно в девять. Говорит, навещала друзей. «Ты сказал Ли Сэму, что крошки Торенсен не было дома?» — интере-

суюсь я. «Ни о чем я с ним не разговаривал, — ворчит Терри, — к тому же маленькая Ли Сэм сама должна была это заметить, разве нет?»

Я радую Терри известием, что возвращаюсь в «Сэра Фрэнсиса Дрейка», но, учитывая туман, вряд ли попаду туда раньше одиннадцати. Так что пусть нальет себе стакашок виски и ждет. Он очень любит виски и потому говорит «о'кей».

Снова сажусь в машину, но теперь туман сгустился и, кроме того, сыплет дождь. Короче, в такую погоду и собаку не выгонишь на улицу, так что добираюсь до гостиницы только в четверть двенадцатого.

О'Халлоран терпеливо сидит у меня в комнате. Он уже прикончил бутылку, и мне не остается ничего другого, как заказать новую. И мы продолжаем в том же духе.

— Слушай, — говорю, — Терри, мне осточертело топтаться на месте. А потому я сейчас поеду к Ли Сэму. Мне надо потолковать с его дочкой. Она наверняка должна знать, где Марелла Торенсен.

О'Халлоран на мгновение отрывается от рюмки.

— А почему бы тебе не звякнуть ее мужу? У него квартира здесь, в городе. Может, Марелла там?

— Не уверен. Если бы наша красотка хотела с ним откровенничать, она бы давно это сделала. Так что пока не стоит трогать Эймара Торенсена. Лучше уж задам пару вопросов юной дочери Неба. Кстати, ты можешь оказать мне еще одну услугу? Сиди здесь и лакай виски, пока я не позвоню. Может, у меня найдется для тебя работенка.

— Ладно, Лемми. Когда мне есть где прикорнуть и под рукой стаканчик виски, я на судьбу не жалею.

Выходя, я вижу, как он тянет лапу к бутылке.

Я прыгаю в трамвай и очень скоро оказываюсь возле Вейл Даун Хауса, жилища Ли Сэма. Передо мной огромный, жутко шикарный домина, окруженный глухой стеной с коваными воротами. Этот китаеза явно не из слаборазвитых.

Я звоню в дверь, и мне открывает раскосый тип, наряженный под дворецкого. Объясняю, что я федеральный агент и хочу сказать пару слов мисс Ли Сэм. Он ведет меня в гостиную, набитую всякими шикарными китайскими штучками, и предлагает «почтенному гостю» чувствовать себя как дома.

Минут через пять в гостиную вливается совершенно сногшибательный экземпляр, и я сразу понимаю, что это не кто иной, как Ли Сэм. Весь из себя благовоспитанный, любезный до предела, с длинными белыми усами и даже с косичкой — украшением, довольно редким по нашим временам. На старике — китайский костюм, и мне кажется, будто он сошел прямо с бумажного зонтика с пагодами и плакучими ивами. Лицо Ли Сэма выражает невозмутимый покой, а

его английский безукоризнен, если не считать буквы «р».

— Вы хотели видеть мисс Ли Сэм? — спрашивает он. — Может быть, я могу заменить ее? Глубоко сожалею, что наплатно потлевожил почтенного служащего полиции. Моя дочь жива и здолова. Она просто плюкатилась на машине к длузьям. — И старик с улыбкой поясняет: — Молодежь всегда забывает пледупледить.

— Отлично, — говорю, — Ли Сэм, очень рад, что ваша дочка в полном порядке. Но мне все-таки хотелось бы ее повидать. По другому делу.

Старик, видно, несколько удивлен, но вопросов не задает, а чинно выплывает из гостиной. Я закуриваю. Вдруг дверь открывается, и входит девушка. Силы небесные! Ну, все при ней — высокая, стройная, изящная, но не худышка — далеко нет. Как говорится, все, что должно быть круглым, на месте. Волосы — темные, как ночь, а глаза — бирюзово-голубые. Надо знать, что это дочка старого Ли Сэма, а то сразу примешь ее за мисс Америку. На девушке длинная китайская туника и шаровары. Все это из черного шелка в заткано золотыми драконами. Вокруг шен — тысяч на тридцать брильянтов, и еще с десятком — на руках. У мисс Ли Сэм очень белая кожа. Она неопределенно улыбается, словно не может решить, нравлюсь я ей или нет.

Ну, если все китайки такие, можно не удивляться, что толпы ребят питают слабость к философии Мао!

Девушка подходит к моему креслу, останавливается и смотрит на меня сверху вниз.

— Добрый вечер. Вы хотели меня видеть?

Я встаю.

— У меня к вам несколько вопросов, мисс Ли Сэм. Моя фамилия Каушн, я — агент федеральной полиции. Думаю, вам неизвестно, где Марелла Торенсен?

Дочь Неба смотрит на меня с явным удивлением.

— Только что была дома! Я приехала к ней на виллу Розалито без четверти пять, там никого не было. Я чуть-чуть подождала, и Марелла вернулась. Это было около пяти.

— А что вы делали потом?

— Поболтали немного.

На губах мисс Ли Сэм по-прежнему бродит улыбка, очень-очень в стиле девушки девятисотых годов.

— И долго? — спрашиваю.

— О, несколько часов! Я уехала отсюда без двадцати восемь...

— А миссис Торенсен осталась дома?

— Ну конечно.

— Тогда как же вы объясните, что вашему отцу не удалось дозвониться?

— Снова вежливая улыбка.

— Очень просто, мистер Каушн. Марелла отключила телефон, чтобы нам никто не мешал. Потом мы поднялись наверх, и она, очевидно, забыла подключить аппарат.

Я быстро соображаю: приехав на виллу во второй раз, я звонил О'Халлорану, и телефон прекрасно работал.

— Возможно, — говорю. — А почему вы бросились к этой даме, едва сошли с самолета?

— Это она меня вызвала. Первого числа я получила письмо, в котором Марелла просила меня вернуться не позже десятого. У нее были затруднения, и требовалась моя помощь. Ну, а раз я ее друг, то не могла не откликнуться.

— Ах, если бы я был вашим другом, прекрасная леди! Мне бы очень понравилось, если бы вы по первому моему зову промчались десять тысяч километров!.. Кстати, у вас сохранилось это письмо?

— Нет, я его порвала. У меня не было никаких причин хранить эту бумажку.

— Скажите, мисс Ли Сэм, а как вас зовут?

— Береника. Но мой отец дал мне также китайское имя, которое означает «чудесная и бездонная река». Вам это нравится?

— О, прекрасная леди, — отвечаю, — отец замечательно вас назвал. Вы, без всякого сомнения, чудесная, но я к тому же сильно подозреваю, что вы так же бездонны, как Стикс, который течет в аду. Мисс Ли Сэм опять улыбается, но тут приходит старик.

— Вас просят к телефону, — говорит он, — аппарат в холле.

Я покидаю Чудесную Реку, беру трубку и слышу голос О'Халлорана:

— Слушай, мистер Мускул, я тут от нечего делать позвякивал туда-сюда и выяснил для тебя кое-что новенькое. Полчаса назад водная полиция выловила у самого берега труп. Он сейчас в морге. Бабенка, между прочим. Сам я не ходил взглянуть — уж очень не хочется расставаться с виски, но вот ее приметы: рост — примерно метр шестьдесят пять, вес — около шестидесяти кило, волосы белокурые, коротко остриженные. Это тебе что-нибудь говорит?

— Ладно, Терри, не двигайся с места, жди меня! Я сейчас заскочу в морг. До скорого!

Возвращаюсь в гостиную. Старый мандарин исчез, но девушка все еще там.

— Послушайте, прекрасная леди, у меня к вам еще один вопрос. Как была одета миссис Торенсен?

— Синий костюм, шелковая кремовая блузка, серые нейлоновые чулки и лакированные туфли-лодочки.

— А как насчет драгоценностей?

— Были. На левой руке кольцо с рубином и брильянтами, обручальное кольцо с брильянтами, а на мизинце — еще один большой рубин. Марелла никогда не снимает эти кольца.

— Огромное спасибо. Надеюсь скоро увидеть вас, Чудесная и Бездонная Река! И не вздумайте впадать в море, как только я отвернусь!

Я откланиваюсь, прыгаю в первое попавшееся такси и прошу отвезти меня в

морг. Это в конце узкой улочки прямо за зданием Дворца правосудия.

Дождь разошелся до безобразия. Наконец впереди мерцает синяя лампочка у входа в морг. У двери толчется какая-то лялька. Без плаща, без зонтика и даже с непокрытой головой. Кажется, будто она потерялась и жутко довольна этим обстоятельством.

— Эй, сестренка, ты что, не замечаешь дождя? Твой милый не пришел на свидание?

Лялька глядит на меня вроде как с презрением, но, похоже, в глазах мелькает испуг.

— Проваливайте, молодой человек! Я имею полное право любить дождь. У меня от него волосы вытеся!

Я толкаю дверь и тащусь через весь вестибюль. В дежурке — никого, но на столе вижу звонок. Нажимаю на кнопку и жду.

Сторож долго не отзывался. Наконец приходит. Парень без пиджака, но в фуражке, правда, та едва держится на голове — размера на два мала.

— Что вам угодно? — вежливо спрашивает сторож.

Я показываю ему значок.

— Недавно водная полиция привезла сюда женщину. Мне бы хотелось на нее взглянуть.

— О'кей... сюда...

Мы идем по длинному коридору, потом спускаемся по лестнице. Здесь довольно прохладно. Сторож отпирает металлическую дверь, включает свет и удивленно вскрикивает, указывая куда-то пальцем.

— Ну и ну! Вот незадача! Почти сразу после того, как мне притащили эту красотку, вырубился холодильник. Ну, я, конечно, позвонил, чтобы сюда доставили побольше льда — пансионеров-то моих нужно держать в холодке, а их, между прочим, восемь штук! Одиу глыбу поставили как раз над этой бабешкой. А теперь, гляньте, какое безобразие вышло!

Я гляжу. Все стены уставлены ящичками, как в гигантской картотеке. Один из них, в самой глубине зала, выдвинут, и внутри лежит тело женщины. Но метровой высоты блок льда, видимо, соскользнув с этажерки, шлепнулся прямо на голову покойницы. Должен признаться, картинка получилась не очень приятная!

Я все-таки подхожу поближе. На мертвой синий костюм и шелковая блузка, которая, до того как упала ледяная глыба, была, вероятно, кремовой. Смотрю на левую руку... На среднем пальце кольцо с рубином и брильянтами, на безымянном — обручальное колечко с брильянтами, на мизинце — крупный рубин...

— Спасибо, — говорю, — приятель, это все, что я хотел узнать!

Вернувшись в «Сэра Франсиса Дрейка», обнаруживаю у себя в комнате Терри. Он раскладывает пасьянс, продолжая уничтожать мое виски. Я тоже наливаю себе стаканчик.

— Что стряслось, Лемми? Ты был в морге?

— Угу. Но не в этом дело. Только что меня осенила довольно странная мысль... Слушай, Терри, объясни-ка мне, каким образом может вырубиться холодильник в морге?

— Это вообще невозможно! Разве что весь город останется без электричества.

— Отлично. В таком случае нам с тобой стоит немножко прошвырнуться.

— Что?

— Когда я приехал в морг, у двери без всякой видимой причины топталась какая-то лялька. Совершенно одна, под дождем. В морге ко мне вышел сторож в слишком маленькой для его репы фуражке. Этот тип объяснил мне, будто холодильник потух и ему для поддержания температуры пришлось заказывать лед. Потом парень показал мне глыбу льда, которая соскользнула сверху и раздавила голову... Марелле Торенсен! Так вот, бьешь об заклад, этот сторож — липовый, потому-то фуражка и не держалась у него на башке!

Я надеваю шляпу.

— Будь спок, мы найдем настоящего сторожа в одном из ящичков. А та лялька у двери просто стояла на стреме. Когда я туда приехал, ее дружки заканчивали мизансцену. Они удрали через черный ход, а один отозвался на звонок и разыграл небольшое представление, чтобы сбить меня с толку.

Терри со вздохом сожаления вылезает из кресла, мы спускаемся вниз и садимся в такси.

В морге ни души. Идем к холодильной камере. Я закуриваю, включаю свет, и мы с Терри принимаемся выдвигать один ящик за другим. Как я и думал, настоящий сторож здесь. Лежит в ящике № 5. Глаза у него широко раскрыты, а на лице застыло крайнее удивление. И есть с чего — парень схлопотал три пули в буфет!

2

ТЕРРИ О'Халлоран дошибает пузрырь виски.

— Вот она, жизнь! — говорит он. — Конечно, рано или поздно крошка Марелла должна была отправиться на тот свет, но ей все же следовало помереть от какого-нибудь воспаления легких или еще какой-нибудь вполне нормальной болячки, а никак не от лап подонка, осложняя таким образом жизнь всем вокруг! Но что мне не дает покоя, Лемми, так это — с чего тем умникам вздумалось превращать ей физиономию в компот! Это же совершенно не имело смысла! Да и чертовски опасно, между прочим. Морг примыкает к суду и полицейскому управлению. По ночам там всегда дежурят, а дежурный сплошь и рядом заходит к сторожу поболтать... Ничего не могу усечь, какого черта...

— Зато я понял, в чем тут дело, — бросаю я, но не успеваю развить мысль, потому как появляется Бренди.

Бренди — начальник участка. Вполне приличный тип — из тех, кто не станет стрелять по ногам, ежели ему не подставить подножку. Впрочем, сейчас у него отнюдь не радостный вид — кому охота среди ночи вылезать из-под одеяла!

— Что ж, ребята, труп опознан. Я отвез Торенсену в морг, и он едва не попытался. Отродясь не видел, чтоб физиономия была такого замечательного зеленого цвета. Убитая — действительно Марелла Торенсен. А теперь, если кто-нибудь из вас поподробнее опишет всю эту заварушку насчет соскользнувшей льдины, я готов внимательно выслушать.

Бренди берет бутылку и наливает себе хорошую порцию.

— И еще, — продолжает он, — хотел бы я знать, как мы будем расследовать это дело. Сперва оно вроде бы касалось Федерального бюро, поскольку Марелла Торенсен утверждала, будто знает о каких-то махинациях, затрагивающих интересы государства. Тут я согласен. Но с тех пор положение изменилось — в моем секторе пристрелили двух налогоплательщиков, а это уже дело наше... Ну, так как же мы это уладим, Лемми?

— Слушайте, ребята, тут нечего ломать голову, — заявляю я. — И, между прочим, Бренди, откуда такая уверенность, что обоих застрелили? Точно можно говорить только об одном — о стороже Глюке. Его ухлопали из револьвера, это без вопросов. А вот насчет Мареллы еще ничего не доказано. Более того, глыбу льда спихнули, как раз чтобы уничтожить доказательство. Я вижу, мое предположение вызвало некоторое оживление.

— Вот как мне представляется вся картинка, — продолжаю я, — По словам эскулапа, Марелла умерла до того, как ее бросили в воду. Отлично. Тем не менее причина смерти пока остается неясной. Посему я, как говорится, изложу вам свои соображения... По-моему, дело было так: некто неизвестный стреляет Марелле в голову, потом, чтобы избавиться от тела, тащит ее на набережную и швыряет в воду. Кстати, Бренди, не скажешь ли ты мне, каким образом полиция так быстро обнаружила труп?

— Анонимный звонок. Какой-то парень сообщил, что у берега плавает жмурик, и повесил трубку. Ребята пошли взглянуть и выловили Мареллу.

— Странный тип. Повесил трубку, даже не сказав, кто он такой. Признайся, тут что-то не так! А знаешь, что я думаю? Парень позвонил нарочно — его вполне устраивало, чтобы мы побыстрее разыскали Мареллу. А для чего он этого хотел, догадываетесь? Да для того, чтобы весть о ее смерти распространилась по городу. Понятно?

— Вроде бы, — ворчит О'Халлоран, — А что дальше?

— Только то, что Марелла написала мо-

ему боссу, будто готова расколоться, и просила прислать федерального агента десятого числа. Идем дальше. Тот, кто прикончил Мареллу, обеспечил себе таким образом ее молчание. И что же теперь должен делать федеральный агент? По логике вещей, он заключает, что смерть Мареллы и сторожа Глюка касается местной полиции, и отваливает к себе, в Вашингтон.

— Логично, — соглашается Бренди.

— Еще бы! Так вот, как раз поэтому я ничего подобного не сделаю! Эти ублюдки так спешили сообщить нам о смерти Мареллы только для того, чтобы я уехал и не стал копать глубже. Видно, здорово бояться, что я каким-то другим путем докопаюсь до секретов Мареллы. Стало быть, я остаюсь.

— Согласен, — кивает Бренди, — но это никак не объясняет фокус с глыбой льда. Я ласково улыбаюсь.

— Все очень просто, приятель. Итак, крошку выловили и отвезли в морг. Тут-то нашего шутника и осеняет: пуля-то осталась в голове Мареллы, а ему вовсе не светит, чтобы ее нашел медэксперт. Ну, как вы думаете, почему?

Оба моих приятеля выпрямляются. Наконец-то мне удалось их по-настоящему заинтересовать.

— А потому, — говорит Бренди, — что благодаря пуле несложно разыскать пистолет и, значит, стрелка. Другими словами, Мареллу скосил субъект, на совести которого есть по меньшей мере еще одно убийство, а его пушка зарегистрирована в нашей картотеке! Пуля, вылетевшая из такого револьвера, неминуемо укажет виновного.

— Bravo! — хвалю я. — Вот он и выдумывает хитрый номер, набивает глыбами льда грузовик, рассказывает какую-то историю Глюку, чтобы заставить его спуститься вниз, там, в морозилке, охлаждает навеки и его (в данной ситуации это вполне естественно). После этого парень открывает дверь своим сообщникам, те швыряют льдину Марелле на голову и добывают из мешка пулю. Тут являюсь я и, как идиот, звоню сторожу. Один из молодчиков, надо думать, самый наглый, напяливает фуражку Глюка, снимает пиджак и топает ломать передо мной комедию...

Они смотрят на меня во все глаза.

— Честное слово, Лемми, ты, должно быть, прав! — говорит О'Халлоран. — Я несколько не удивлюсь, если окажется, что ты попал в самую точку.

— В таком случае, у нас есть ниточка, а значит, и шанс поймать нашего артиста. Можно это сделать?

— Проще простого! — радуется Бренди. — Надо выписать в картотеке фамилии субчиков, чьи пушки в последние два года исследовались в лаборатории. Наш приятель наверняка окажется в списке.

— Прекрасно! Ты возьмешь это на себя, Бренди? Теперь еще одно: кто из офицеров сегодня дежурит? Толковый малый?

Бренди, покатываясь со смеху, указывает на О'Халлорана.

— Сегодня дежурит Терри! А вот насчет его сообразилки — это ты слишком много от меня хочешь!

— Ладно, — говорю, — попытаем счастья. Слушай, Терри, сейчас без четверти два. Я беру тачку и еду к Торенсену. Надо думать, он никак не ждет гостей раньше завтрашнего дня. Думаю, часов до трех я там проболтаюсь. А ты без четверти три позвонишь Ли Сэму и скажешь, что посылаешь за ним и за его дочкой машину. Как только их привезут — тяни резину часиков до четырех, а потом отпусти на все четыре стороны. К тому времени я наверняка управлюсь.

— А что ты затеял?

— Хочу пошарить в комнате дочки Ли Сэма, авось что-нибудь найду.

— Ну да?

— Сам подумай! Береника Ли Сэм прилетела сегодня на самолете и мчится напрямик к Марелле Торенсен. Но она понятия не имеет, что до нее там побывал я и что в доме никого нет. Береника утверждает, будто ее подружка вернулась домой через десять минут. А Ли Сэм никак не мог дозвониться на виллу, потому что Марелла якобы отключила телефон. Однако, когда я вернулся туда, телефон работал. Вот я и думаю, что Марелла вовсе не появлялась дома! Кто-то знал о моем приезде и хотел помешать ей наболтать лишнего. Не знаю, была ли Береника в курсе, но если нет, то какого черта плела мне про разговор с Мареллой и отключенный телефон? А если да, то зачем ей понадобилось туда идти? Впрочем... подождите-ка... Кажется, я нашел объяснение! Предположим, у Мареллы были какие-то компрометирующие бумаги, тогда причина визита Береники совершенно ясна. К тому же у меня полное впечатление, что комнату Мареллы здорово перекопали. Запор на двери сорван, у порога валялся шелковый шарф, а всякая мелочь с туалетного столика рассыпана по полу. И это еще не все! Когда я пришел на виллу в первый раз, на кухне лежала записка, адресованная некоей Нелли, — хозяйка предупреждала, что не собирается обедать дома... Так вот, к моему второму приезду эта записка исчезла. Марелла не стала бы писать ее лишь для того, чтобы через час убрать, так ведь? Значит, записка — липовая, и предназначалась она для того, чьего визита ожидали! И кто же это? Береника Ли Сэм! Так что попытайся разыскать эту Нелли, Терри, да порасспроси сержанта, который дежурит в Бурлингеме сегодня ночью. Может, он ее знает. Прислугу миссис Торенсен не могли не заметить все жители квартала! Так что попроси сержанта отправить кого-нибудь к этой девчонке... Вдруг хозяйка ей говорила, какие у нее планы, когда рассчитывает вернуться, ну и тэ дэ.

— Ладно, — соглашается Терри. — А ты когда вернешься?

— Пожалуй, этак в половине пятого. Только не трать время и энергию на звон-

ки, потому как я сразу нырну в постель. Но сперва все же хочу малость потолковать с Торенсеном — когда вытаскиваешь человека из-под одеяла, он вряд ли способен ловко сочинять.

Бренди зевает.

— О'кей, парни! Я возвращаюсь домой. Почитаю какой-нибудь детектив... для разнообразия.

* * *

Я сталкиваюсь с Торенсеном возле самого его дома. На улице стоит большой лимузин с откидным верхом, набитый всяким барахлом. Парень явно собирается смяться, а я внутренне хихикаю — вовремя я его застукал!

— Это вы — Торенсен? — спрашиваю я и тут же представляюсь сам. Тот, похоже, не особо рад встрече, но все же кивает.

Торенсен слишком жирен. Плечи у него не шире, чем у змеи, а огромное дряблое брюхо — как у амфибии. И бледен, по моему, как-то болезненно.

— Собираетесь путешествовать? Но, надо полагать, все же вернетесь на похороны своей супруги? Между прочим, нам надо побеседовать, Торенсен. У меня к вам один-два вопроса...

— Я очень спешу, — с сокрушенным видом говорит Торенсен. — Несчастный случай с моей женой, конечно, большая трагедия, но я не могу из-за этого откладывать дела. Я перевожу основную контору в Лос-Анджелес, причем планировалось это уже давно. Впрочем, я все же готов оказать вам услугу. Я и сам хотел бы знать, как погибла моя несчастная жена. Но время не терпит, поэтому буду вам крайне признателен, если вы поторопитесь, мистер Каушн.

— Значит, вы полагаете, будто с вашей женой произошел несчастный случай? — бросаю я, топая за ним по коридору.

Торенсен останавливается и поворачивается ко мне.

— А что же, по-вашему, это может быть еще? — почти кричит он. — Марелла, очевидно, упала в воду. Хотя, по правде говоря, ума не приложу, что она делала в этой части порта.

Мы входим. Квартира — шик. Я иду взглядом фотографию Мареллы, но так и не нахожу. Да, раз муж не особо жаждет постоянно иметь перед глазами изображение своей дражайшей половины, значит, он не шибко ее любит...

Торенсен предлагает мне сесть и указывает на столик, уставленный разными бутылками. Я отрицательно качаю головой, а он наливает себе изрядную порцию. Руки заметно дрожат — парень, должно быть, здорово трусит!

— Послушайте, Торенсен, — говорю, — вы — адвокат, и советники вам не требуются, но все же от души рекомендую выложить все, что знаете.

Я рассказываю о письме его жены в Федеральное бюро и о своей напрасной поездке в Бурлингем. Торенсен немедленно принимается кричать, что ни о чем таком не имел ни малейшего понятия. Какое письмо? Он в первый раз об этом слышит! Меж тем Марелла была вполне разумной женщиной... Уж не рехнулась ли она вдруг?

— Слушайте, Кауши, я сейчас все вам объясню, а уж вы сами делаете какие угодно выводы. Марелла знала, что я уезжаю сегодня вечером и намерен окончательно обосноваться в Лос-Анджелесе. Наш брак оказался не из самых удачных. Ради приличия я бы проводил выходные в Бурлингеме, поскольку Марелла из каких-то своих соображений не хотела развода. Вот и все. Когда я сообщил, что собираюсь переехать в Лос-Анджелес, это не произвело на нее особого впечатления. Марелла заявила, что это почти ничего не меняет, да и видеться мы будем как обычно. Что до сегодняшних событий и письма в ФБР, то я совершенно не в курсе! По правде говоря, я просто потрясен!

— Понимаю. Что ж, на нет и суда нет, не так ли?

Пожалуй, Торенсена пока можно отпустить. В конце концов, к нему всегда можно приставить хвост.

— Ладно, — говорю, — можете отправляться. Но по дороге оставьте-ка свой новый адрес в полиции. Коли понадобится, вас вызовут.

Я делаю вид, что ухожу, но на пороге резко оборачиваюсь.

— Значит, вы вот так, за здорово живешь бросаете Ли Сэма? Вам не кажется, что это довольно неосторожно?

Он криво улыбается:

— У меня много клиентов, мистер Кауши. А мой здешний филиал вполне может продолжать вести дела господина Ли Сэма.

— Ну, тем лучше. Привет, Торенсен!

— Спокойной ночи.

И я ухожу, оставив Торенсена у камина с бокалом в руке. Вид у него встревоженный. Парень явно не умеет врать.

* * *

Придется проникнуть к Ли Сэму тайком — его уже нет, и, если я позвоню, никто все равно не откроет. За домом со стороны гаража есть еще одни ворота, и я легко перебираюсь в сад. Окна — невысоко. Я нажимаю на раму и через несколько секунд уже стою в гостиной, где мы сегодня разговаривали с Береникой. Еще без пяти три, так что времени у меня навалом.

Я поднимаюсь во второй этаж, тихонько приоткрываю две-три двери, но все это не то. Наконец в глубине коридора натыкаюсь на комнату, где, по всей видимости, обитает моя красотка.

При свете луны на кровати поблескивает черный с золотом костюм, в котором она меня встречала. Я задергиваю шторы, включаю свет и оглядываюсь по сторонам. Вот роскошь так роскошь! Белая лакированная

мебель, ковры, корочка, все, что полагается. С одной стороны видна занавешенная ниша, наверное, там что-то вроде будуара. Я собираюсь отодвинуть занавеску, но вдруг вижу на кресле сумочку и перчатки. В сумочке лежит портсигар — этакая совсем простенькая безделушка из нефрита, икрустированного брильянтами. Кроме того, пистолетик 22-го калибра с перламутровой рукояткой, бумажник, флакончик духов и мелкие монетки.

Я кладу сумочку на место и случайно роняю перчатку. Подняв ее, тут же получаю вознаграждение — внутри спрятан листок бумаги. Вот это удача! Письмо Мареллы Торенсен мужу! Читаю:

«Я просто счастлива, что ты уезжаешь из Сан-Франциско. Только что узнала о твоей связи с Береникой Ли Сэм. Правду говорят, жена всегда узнает последней о своей «беде». Теперь понятно, каким образом тебе удалось заполучить в клиенты Ли Сэма! Но учти, я вовсе не намерена терпеть твои шалости и собираюсь всерьез поговорить с крошкой Ли Сэм. А не пожелает угомониться, как-нибудь сумею заставить ее сбросить газ.

Я готова терпеть небрежение мужа только при условии, что об этом не судачит весь город. На сей раз ты перешел все границы... И не вздумай рассчитывать на развод!

Марелла».

Письмо достаточно красноречиво. Выходит, Марелла Торенсен обнаружила, что ее муженек развлекается с Береникой Ли Сэм, и пригласила ее на виллу сделать внушение. Однако прекрасная дочь Неба не позволила так с собой обращаться.

Я вытаскиваю из сумочки маленький пистолет. Он заряжен. Нюхаю ствол — порохом не пахнет. Впрочем, это ничего не значит, у Береники было достаточно времени, чтобы починить свою игрушку.

Аккуратно убираю пистолет, кладу на место сумочку, запикиваю письмо обратно в перчатку и оглядываю комнату, желая убедиться, что не оставил никаких следов. Потом гашу свет и удаляюсь тем же путем, каким пришел сюда.

Я спускаюсь с холма. Туман начал рассеиваться, дождь перестал. Внизу мерцают огни Сан-Франциско, и город кажется праздничным, как на туристическом проспекте.

Чувствую, что в голове дикая мешанина. Черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понимаю в этой неразберихе! Мое дело — выяснить, что хотела сообщить Марелла. Ведь не могла же она написать в ФБР для того, чтобы поведать о шашнях Эймара с Береникой!

Добравшись до перекрестка, вижу, что ко мне на бешеной скорости приближается «Шевроле». Из дверцы высовывается голова, потом раздается автоматная очередь. С меня слетает шляпа. Падаю плашмя и слышу, как вокруг шелкают об асфальт свинцовые шарики.

Я, как в агонии, выпускаю жуткий хрип и замираю. Машина поднимается на холм все еще с приличной скоростью, но вскоре замедляет ход. У подножья холма, как безумный, свистит полисмен. Я поворачиваюсь, вытаскиваю из кобуры люгер и разряжаю в «Шевроле». Очевидно, попал-таки в шину — на повороте тачка нелепо подпрыгивает.

Поднимаюсь и сломя голову мчусь к вершине холма, стараясь держаться в тени. Добравшись до поворота, вижу, что в 20—30 метрах за ним «Шевроле» потихоньку тормозит. Снова стреляю! — заднее стекло с адским звоном разлетается вдребезги. Машина замирает. Трое ребят выпрыгивают в темноту и улепетывают во все лопатки. Один из этих психов все же останавливается и снова поливает улицу свинцом. Но это пальба наугад и наудачу, потому как меня ему не видно. Я слышу, как они стучат копытами, но все трое успели ударить слишком далеко, и мне в них не попасть. ЧТо ж, попутного ветра!

Я снова сую люгер в кобуру, закуриваю и иду взглянуть, что делается внутри тачки.

На заднем сиденье скорчилась какая-то телка. Я открываю дверцу и автоматически зажигаю свет. Ну, ни фиги себе!

Да ведь это же та самая лялька, которая болталась под дождем у морга! Та самая, что стояла на стреме, пока ее дружки крушили голову Марелле!

Ну что за прелесть эта жизни!

3

— СЛУШАЙ ты, крысиная морда, можешь заткнуть пасть и не утомляться! Ежели я молчу, так потому, что мне нечего сказать. И даже знай я кой-чего, не какому-то грязному легашу меня психоанализировать! Ну?

Я смотрю на сидящую напротив девушку. Мы зашли в портовый снейк-бар, и она, кажется, чувствует себя вполне вольготно.

— Ты разбиваешь мне сердце, красавица. В смысле упрямства ты просто международная чемпионка!

Я откусываю здоровенный кусок гамбургера и расслабляюсь. Странная все-таки лялька! Могла бы быть хорошенькой, как цветочек, но зачем-то вытравила волосы до полного окисления, так, что они стали сухими, жесткими и ломкими. Можно подумать, папаша у нее был стеклодувом. Большие голубые глаза кажутся наивными, как у младенца, и наверняка обманули не одну доверчивую душу. Ну, а я готов спорить на что угодно — эти глазки уже ничем не удивишь!

— Послушай, сокровище, — продолжаю, — разве я не проявил чудеса терпения? Я запросто мог бы отправить тебя за решетку, как сообщницу, но ничего такого не сделал... Я даю тебе возможность выкрутиться, и ты же еще недовольна! Ну-ка, се-стренка, пошевели мозгами, черт возьми!

— Вот что, дедок, у тебя против меня ничего нет! Да, я сидела в той тачке... и что стою? Когда ты меня нашел, я была без сознания, ничего не видела и ничего не слышала... Я не знаю, кто эти парни и почему они хотели тебя кокнуть. Даже опознать их не сумела бы. Просто попросила меня подвести, они согласились, вот и все дела...

И, как хорошо воспитанная девочка, она отхлебывает маленький глоточек кофе, потом мило улыбается мне и, совершенно меняя тон, бросает:

— Ладно, хотите меня забрать — валийте! Не в первый и не в последний раз. К тому же в конце концов из каталажки всегда выходишь.

— Отлично, моя прелесть, как хочешь. Не стану я тащить тебя в участок. Допи-вай свой кофе, а потом мы с тобой на пару прогуляемся в морг.

Лицо у ляльки напряженно застывает.

— В морг? Это еще зачем?

— Как зачем, моя ослепительная? Да просто потому, что ночь в морге — совершенно незабываемое ощущение! Причем мороженных ты даже не увидишь — все они спокойно отдыхают в своих ящиках. На виду только одна мишашка. Это Марелла. Правда, должен тебя предупредить, она очень неважно выглядит — твои приятели здорово расколошматили ей портрет. Ну, идем же, моя несгибаемая! — я поднимаюсь на ноги. — Запру тебя в холодильнике, а сам пойду в дежурку, выкурю сигаретку, полью еще кофе и послушаю, как ты вопишь. Навопишься вдоволь — спущусь. Тогда мы, может, и сумеем договориться. Договор самый простой: либо ты говоришь, либо остаешься там. Будешь валять дурака, просидишь с Мареллой всю ночь. А с завтрашнего дня тебе уже не придется красить волосы — сами побелеют.

Лялька смотрит на меня остекленевшими глазами и просит закурить. Я протягиваю пачку. Она довольно долго молча курит, потом тяжело вздыхает.

— Кто бы мог подумать, что мне придется разговаривать с легавым! Но, видать, выбора нет...

Она опускает голову.

— Лады, согласна, уж так и быть, открою шлюзы! Только, чур, у того, кто впутал меня в это дело, он должно быть неприятностей! Это мой парень. Джо Мицлер. Вообще-то он в полном порядке, но, конечно, не ангел. Понятно? Так вот, приходят к нему сегодня вечером два мужика и говорят, что надо сказать пару ласковых одному ублюдку, который давит им на психику. Надо думать, этот ублюдок вы и есть. Ну, короче, просят моего парня разрешить мне поехать с ними, потому как я одна видела того, с кем предстоит крупный разговор. Один сует Джо пятьдесят долларов, ну, он соглашается. Только Джо, ясное дело, не знал, что они собираются вас пришить. Ну, мы, значит, садимся в такси и едем в гараж. Там забираемся в «Шевроле», и тут я вдруг вижу, что у всех у них пушки. Но никто же не спра-

шивал моего мнения! Если бы я пикнула, может, они и меня бы отправили на тот свет. Мы пристроились в тупичке возле «Сэра Фрэнсиса Дрейка» и проследили за вами до хазы Ли Сэма. Ребята решили, что вы вернетесь той же дорогой, и не ошиблись. Мы ждали внизу, а один парень торчал возле дома. Как только вы вышли, он помчался к «Шерроле». Потом они рванули с места и начали палить... и все решили, что вы готовы... Больше я ничего не знаю! Это правда.

— Отлично, мой ангел, я готов тебе поверить. В конце концов, почему бы и нет? Но скажи мне еще одну вещь: где он живет, твой красавец?

— У нас комната на Калифорния-стрит. Джо, наверно, там.

Лялька называет мне адрес.

— Спасибо, моя чаровница. Очень возможно, я его навещу.

— Минутку! Если вы туда пойдете, как пить дать, начнете мотать парню потроха, пока не расколется. А выложит он все — что будет со мной? Те ребята, которые хотели вас прикончить, шлепнут меня, не моргнув глазом! Да они в три секунды сделают из меня бифштек!

Она с тревогой смотрит на меня.

— Это научит тебя выбирать знакомства, моя несравненная! Но вообще-то у меня есть одна мыслишка. Пойдем, нам пора..

Я плачу, и мы выкатываемся из бара. Через пару минут на горизонте появляется такси. Я смотрю на часы: четверть пятого.

— Слушай, моя божественная, — говорю, — я, конечно, схожу к твоему приятелю Джо Мидлеру. И ты права, скорее всего эти дикари сделают из тебя решето, как только сообразят, что это ты их заложила. А потому вот как мы поступим. — Я лезу в карман и отделяю от пачки пять пяти-долларовых бумажек. — На, держи, бесподобная! Здесь двадцать пять долларов. А сверх того — добрый совет. Дуй на ближайшую станцию междугородных автобусов и бери билет куда угодно, лишь бы это было подальше от Сан-Франциско. Здесь для тебя ужасно нездоровый климат! Ну, а бабки помогут тебе убраться отсюда.

— Эй, да вы просто душка! Не многие легавые поступили бы так! Честное слово, вы мне нравитесь!

— Спасибо, прелестная! Может, я и не очень похож на Санта-Клауса, но в душе... Привет, и счастливого пути, чудеснейшая!

Я прыгаю в тачку и громко говорю шоферу: «Калифорния-стрит!» Но едва мы поворачиваем за угол, я его торможу, велю подождать, пока пройдет сия молодая особа, а потом тихонько следовать за ней. Знаю я этих лялек! И точно: я вижу, как моя белокурая подружка бодро топает по дороге, но вовсе не в сторону автобусной станции. Минуты через три появляется такси, она его останавливает и — вперед!

— Следуйте тихоньку за этой машиной, — говорю я своему шоферу, — только не упустите!

Так мы катим минут пять. Ни единой автобусной станции в пределах видимости.

Но вот милая крошка вылезает из такси в конце узкой портовой улочки. Сдается мне, мы немало покатались вокруг да около, прежде чем добрались до этого места.

Я прошу шофера подождать, а сам топлю следом за лялочкой. Она останавливается возле обшарпанного домишки, сильно смахивающего на китайский притон. Моя очаровашка входит. Я — за ней. Внутри темно, но я все же ухитряюсь разглядеть лестницу. Поднимаюсь. Впереди — узкий темный коридор. Из-под двери в самом конце видна узкая полоска света. Я бесшумно подкрадываюсь и слушаю. Красотка разговаривает с каким-то типом. Распахиваю дверь ногой и вижу довольно злобешую каморку с походной койкой в углу.

На койке валяется здоровенный детина, из тех, что могут запросто проломить башкой бронированную дверь. Лялька стоит посреди комнаты спиной ко мне. Уперев руки в боки, она с бешеной скоростью что-то стрекочет, но, услышав шум, оборачивается.

— Вот дерьмо! — приветствует меня милая крошка.

— Кроме шуток? Ты вправду думала, что я отправлюсь по тому фуфленому адресу? Здорово ты, наверно, смеялась, когда я отсчитывал двадцать пять долларов на автобус? Честное слово, видать, ты приняла меня за полного кретина!

Я поворачиваюсь к заспанному громиле.

— А вот и Джо Мидлер, житель Калифорния-стрит!

— Чего? — рычит он. — Кто вы такой и какого черта вам тут надо?

— Спокойно, Аполлон! Погоди минутку, сейчас я тобой займусь.

Я протягиваю руку ляльке.

— Мои двадцать пять долларов, чаровница! — говорю. — Правда, можешь вычесть то, что потратила на такси.

Лялька морщится, но все же отдает двадцать долларов.

— А теперь, моя возвышенная, тебе придется свалить отсюда и бежать много, быстро и долго, потому как завтра с утра я сообщу твои приметы полиции и объявлю розыск по всему Сан-Франциско. Прощай, моя наивная!

Лялька кидает на меня недобрый взгляд и исчезает. Я закуриваю.

— Ну, Джо?

Громиле приподнимается и усаживается, опираясь локтями о колени. Похоже, среди его предков явно были шимпанзе и бульдог: морда у Джо плоская и сморщенная; на шее два ножевых шрама и след от пули на груди. Надо полагать, хороший мальчик.

— Что «ну»? — ворчит он. — Совсем совесть потеряли. Врываешься к людям, как в Пентагон. Кто вы такой?

— Крошка тебя не просветила? Моя фамилия Кауши, я — федеральный агент, веду следствие. Могу подытожить то, что уже всем известно: какие-то субъекты прикончили Мареллу Торенсен, потом расколотили ей репку льдиной, вероятно, чтобы достать застрявшую там пулю. Когда я приезжаю в морг взглянуть на нее, у входа

встречаю блондиночку — она явно стоит на стреме. Чуть позже несколько шутников пытаются отправить меня к праотцам. И белокурая прелестница сидит с ними в машине — видимо, чтобы показать меня своим друзьям. Ну, так что ты об этом думаешь, Джо?

Громила смотрит на меня и хохочет. Ох, прошу прощения, только что я бессовестно оболгал шимпанзе и бульдогов. Нет, еще ни разу в жизни не видал я существа с такой харей. Он ржет, широко открывая пасть и обнажая два ряда черных и желтых пеньков.

— Ни хрена я не знаю, — фыркает это чудовище, поднимаясь, — а даже если бы знал — что с того? В тот день, когда я начну выворачиваться перед легавыми, не иначе как начнется светопреставление.

— Слушай-ка, Джо, — вкрадчиво замечаю, — тебе придется говорить, потому что я хочу знать.

— Угу, она мне говорила, что у тебя котелок здорово варит! Надо ж было придумать: запереть девку в холодильнике со жмуриками! Только со мной этот номер не пройдет — плевать я хотел на всякие загробные дела!

Я приближаюсь к нему.

— Вот как, Джо? А что ты скажешь на это?

Я разворачиваюсь всем корпусом и резко бью его локтем в челюсть. Чудо-юдо отлетает на койку, но тут же выпрямляется, свирепо глядя на меня. Да, видать, мне сейчас весело придется, потому как парень, судя по всему, даже не поперхнулся от удара. Он переводит дыхание и, нагнув голову, летит на меня как бык. Если бы ему удалось боднуть меня с разгону — в ключья разнес бы весь буфет, но я сразу усек, что меня ожидает и, едва он приблизился, выкидываю вперед коленку. Она попадает точнехонько в челюсть, и на сей раз мой дружок Джо валится с копыт.

Я беру его очаровательную головку и стучу ею по полу. Грохот получается адский, но клиент здоров, как носорог. Он выгибается, пытаюсь снова подняться. Приходится шарахнуть его об пол еще разок и для вящей убедительности долбануть по черпаку рукояткой пистолета. Тут уж красавец готов.

Я волоку его на койку. В углу каморки есть умывальник и кувшин, и я щедро поливаю физиономию поверженного врага. Он шевелится, открывает глаза, но не сказал бы, что они сияют нежностью к моей драгоценной персоне. Джо поднимает голову, но она тут же снова падает. Надо полагать, небольшая мигрень...

— Ну, чего вам надо? — бормочет парень. — Ни фигя я не знаю. Получил пятьдесят хрустяшек, вот и все. А за такие бабки никто бы не отказался подсобить.

Джо тянется к кувшину, будто хочет пить. Я протягиваю ему воду, и — подумать только, какая неблагодарность! — он тут же пытается меня оглушить! Мера за меру! Я резко выбрасываю кулак, и парень мигом сглатывает пару выбитых пеньков. Разговор продолжается.

— Осторожно, Джо, лучше не пробуй! — советую я с самым добродушным видом. — Ладно, с меня хватит! Последние зубы погубили! Ну, как я теперь стану жевать, спрашивается?

Тем не менее Джо раскалывается и признается, что вчера вечером ему позвонил приятель. Этот парень работает в одном из дансингов Чайнатауна. Он сказал Джо, что нанял его белокурую подружку для одного корешка, некоего Спиглы. Позже она снова понадобится этому Спигле: тот посылает несколько ребят утихомирить какого-то клиента (меня, то есть!) и рассчитывает, что блондинка сможет опознать его и показать ребятам. За услугу приятель обещает Джо 50 долларов.

— Вот и все, — говорит он в заключение. — Но знал бы я, какая меня ждет взбучка, запросил бы семьдесят пять.

— Прекрасно. Спасибо, Джо. А кстати, где можно разыскать этого Спиглу?

Джо объясняет, что тот обретается в ночном кабаре «Ту Мунс Клуб» в Чайнатауне. Вообще-то он мужик серьезный и не питает ко мне никакой личной вражды, просто это такая сверхщедрая натура, что никак не может отказать приятелю, и за две-три сотни долларов всегда готов ока-

зать услугу. Скорее всего Спиглу просто кто-то попросил нагнать на меня страху.

Я закуриваю и, по доброте душевной, протягиваю сигарету Джо.

— Ясно, — говорю, — а ты, видать, не дурак. Но окажешься еще умнее, если срочно кинешься искать свою блондинку. Надо думать, она тебя поджидает где-нибудь неподалеку... Советую вам обоим убираться из этого благословенного городка со сверхзвуковой скоростью. И хочешь знать, почему? Да просто потому, что, застряв тут, вы с красоткой огребете кучу шишек. Те добрые молодцы, что сегодня в меня палили, не станут ни лимонничать, ни миндальничать. Как только они проведут, что вы с блондинкой потекли, начнется лихая охота. Наверняка эти мальчишки сразу сочтут вас самыми подходящими мишенями и начнут поливать свинцовым дождем.

Джо, ухмыляясь, встает.

— Очень возможно, сэр. К тому же я вообще сторонник чистого воздуха. В конечном счете, не так уж мне нравится этот городишко.

— Браво, Джо! Будь здоров!

Вернувшись в «Сэра Фрэнсиса Дрейка», топая пряником в свою комнату. О'Халлорана не выдать, но на тумбочке лежит от него записка.

«Дорогой Лемми, твоя идея насчет горничной и кухарки Нелли оказалась очень плодотворной. Я отправил к ней мотоциклиста, тот вытащил Нелли из койки, и та сразу же рассказала кучу всяких интересных вещей. К твоему сведению: записка насчет возвращения в девять часов, которую, как мы думали, написала Марелла, — чистая липа! На самом деле миссис Торенсен уволила Нелли вчера утром, сказав, что впредь будет готовить сама и вполне удовлетворится приходящей прислугой на два-три раза в неделю. Мой последний отъезд Нелли на виллу Розалито, чтобы она глянула, нет ли там чего необычного. Похоже, все тряпки Мареллы на месте, даже шляпы и перчатки. А уж Нелли прекрасно знает гардероб своей хозяйки! По-моему, все это выглядит довольно тревожно. Создается впечатление, что Марелла не собиралась никуда уходить и ждала тебя. Уж не похитили ее, случаем?»

Так что шевели мозгами, интеллектуал Терри!»

4

В ЧЕТЫРЕ часа пополудни я еще сплю, как сурок, но является посыльный, встряхивает меня и вручает депешу из Вашингтона.

Я приподнимаюсь в постели с телеграммой в руке. Наверняка босс отзывает меня обратно. Раз Мареллу шлепнули — федеральная полиция утратила всякий интерес к этой истории. Я ощущаю некоторое уныние, но к счастью, недолго.

Потому как, открыв телеграмму, сразу же убеждаюсь, что ошибся.

«Получили сообщение прокурора Сан-Франциско Марелла Торенсен убита вчера вечером (тчк) Начальник полиции убежден причина убийства помешать разоблачениям (тчк) Предлагает поручить расследование Вам назначает помощниками начальника участка Бренди инспектора О'Халлорана (тчк) Необходимые средства вашем распоряжении федеральном бюро Керни-стрит».

Вот повезло! Но я сильно подозреваю, что О'Халлоран с Бренди малость подтолкнули колесо Фортуны — оба уверены, что у меня под крылом смогут мирно потягивать виски и не шибко напрягаться.

Я встаю, принимаю душ, бреюсь и заказываю на завтрак кофе и хорошую порцию бурбона. Потом одеваюсь, раздумываю над делом Мареллы Торенсен — все мои мысли так и вертятся вокруг голокружительной мисс Ли Сэм.

Вдруг дверь распахивается, и на пороге возникает жутко довольный собой О'Халлоран.

— Привет, Лемми! Ты уже получил добрую весть, дружище? Мы с Бренди теперь у тебя под началом — решение шефа. Нашел мою записку насчет Нелли!

Я киваю и прошу рассказать о ночной беседе с Ли Сэмом и его дочуркой. Ни о гориллах в «Шевроле», ни о покушении, ни о блондинке, ни о чем другом не говорю ни слова. Я вообще считаю, что не стоит слишком много выбалтывать легавым, потому как болтливость — жутко вредный для здоровья порок.

Терри плюхается в кресло, набивает трубку и закуривает. От его табака по всей комнате распространяется приятный аромат гниющего лука.

— Ну, сначала, для разминки, я забросал их кучей всяких вопросов про Мареллу Торенсен, — говорит Терри. — Ли Сэм, тот и бровью не ведеет. Сидит себе, скрестив руки, и молчит. Прямо будда! Но сдается мне, что этот благочестивый вид скрывает самое дьявольское коварство. Короче, покончив с расспросами о Марелле, я спрашиваю Беренику, не хотела она что-нибудь сообщить об этом деле. Она говорит, что нет, но, мол, сегодня вечером беседовала по душам с панашей, и тот просил ее изложить нам некоторые сведения по вопросу, который хоть и не касается моего расследования, но мог бы заинтересовать полицию. Тут девчонка поворачивается к своему предку, и они принимаются лопотать по-китайски. Очень приятно на слух, между прочим. Ну, словно кто-то лет сметану на бархатный ковер! А потом мясе Ли Сэм выдает мне целую историю уже на хорошем английском. Ее папа, Ли Сэм, хочет довести до сведения администрации порта Сан-Франциско, что в течение последних двух лет занимался контрабандой. Меня это несколько не удивляет — импортеры шелка сплошь и рядом обходят таможеню. Но, разумеется, я делаю

вид, будто меня это страшно занимает, и даже кое-что записываю. Девчушка объясняет мне, как действовал ее папаша: подпольный товар сгружается с корабля в лодки и развозится по мелким портам на побережье. Потом подходит грузовик и везет все это на склады Ли Сэма. Я спрашиваю, кто занимается грузовой транспортировкой, и она говорит, что это некий Джек Рокка. Так-так-так! Уж этого-то красавца я прекрасно знаю! Но, конечно, не показываю виду... Такие дела. А теперь глянь-ка сюда: вероятно, тебя это заинтересует!

Терри протягивает мне листок машинописи. Это выписка из полицейского досье Джека Рокки. И, поверьте мне, тут далеко не пустячки! Чем только не занимался этот бывший чикагский гангстер! Контрабанда, рэкет, похищения... и всегда — по-крупному. А кроме того, редкостный ловкач — ни разу его не накрыли.

Я возвращаю бумагу Терри.

— Можешь ты мне объяснить, что это значит? — спрашивает он. — Зачем крошке Ли Сэм потребовалось выбалтывать, что ее папа жульничает с таможней? Тебе не кажется, что все это смахивает на бред.

— Пожалуй, нет. С одной стороны, она надеется немного отвлечь нас от Мареллы, а с другой — не прочь подставить Рокку. Что ты еще знаешь об этом типе?

— Как ни странно, довольно приятный малый. Весельчак и балагур. Людям нравится на него работать. У него куча недвижимости в Сан-Франциско, два-три ночных кабака, несколько закрытых домов и еще кое-какие бабки вложены в подпольные лотереи. Тут он работает на пару с Ли Сэмом. Лотереи запрещены, но всем на это плевать! Китаезы — игроки по натуре. Если не будет лотереи, они придумают что-нибудь еще. Рокка развлекается еще и рэкетом китайских торговцев, но, когда те встают на дыбы, появляется Торенсен и улаживает все полюбовно.

— Кстати, с Торенсеном. Ты не выдал его вчера вечером?

— А как же! Он заезжал в управление. С довольно бледным видом, между прочим. Сказал, что ты к нему заходил, что он дал тебе все необходимые разъяснения насчет своего переезда в Лос-Анджелес и что ты не возражаешь, но просил оставить адрес. Торенсен так и сделал, а потом смылся. Ты правда его отпустил?

— Точно. А теперь слушай внимательно... Надо думать, у этого Рокки есть два-три помощника. Должен же он был поставить кого-то управлять и перевозками, и кабаке. Так вот, попробуй разыскать мне этих ребят. Я бы очень хотел связаться с ними поближе к вечеру.

О'Халлоран уверяет, что с удовольствием сделает это для меня. Еще он говорит, что Бренди составляет список всех

владельцев пушек, из которых за последний год кого-либо пристрелили. На сем он желает мне счастливо оставаться и выкатывается.

Я заканчиваю одевание, и тут у меня появляется неплохая мысль. Снимаю трубку и прошу соединить меня с резиденцией Ли Сэма. Минут через пять на том конце провода журчит голос слуги-китайца. Я говорю, что это, мол, мистер Каушн — хотел бы немного потолковать с мисс Ли Сэм. Еще через минутку трубку берет Береника. Я представляю себе, как она стоит в своей роскошной комнате у телефона из слоновой кости с немного растерянным очаровательным личиком.

— Добрый вечер, — говорю, — у вас все в порядке? Надеюсь, вас не очень замучили разными вопросами в участке?

Я слышу очень мелодичный тихий смех. — Спасибо, мистер Каушн, у меня все прекрасно. Я сразу поняла, что этот вызов в полицию — просто военная хитрость. Таким образом, у вас было достаточно времени, чтобы обыскать мою комнату, не так ли?

И в трубке опять слышится тихий смех — словно жемчужинки перекатываются! Честное слово, классная девчонка!

— Не может быть, Береника! Как вы догадались?

— Знаете, китайцы вообще очень тихий народ, а моя горничная — особенно. Вы, наверное, заметили комнату, примыкающую к моей спальне? Когда вы пришли, горничная была там, и ваше появление, конечно же, не могло не возбудить ее любопытства. Она рассказала мне, что вы с большим интересом прочли письмо миссис Торенсен мужу.

— Кто бы мог подумать! Ну что ж, так и есть. Между прочим, нам с вами стоило бы побеседовать об этом письме. Надеюсь, вы понимаете, что куча народу, включая окружного прокурора и, в случае чего, присяжных, могут усмотреть в этом письме отличный мотив убийства Мареллы Торенсен. Она здорово усложняла вам существование и могла бы устроить прорву неприятностей, не правда ли?

— Вы так думаете, мистер Каушн? Очень интересное предположение...

— Кроме шуток?

Эта крошка начинает действовать мне на нервы. И даже очень сильно.

— И это не все, — продолжаю травить я, — есть еще ваши вчерашние признания. Зачем вам понадобилось рассказывать О'Халлорану, что ваш папа занимается контрабандой шелка, а?

— Я подозреваю, мистер Каушн, что под вашим, довольно обманчивым, очарованием кроется необычайно острый и проницательный ум. Так что мне бы безумно хотелось узнать, как вы восприняли мои откровения. Честное слово, эта юная дочь Неба, кажется, принимает меня за полного идиота!

— Ну что ж, сейчас я вам расскажу все, как на духу, о предел коварства! Контрабанда — нарушение федеральных законов. Так? И вы прекрасно понимали, что ваши

разоблачения папашинной побочной деятельности неизбежно наведут меня на ключевой вопрос: кто занимается транспортировкой грузов? Согласны? Тут-то вы и называете имя — Джек Рокка! При определенных условиях вам бы, возможно, удалось убедить меня, будто обещанные Мареллой сведения касались этой самой контрабанды, а стало быть, у Рокки были самые веские причины устранить бедную девочку. Таким образом, я бы и думать забыл о найденном в вашей перчатке письме... И не спорьте, я вам не поверю! А кроме того, хочу сказать еще кое-что!

— Продолжайте же, мистер Каушн, — она снова одаряет меня нежным грудным смехом, — ваши теории необычайно увлекательны!

— Отлично, Береника, то, что я скажу дальше, вероятно, увлечет вас еще больше, ибо я намерен поведать вам о своих приключениях. Известно ли вам, что вчера ночью, когда я вышел из вашего дома, на меня налетели трое горилл в «Шевроле» и пытались ухлопать из автоматов? Вы, конечно, тут ни при чем, если только горничная, та, что пряталась в алькове, не сочла нужным позвонить кому следует и попросить, чтобы меня вывели из строя. И если это так, она, надо полагать, звонила кому-то из приятелей мистера Рокки. Представляю себе, какая физиономия будет у этого господина, когда я ему сообщу, что вы пытаетесь все свалить на него! А? Как вы думаете?

Береника не отвечает. На другом конце провода надолго водаряется тишина. Кажется, на сей раз я попал в самую точку.

— Порамыслите над этим, Береника, — продолжаю я самым резким тоном, — но только побыстрее! Как бы с вами не случилось того же, что с Мареллой. Допустим, вы сговорились с Роккой, а теперь пытаетесь вести двойную игру... Бойсь, он это так не оставит! Такой мальчик вполне способен, не задумываясь, превратить вашу очаровательную грудку в сито! Так что даю вам добрый совет, Береника: расколитесь, пока не поздно! И тогда я постараюсь держаться поблизости, оберегая ваше драгоценное здоровье.

Она по-прежнему не отвечает. Я улыбаюсь, думая, что красотка наконец у меня в руках, но тут она самым светским тоном выдает:

— Вы просто восхитительны, мистер Каушн! Мне бы очень хотелось, чтобы как-нибудь на днях вы рассказали о своей богатой приключениями жизни. Но сейчас нам придется расстаться — меня ждет парикмахер. Позвоните мне как-нибудь, буду страшно рада вас слышать.

И она вешает трубку. Какая наглость!

Я как-то читал об одном парне, который помер из-за того, что, дойдя до белого каления, не сумел быстро подобрать достаточно крепких слов, чтобы выразить обуревавшие его чувства. Так вот, крошка Береника настолько вывела меня из равновесия, что со мной едва не приключилось то же самое.

Я закуриваю и погружаюсь в размышления. Сдается мне, Беренику не особо взволновало известие о попытке тех оборотов отправить меня в лучший мир. Значит, она не слишком беспокоится за свою жизнь. Вывод напрашивается: юная дочь Неба в прекрасных отношениях с убийцей Мареллы.

Не исключено, что так же обстоит дело с Джо Мицлером и его блондинкой. В таком случае, вместо того, чтобы распрощаться с Сан-Франциско, они продолжают болтаться в окрестностях. Я звоню Брендю и прошу отловить мне обоих голубков, если они все еще тут.

Ну, а теперь можно немножко расслабиться!

Заглотив обед, звоню О'Халлорану на случай, если он уже выяснил что-то новенькое насчет Мицлера и его блондинки. Нет, пока ничего, но я могу не метать икру — как только он изловит эту образцовую парочку, сразу даст знать.

Я спускаюсь в приемную гостиницы и расспрашиваю о «Ту Мунс Клабе». По словам администратора, это кабаре для туристов в Чайнатауне, а управляющий — мелкий прохвост по фамилии Спигла.

В полночь такси подвозит меня к кабаре. Обстановка там шикарная — все красное с золотом. Я оставляю плащ красотке из раздевалки и вхожу в довольно просторный зал с танцплощадкой и барами в противоположных концах. Бары и столики расположены на возвышении по сравнению с площадкой. Зал битком набит публикой. Танцующие, прижавшись друг к другу, топчутся на месте.

Я сажусь за столик, заказываю виски и жду, а сам потихоньку оглядываю окрестности. За столиком в глубине зала в одиночестве потягивает джин-фиц маленькая крошечная одетая китайка. Похоже, она нарочно растягивает коктейль, поглядывая по сторонам. Сильно подозреваю, что эта куколка наблюдает за мной.

В глубине зала ступеньки. Надо думать, это и есть дорога к кабинетам дирекции. Я вижу, как по ним спускается какой-то тип, и внутренний голос говорит мне, что это и есть Руди Спигла. Он не очень высок, строен, мускулист и одет как записной сердцеед.

Метрдотель подпирает стену, будто или она, или он сам вот-вот рухнут. Я делаю ему знак. Парень подгребает, и я прошу передать Спигле (если это он!), что хотел бы с ним поболтать. Метрдотель неторопливо бредет выполнять поручение. Спигла без особого удивления смотрит на меня и подходит.

— Вы меня спрашивали? — Он одаряет меня широкоформатной улыбкой.

— Да. Садитесь, у меня к вам разговор. Спигла садится, вытаскивает из кармана портсигар и предлагает мне взять сигарету. Портсигар — из массивного золота с выгравированными на крышке инициалами.

— Моя фамилия Каушн, — говорю, — я федеральный агент. Может, вы обо мне слыхали?

Спигла с самым невинным видом смеется.

— Меня не особенно интересуют федералы, — бросает он. — Скажу даже, мне эта публика совершенно безразлична.

— Не советую этим хвастаться, старик, если хотите сохранить нос на месте.

— Слова, слова...—замечает он, небрежно глядя на меня сквозь колючку дыма.—И к чему это нас приведет?

— Вас, сокровище, может привести в больничку! Так что не зарывайтесь. А теперь поговорим серьезно. Насколько я понял, это вы послали вчера вечером трех горилл в «Шевроле» с приказом отправить меня к праотцам. Что вы можете на это ответить? На вашем месте я бы сперва хорошенько пораскинул мозгами, потому что при первой же попытке увилывать я отправлю вас в камеру приобщаться к йогу.

Спигла чуть заметно пожимает плечами. — Послушайте, Каушн, я даже не знаю, о чем вы. Несколько минут назад я вообще не подозревал о вашем существовании. Так с чего вы взяли, будто я хотел вас прикончить? Попытайтесь понять, это совсем не по моей части. Моя работа — управлять этим кабаре для Джека Рокки. В мои функции вовсе не входит отстрел федералов, тем более что это очень вредно для здоровья. Вот и все, что я могу вам сказать.

— Так-так! Значит, вы решили изображать невинность? А Джо Мицлера вы тоже не знаете? И его блондинку, конечно, отродясь не видали?

Он воздевает очи горе.

— О, конечно, я знаю их. Но что это доказывает? Они вам что-нибудь напели обо мне?

— Значит, вы с ними все-таки знакомы?

— Еще бы! Я нанял Джо Мицлера вышибалой — угихомривать беспокойных клиентов. Потом он начал просить у меня место для своей подружки... да так жалобно... ей-богу, я чуть не пустил слезу! Ну, и взял ее гардеробщицей. И вот через пару недель замечаю: эта парочка тащит все, что попадется под руку. Естественно, я тут же вышвырнул обоих вон. Теперь вы поймете, что все их рассказы обо мне — способ отплатить за увольнение. Эти голубки вовсе не питают ко мне нежных чувств.

— Вот негодяи-то! Кстати, Спигла, вам не говорили, что вчера вечером в порту выловили труп некоей Мареллы Торенсен? Или это для вас тоже новость?

— Нет, я в курсе. Но я не был знаком с этой особой. Знаю только, что это жена адвоката Торенсена, юридического советника моего босса.

— Джека Рокки?

— Ну да. Послушайте, у меня куча дел. Я согласен отвечать на разумные вопросы, но не болтать попусту.

Я знаю, что пока не следует трогать этого субъекта, но меня просто раздражает бесшумное желание съездить ему кулаком по физию.

— Отлично, Спигла, — говорю. — А где он сейчас, ваш драгоценный хозяин Рокка?

— Где-то в этих краях, но кто может знать точно?

Наглец зевает мне в лицо. Я смотрю на него в упор.

— Даю вам пять минут, чтобы выяснить, где он! А если через пять минут вы не скажете мне, где я могу найти Рокку, поедете со мной. Несколько дней в кутузке здорово отбеливают шкуру, так что вам это не повредит. А при удачном раскладе всегда найдется повод подержать вас подольше.

Спигла не отвечает, но быстро встает. Я вижу, как он поднимается по лестнице. Через пять минут шестерка сообщает, что мистер Спигла мне кланяется и что мистер Рокка придет в клуб к часу и будет счастлив принять мистера Каушна.

Ну, я выжидаю нужное время. Потом за мной является тот же холуй, и я топаю за ним через танцплощадку, где плесуны самозабвенно тискают друг друга, стараясь не особо привлекать к себе внимание. На какие только подвиги люди способны!

Мы поднимаемся по лестнице и идем по коридору. Здесь мягкий толстый ковер, и вообще роскошно.

В глубине коридора лифт. Я вхожу, и шестерка захлопывает дверь. Не успеваю я и пальцем шевельнуть, как кабина взмывает вверх.

Через несколько секунд лифт останавливается, дверь распахивается сама собой, и я оказываюсь нос к носу со своим приятелем Руди Спиглой. Он мерзко улыбается, и я даю себе обещание в ближайшие дни стереть с его физиономии эту отвратительную гримасу.

— Сюда, пожалуйста, мистер Каушн, — до невозможности вежливо приглашает Спигла.

Он ведет меня по очередному красному с золотом коридору. В глубине, с левой стороны, дверь. Руди стучит, распахивает створки и отходит, пропуская меня вперед. Дверь за мной захлопывается, и я делаю вывод, что Спигла смотал удочки и мне предстоит свидание тет-а-тет.

Напротив двери огромный стол, в жизни не видал такого большого! А за ним с любезной улыбкой на физиономии и здоровой, как ножка стула, сигарой в зубах сидит грома.

— Рад видеть вас, мистер Каушн!—приветствует он меня.—Садитесь. Хотите сигару?

Я беру стул.

— Бесконечно благодарен, Рокка, но, если позволите, ограничусь сигаретами.

Он по-прежнему улыбается. Ну прямо кот, поймавший наконец певчую канарейку!

— Я был бы весьма счастлив оказать вам услугу, — заявляет Рокка, — ибо и в самом деле считаю своим долгом помогать федеральным агентам, когда они устраивают облаву в моем секторе.

— Держи карман! — вкрадчиво говорю я. — Послушайте, Рокка, я хочу узнать у вас два-три пустяка и советую отвечать честно.

— Ну, разумеется!

— Хорошо. Что вам известно о Беренике Ли Сэм?

Он слегка разводит руками.

— А что вы хотите, чтоб я о ней знал, кроме того, что это дочка Ли Сэма? Я отвечаю за транспортное обслуживание старика. А ее я видел всего два-три раза. Очень клевая куколка, вот и все, что я могу вам сказать.

— Ладно. Тогда, может, вам будет небезынтересно узнать, что вчера вечером эта Береника выложила моим коллегам из полицейского управления, что ее папаша занимается контрабандой шелка, и, как бы между прочим, заметила, будто это вы обеспечиваете перевозку товара. Что вы на это ответите?

Рокка все так же спокойно улыбается.

— А что я могу ответить? Только то, что это чушь собачья! Видать, барышня страдает легким неврозом... Сами подумайте, на кой мне эта шелковая контрабанда?

— В самом деле! Эта Береника явно не в себе. Но вот еще что, Рокка. Что вы знаете о Марелле Торенсен, которую вчера шлепнули? Кто, по-вашему, мог ее прикончить? Вы хоть в курсе того, что с ней произошло?

— Да, как и все. А что еще я должен знать?

Рокка нависает над столом и смотрит на меня уже без улыбки.

— Это не укладывается в голове! — восклицает он. — Совершенно необъяснимое убийство! Она и в глаза не видала ни одного гангстера, ни разу не вмешивалась ни в какие подозрительные дела. Почему ее убрали? Загадка!

— Можете попытаться угадать. Она была женой Эймара Торенсена, а именно он выравнивает дорожку для Ли Сэма и для вас каждый раз, когда полиция начинает слишком пристально приглядываться к вашему делишкам.

На физиономии Рокки снова появляется улыбка.

— Ошибаетесь, Каушн. Мы с Ли Сэмом ни разу не имели ни малейших неприятностей с властями. И если вы воображаете, будто жену убили потому, что ее муж наш поверенный, то, уверяю вас, попадете пальцем в небо. Эта особа никаким боком нас не касалась!

— Во всяком случае, теперь ей это уже не грозит. Готов спорить, что вы ничего не знаете также и о тройке лихих молодцов в «Шевроле», которые пытались пришить меня вчера вечером?

Рокка смотрит на меня невинными глазами. Ну, чистое золото!

— Уверяю вас, мистер Каушн, я впервые слышу об этом инциденте.

Некоторое время мы смотрим друг на друга, и я понимаю, что зря трачу время. Я поднимаюсь.

— О'кей, Рокка. У меня такое впечатление, что мы работаем синхронно. Так что еще встретимся.

Я выхожу из кабинета, спускаюсь на лифте и снова продираюсь через танцплощадку. В другом конце зала, на балконе. Спигла охмуряет какую-то телку. Я топаю к гардеробу за плащом, потому как мне больше нечего делать в этом заведении. И вдруг замечаю давешнюю маленькую китаянку. Она мне подмигивает и кидает выразительный взгляд на свободный стул рядом, словно приглашает подсесть.

Я подхожу и говорю ей:

— Ну, красавица, в чем дело? Если ты ищешь подходящую жертву, то ошиблась адресом. Так что?

Она косится в сторону Спиглы.

— Ведите себя как ни в чем не бывало, выпейте со мной бокал, — шепчет она. — Мне надо с вами поговорить.

Я подзываю шестерку и заказываю два виски. Когда их приносят, оборачиваюсь и вижу, что Спигла не тронулся с места. Он меня засек, но плевать. Пробую виски. Какая гадость!

— Ну, детка, что вам не дает покоя?

— Мистел Каушн, — отвечает она с очаровательным акцентом, — я думаю, для вашего здоленья лучше не возвращаться сегодня в свою гостиницу.

— Ну-ну, — ворчу я. — Это еще что такое? Мистер Рокка поручил тебе нагнать на меня жути? Это война нервов или что? Понщи-ка более разумный способ, куколка!

Я встаю, забираю свой плащ и отчаливаю. «Ту Муис» расположен в глубине широкого тупика. Фонарь — в самом конце. Я делаю несколько шагов и чувствую, что у меня кружится голова, а огни на той стороне улицы закружились в дьявольском танце. Я бы дал сейчас миллион долларов, чтобы вывернуться наизнанку. Но, увы!

Все понятно. Там, у Спиглы, один из этих маленьких прохвостов отравил мое виски. Но который? Китайка или халдей? Во всяком случае, их отрава действует на меня самым гнусным образом: буфет горит огнем, колени подгибаются, и кажется, что тротуар вот-вот бросится навстречу моей физиономии.

Я прислоняюсь к стене и пытаюсь побороть слабость, оглядываясь по сторонам. На другой стороне улочки в дверной нише прячется какой-то тип. Ох, сдается мне, он выжидает, пока я рухну.

Ползу как в тумане с одной мыслью — добраться до фонаря. Тогда я буду спасен. Стараюсь изо всех сил. Но каждый раз, поднимая ногу, чувствую, что она весит минимум тонну. Я все же добираюсь до фонаря, хватаюсь за него, но тут колени сдают... и я сползаю.

Я еще успеваю заметить, как тот тип выбирается из ниши и идет ко мне, держа правую руку в кармане.

И тут я погружаюсь в небытие!

5

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ пробовали виски в одиннадцать часов утра? Если да, то мне нечего описывать вам свое возвращение к жизни.

Тем не менее — веки у меня как каменные, глаза режет, и общее ощущение такое, будто поел несвежих ласточкиных гнезд. Каждый раз, как только я пытаюсь шевельнуться, чувствую, будто меня скальпируют тупой пилой.

Понятия не имею, где я, но ноздри щекочет очень приятный аромат. Право слово, знакомый запах!.. Ну да, вспомнил! Я уже ощущал его в спальне Береники Ли Сэм, когда обыскивал ее сумочку. Вывод напрашивается: подарочек подбросила в мое виски эта чертова кукла. Ладно, пусть... Ну, и что дальше?

Проткрыв глаза на долю секунды, убеждаюсь, что мое рассуждение математически точно: я и в самом деле лежу на диване в комнате Береники. Вижу я и шелковистую занавеску, за которой пряталась тогда горничная. Освещение — самое интимное, горит только маленькая настольная лампа. Этого, однако, довольно, чтобы заметить в кресле у стены высокого китайца, который караулил меня в нише, а потом подошел, держа правую руку в кармане.

А между ним и мной, в другом кресле, с сигаретой в нефритовом мундштуке, одетая в затканную серебряными змеями розовую тунику сидит Береника Ли Сэм собственной персоной! Она улыбается мне с небрежной ленюю. Так смотрит кошечка на какого-нибудь дрозда, пробудившего в ней аппетит.

Я разглядываю ее сквозь ресницы. Хотел бы я сказать ей пару ласковых, но от той чертовой микстуры язык у меня распух и рот будто набит спагетти.

— Ну что ж, Береника, — бормочу я наконец, — по-моему, на сей раз вы зашли слишком далеко. Какое разочарование! А я-то считал вас очень ловкой особой! Во всяком случае, достаточно ловкой, чтобы понимать, как мало толку от того, что вы подсунули мне дур-коктейль и велели притащить сюда. На что вы надеетесь? А может, это похищение? В таком случае, не рассчитывайте, что дядя Сэм выложит за меня выкуп. Или же причины более... личного характера? Тогда знайте, я вовсе не намерен защищать свою невиновность... Можете начинать! Но предупреждаю, как только я выйду отсюда, вы у меня попляшете! По сравнению с тем, что вас ждет, доска с гвоздями покажется шелковой подушкой!

Береника улыбается мне и машет рукой. В комнату впархивает китайская горничная и протягивает мне дымящуюся чашку. Я нюхаю. Пахнет чаем, очень хорошим чаем. Я прикидываю, что отравить меня больше уже почти невозможно и что в моем нынешнем состоянии между жизнью и смертью не такая уж большая разница, а потому

пью. Это и в самом деле чай, очень хороший чай.

Береника что-то говорит по-китайски, парень встает и уходит. Но горничная снова появляется в комнате. На сей раз она несет шелковую ленту, смоченную ледяной водой, и обматывает мне голову. А я лежу и спрашиваю себя, не впал ли, часом, до срока в полный маразм, потому как это приключение совершенно бессмысленно. Полный бред.

Глотаю еще немножко чаю в надежде хоть немного освежить голову и искоса поглядываю на Беренику.

— Мистер Каушн... Лемми, — неожиданно говорит она, — что вы думаете обо мне?

Я делаю глубокий вдох. На сей раз я твердо намерен выложить этой крошке все, что у меня накопилось!

— Слушайте, о Чудесная и Бездонная Река, и вы узнаете, что я о вас думаю! Во-первых, вам взбрело в голову, будто я вытянул из Рокки очень важные сведения, вот вы и решили подсунуть мне снотворное, притащить сюда и заключить договор. Я считаю, что птичек вашего пошиба надо душить в колыбели, потому что при такой красоте у вас слишком много возможностей отравлять людям существование! И я настолько восхищен вашими методами, что, когда выйду отсюда, немедленно прикажу арестовать вас как сообщницу в убийстве Мареллы Торенсен. На самом деле я убежден, что вы прикончили эту даму, или же у меня не все дома! Но одно могу сказать вам точно, Береника: я устрою вам очень веселую жизнь!

Она улыбается.

— Для начала вам следовало бы снова лечь, чтобы ваш изощренный мозг стал воспримчивее. А кроме того, прекратите считать меня какой-то гремучей змеей, затаявшейся в высоких травах, поджидая жертву! Далее, в ваших же интересах выслушать меня внимательно и без эмоций!.. Да, действительно, это по моему приказу китайская танцовщица подсыпала вам в виски снотворного, но—вспомните! — перед этим она просила вас не возвращаться в гостиницу, и вы не пожелали следовать ее совету. А вам нельзя было идти туда: прояви вы упрямство, наверняка сейчас уже были бы покойником. Первого покушения вам удалось избежать, не так ли? И вы подозревали, что это моя работа, правда? Вот мне и пришлось защищаться от обвинений!

— Понятно. Только скажите на милость, кто назначал вас моим ангелом-хранителем? Зачем вам понадобилось продлевать мне жизнь?

Береника опять улыбается.

— Вернее сказать, я беспокоюсь о собственной. На сегодня не вы один считаете, что я как-то замешана в убийстве Мареллы Торенсен. А почему? Из-за письма Мареллы мужу, в котором говорится о моей с ним связи. Знаете, как это письмо попало ко мне? Сейчас скажу.

Она снова вставляет в нефритовый мундштук сигарету, закуривает, потом встает, дает мне тоже сигарету и подносит золотую зажигалку. Я не двигаюсь с места.

— Если вы думаете, что я получила это письмо от Торенсена,—продолжает Береника,—то глубоко заблуждаетесь. Вне всякого сомнения, он этого письма вообще не видел. И нашли вы его так легко только потому, что я его специально для вас оставила. Как я уже говорила, мне сразу стало ясно, что нас с отцом вызывают в полицию лишь для того, чтобы дать вам возможность обыскать мою комнату. Вот я и оставила письмо. Оно с самого начала предназначалось для вас.

— Дорогая Береника, — говорю я, — как легко я читаю ваши мысли, радость моя! Вы самая элегантная и изысканная лгунья на всем западном побережье. Когда вы умрете, непременно попадете в ад, а в аду страшные сinnie дьяволы наберут в ручку серной кислоты и вытатуируют на вашем очаровательном задике слово «лгунья».

— Временами вы рассуждаете как тупой и ограниченный легавый, Лемми! — Береника тяжело вздыхает. — Особенно когда начинаете говорить грубости. Но иногда мне кажется, что вы человек очень умный и даже блестящий, и тогда я говорю себе, что вы нарочно используете столь шокирующий лексикон... Неужели вы так и не поняли, что означает это письмо?

— Пока я в добром расположении, моя небесная, можете рассказать мне, будто Марелла Торенсен вовсе не писала этого письма и эта фальшивка подсунута нарочно, чтобы вас скомпрометировать. Давайте, я вас внимательно слушаю!

— Но так и есть! К тому же, это сама очевидность! Неужели вы можете поверить, что такая девушка, как я, способна завести интригу с неотесанным грубияном вроде Торенсена?

— Для меня, о несравненная, это вовсе не очевидно! Знали бы вы, сколько я видел отпадных красоток, питавших слабость ко всякому хамью!

Я встаю. Теперь, когда мне полегчало, я спешу снова приняться за дело.

— Послушайте, Береника, вы ведь знаете почерк Мареллы, не так ли? А стало быть, вы не могли не сообразить, она написала это письмо или нет. То письмо, которое вы получили в Шанхае, с просьбой срочно вернуться, — написано тем же почерком?

— Не знаю. То письмо было напечатано на машинке. Марелла часто печатала письма. Поверьте мне, Лемми, клянусь вам, это фальшивка и ее автор хочет навлечь на меня подозрения.

— Пой-пой, красавица! А что, если вы мне расскажете, каким образом получили это второе письмо?

— Вчера вечером его подкинули мне в машину, когда я пришла домой. Это было еще до того, как нас с отцом вызвали в

полицию. Поднявшись к себе, я вспомнила, что оставила в машине сумочку и перчатки, и отправила за ними горничную в гараж. Она увидела на переднем сиденье белый конверт и, естественно, подумала, что я и его забыла. Прочтя письмо, я сразу поняла, что кто-то хочет меня скомпрометировать, причем этот кто-то уже знает о ваших подозрениях на мой счет. И я решила при первом же удобном случае показать вам это письмо.

— Ладно, — говорю, — можете воспользоваться этим случаем.

Береника вынимает из ящика стола письмо и протягивает мне. Я его снова пробегаю глазами и решаю, что провести экспертизу совсем не сложно. Вдобавок письмо написано ярко-синими чернилами, которые называют «синь южных морей». Надо выяснить, не питала ли Марелла особого пристрастия к таким чернилам. Не забыть бы только.

Я поднимаю глаза на Беренику, вдыхаю легкий аромат ее духов и получаю еще одну очаровательную улыбку.

— Ну-ну, сюжет похлеще научной фантастики! Значит, неизвестная личность проникла в ваш гараж, чтобы подкинуть в машину письмо. Надо полагать, этот человек угадал, что вы забудете сумочку, пошлете за ней горничную, та найдет письмо и вы позаботитесь мне его показать! Вы что, считаете меня полным дебилом?

— И однако я сказала вам правду!

— О'кей, Береника, но давайте смотреть на вещи трезво. Тот, кто подсунул письмо в вашу машину, не мог не догадаться, что вы поторопитесь как можно скорее сжечь опасную бумажку.

— Возможно. Но он не мог предугадать, что я пошлю в гараж горничную. Он, несомненно, рассчитывал, что письмо найдет кто-то другой.

Я собираюсь ответить, но вовремя прячусь язык. У меня появилась любопытная мыслишка, и надо скорее сматываться отсюда. Когда я поворачиваюсь, Береника кладет руку мне на плечо.

Я смотрю на эту руку, на мерцающие брильянты, на покрытые лаком ногти и думаю, что, очень возможно, эти прелестные пальчики сотворили довольно скверное дело, спустив курок маленького пистолета 22-го калибра и отправив Мареллу Торенсен в республику духов. А еще я думаю, что эта восхитительная дочь Неба явно принимает меня за последнего олуха.

— Лемми, — шепчет она, — по-моему, вы просто неотразимы! Вы кидаетесь напролом, так что иногда от вас ускользают самые очевидные вещи. Но меня почему-то тянет к вам. Мне нравится, когда вы рядом. И даже если бы вам удалось обвинить меня в убийстве Мареллы Торенсен, мне бы хотелось, чтобы вы сами выступили в роли палача.

Можно не сомневаться, эта девчонка просто издевается надо мной! В ее бирюзовых глазах сверкают тысячи огоньков, а пальчики касаются моей щеки.

И не успеваю я издать ни звука, как она оказывается в моих объятиях. Я чувствую, как она всем телом прикидается ко мне, готовая сдаться...

Да, знаю, знаю! По правилам специального агента строжайше запрещено во время задания баловаться с красотками. Но тот, кто сочинял эти правила, наверняка не знал Береники. А иначе он бы ни за что не написал такую глупость! Так что я мысленно опускаю этот параграф.

* * *

Спустившись вниз, натякаюсь на раскомого дворецкого. Надо полагать, он ждал меня, чтобы открыть дверь. Я переступаю порог, и тут меня в очередной раз осеняет.

— Послушайте, — говорю, — как вас зовут?

— Хи Ток, — отвечает он.

— Отлично, Хи Ток, могу я задать вам вопрос?

Он с готовностью кивает.

— Скажите мне, кто заходит в гараж последним, запирает двери и проверяет, все ли в порядке?

— Господин Ли Сэм всегда делает это сам. Господин Ли Сэм — человек очень осторожный и запирает все двери лично.

Я благодарю и отваливаю.

Выйдя из дома, я вижу огонек в окне Береники. Да, этой девочке не занимать самоуверенности! Как пить дать, она сейчас воображает, будто обработала меня по всем линиям. Ну, кое в чем она, конечно, права...

6

Я СИЖУ у себя в гостинице, удобно вытянувшись в шезлонге. Погода отличная, даже зимнее солнышко сверкает на небе.

В другом конце комнаты покуривает сигару Бренди. Он созерцает потолок и, можно подумать, погружен в глубокие раздумья. Кажется, я хорошо представляю, что сейчас творится в его мудрой голове.

Наверняка этот умник спрашивает себя, почему паршивый лентяй Лемми до сих пор не схватил никого за шиворот и почему чертов Лемми не отправил за решетку Ли Сэма, чья виновность бросается в глаза, как пирамида посередине пустыни.

Ладно, так и быть. Я снова закуриваю и принимаю рассказывать и про письмо, и про вчерашнюю встречу с Береникой. Правда, от описания пьянящих разум сцен, завершивших свидание, я воздерживаюсь, ведь Бренди не подозревает, что я из тех типов, кто способен одной рукой обнять женщину, а другой — зацелкнуть у нее на запястьях пару стальных браслетов. Напротив, вообразит еще, не ровен час, будто я проникся чувством к Беренике, а потому жажду избавить ее от пепелница, горьких слез и гнилой соломы.

Я наливаю себе стопарик и слушаю ответ.

— Само собой, в этом деле босс — ты, Лемми, но это не лишает меня права слова. Тем более, окружному прокурору не очень-то нравятся, как идут дела. Пресса подняла дикий гвалт вокруг убийства Мареллы Торенсен, так что он спит и видит, как бы поскорее отправить убийцу за решетку. Как и все прочие, он, естественно, считает, что виновна Береника. Так что нам стоит шевелиться!

Я киваю. Сейчас самое главное — выиграть время, потому как у меня возникли кое-какие свои соображения.

— Вот что, Бренди, мне кажется, важнее всего — провести экспертизу почерка, — говорю я, протягивая ему письмо. — Найди мне кого-нибудь в конторе Торенсена — служащего или секретаря, который мог бы опознать почерк Мареллы. Он нам и скажет, подделка это или нет. И вот еще что. Я сказал О'Халлорану, чтобы он отловил мне Джо Мицлера и его блондинку. Так вот, я передумал. Если эта милая парочка все еще в Сан-Франциско, надо оставить их в покое. Скажи Терри, чтоб приставил к ним хвост и сообщил мне обо всех их перемещениях. Но только не сажать их ни в коем случае! Ясно?

— Ты у нас босс, — повторяет он.

— Да, чуть не забыл. Спросишь у парня, который будет изучать почерк Мареллы, не знает ли он чего о ее особом пристрастии к «сини южных морей». Это довольно специфические чернила, и, возможно, они наведут нас на след.

Он говорит «о'кей» и исчезает.

Я смотрю на часы. Еще только четыре, солнце светит всюю. Я заказываю по телефону кофе, кладу ноги на стол и начинаю шевелить мозгами. Эти синие чернила не дают мне покоя. Пожалуй, стоит сгонять на виллу Розалито и проверить, нет ли там пузырька с этой лазоревой жидкостью.

Последнее соображение наводит меня еще на одну мысль. А Марелла ли писала самое первое письмо, адресованное директору ФБР, то, с которого начался весь этот тарарам? Интересно, от руки оно написано или напечатано на машинке?

Надо сказать, я не видал этого письма. У меня только копия, перепечатанная секретаршей.

Надо действовать. Я беру трубку и пишу соединить меня с Вашингтоном по специальному коду. Через десять минут добираюсь до ребят из архива. Говорю им, что у меня все замечательно, спасибо, и что мне очень бы хотелось получить от них оригинал письма Мареллы Торенсен. Дежурный отвечает: «О'кей, получите завтра с первым самолетом».

Я курю и прихлебываю кофе. Теперь мой покой нарушает мысль о Нелли, прислуге Мареллы Торенсен. Во-первых, может быть, ей кое-что известно, а во-вторых, я все равно ничего не потеряю, порасспросив ее как следует. Мирный ход моих размышлений нарушает звонок Бренди.

— Привет, Лемми! Порученне выполнено. Письмо точно писала Марелла. Помощник Торенсена знает ее почерк, как свой собственный и готов присягнуть, что это письмо Мареллы, что до чернил, то он в первый раз видел, чтобы она пользовалась этой синькой, но, по его словам, эта дама вообще не отличалась пристрастием к тем или иным чернилам, писала любыми — какие только под руку попадутся, и никогда не носила с собой ручки.

— Другими словами, виновна все-таки Береника?

— Это еще не все. Я только что говорил с медэкспертом. Он — жутко вьедливый малый, а потому решил детально изучить останки несчастной Мареллы. И угадай, что нашел? Пулю! В конечном счете, эта пуля оказалась вовсе не в голове! Стреляли с очень близкого расстояния, она отскочила от кости и застряла в шее. Там-то наш эскулап ее и откопал! Пуля двадцать второго калибра. Тебе это ни о чем не говорит? Двадцать второй — чисто дамская игрушка, не так ли?

— Похоже на то, Брендя. Но не торопись и не теряй со мной связи. Я все же хочу закончить игру на свой манер.

— Ладно. Я передал О'Халлорану, что ты велел не трогать Джо Мицлера и его блондинку, а только сесть им на хвост, если, конечно, эту парочку удастся найти.

Я вешаю трубку. Да, и новость внушительная! Значит, пулю все-таки нашли... Должно быть, медэксперт искромсал бедняжку Мареллу на мелкие кусочки! И эта пуля — 22-го калибра, совсем как изящная игрушка, которую я нашел в сумочке Береники!

И письмо тоже не подложное, писано рукой Мареллы!

Иначе говоря, все это не предвещает ничего хорошего моей маленькой подружке Беренике!

7

Я ЗАЕЗЖАЮ в полицию, чтобы взять в картотеке досье Рокки и Спиглы, а заодно и адрес Нелли в Бурлингеме, а когда еду туда, замечаю, что уже шесть часов. Но я все же надеюсь хоть сегодня ночью хорошенько выспаться. Мне уже изрядно осточертело колесить вдоль и поперек по этой части американской территории и уставать как собака без какого-то ни было результата.

Нелли — просто прелесть. Кожа — как черный бархат, а сама она такого могучего сложения, что для сиденья ей бы подошел разве что императорский трон. Когда Нелли улыбается, ее добродушная физиономия раскалывается, как зрелый плод на солнце, и обнажаются два ряда перламутровых зубов.

Я сижу напротив Нелли у доброго огонька, со стаканом в руке и держу уши веером — авось упадет в них какая-нибудь ценная информация.

Марелла и в самом деле сказала ей, что с отъездом Торенсена в Лос-Анджелес ей нужна будет лишь приходящая два-три раза в неделю прислуга.

— Кажется, миссис Торенсен вполне ладит с мужем? — спрашиваю я.

— Ох, нет, мисс! — говорит она. — Они жили как кошка с собакой, эти двое. Но это все вина Эймара Торенсена, да, сэр! Очень-очень гадкий тип этот Эymar, и общался с бедняжкой Мареллой, как никому не позволено.

— Не может быть! Он ее бил?

— Ох, нет, сэр! Но когда он приходил — а это случалось только в воскресенье, — даже не разговаривал с ней. Вел себя так, будто бедняжки Мареллы вовсе нет. Целый день листал свои бумаги, писал и пил — и, уж извините, лакал же он! Но, честно сказать, ни разу не видала его под мухой. Нет, сэр! Я никогда не видала мистера Торенсена пьяным...

— Скажите мне, Нелли, а вы случайно не видели, чтоб миссис Торенсен писала письма? Много ли она писала? Сиделась ли всегда на одно и то же место? Или могла устроиться у краешка стола и писать?

— Нет, сэр! Я в жизни не встречала более организованной женщины, чем мисс Марелла, бедный ангелочек! Она всегда писала письма по утрам, за маленьким столиком. Дописав, она их запечатывала, приклеивала марку и сама относила на почту. Очень-очень правильная женщина! А если где что лежало не на месте, так она сама первая и замечала.

— Ну что ж, Нелли, — замечаю я, — здорово было иметь такую дисциплинированную хозяйку! Значит, она писала письма по утрам и сама относила на почту? Но когда вы сказали, что она их запечатывала, то, наверное, хотели сказать «заклеивала»?

— Ох, нет, сэр! Она запечатывала их печаткой. Знаете, от печатки получают такие рисуночки на другой стороне конверта? Бедняжка Марелла нагревала воск, капала большую каплю и прижимала печаткой. Это было такое кольцо старых времен, а на нем — два перекрещенных ключа. Она всегда им пользовалась, да, сэр, до того самого дня, когда печатка пропала.

— Пропала? Когда же это? — спрашиваю.

— Да месяца два назад. Бедняжка мисс Марелла держала его в верхнем ящике секретера, справа. Да-да, печатка всегда лежала там. А потом как-то раз я убираю и вдруг вижу: нет печатки. Я говорю об этом хозяйке: а она и внимания не обращает. Говорят, наверное, сунула куда-то еще. В первый раз она не положила вещь на место! Никогда раньше ничего не теряла!

— Может, печатку украли, а, Нелли?

— Вот то же и я сказала, мисс Каушн. Я сказала, ей надо быть осторожнее и не держать все время двери открытыми, тем более, что вокруг вечно бродят какие-то люди. Уж я-то их видела!

У меня ушки на макушке.

— Расскажите мне немного об этих бродягах, Нелли. Когда вы их видели?

— Ох, раза два-три. После полудня, как я закончу работу, миссис Торенсен всегда говорила, чтоб я погуляла, прежде чем приниматься за готовку — мне ведь полезно поразмяться. А я когда к себе пойду, а когда — просто так брожу, потому что доктор велел побольше ходить пешком. И вот раза два-три шла я по дороге за домом и видела, как там стояла машина. А однажды даже заметила какого-то типа, явно из городских. Мне сразу показалось: это не к добру, потому что он шел через поле, а там рядом газон за домом миссис Торенсен. И ведь она вечно оставляет двери настежь! Ну и вот, потом я снова видела того же типа, но уже на дороге, пониже виллы, а другой раз — совсем возле дома. Да, сэр! Он стоял на террасе и заглядывал внутрь!

— Вот как? А миссис Торенсен? Вы не заметили, она с ним разговаривала?

— Точно, сэр! Как-то раз возвращаюсь я домой по дороге, обхожу виллу и вижу, что позади дома миссис Торенсен разговаривает с городским типом, и вроде бы это тот самый, которого я заметила за виллой, и...

— Минутку, Нелли, — прерываю я ее.

Я вытаскиваю из кармана фотографии Рокки и Спиглы, которые прихватил в карточке. Показываю ей сначала Рокку.

— Не этот ли?

— Нет, сэр! Этот мне совсем незнаком. И потом, он очень жирный.

Я протягиваю ей карточку Спиглы. Она удивленно вскрикивает.

— Это он! Клянусь могилой матери, он! Тот, что шел через поле, а потом разговаривал с миссис Мареллой.

Я готов прыгать от радости.

— Вы совершенно уверены, Нелли? Это очень важно!

— Послушайте, миссис Кауши, я никогда не могу ошибиться! Ох, нет, сэр! Никогда я не забываю физиономию. Если я кого вижу, то уж навсегда запомню. Вот, к примеру, с вами. Когда вы только пришли, я себе тут же сказала: «Да это же позавчерашний мистер, тот, что звонил в дверь, когда Марелла глядела в окно».

Я аж подпрыгиваю.

— Повторите, Нелли! Может, я плохо вас понял? Вы говорите, что видели меня позавчера? Я оставил машину у ворот, а сам пошел звонить в дверь. Так? Вы меня видели? И Марелла тоже? Она стояла у окна?

— Да, сэр. Вот как было дело. Позавчера утром я просыпаюсь и несу кофе своей бедной хозяйке. Тут-то она мне и говорит, что я ей больше не нужна и могу получить расчет. Клянусь, меня это ох как сильно потрясло! Я даже не знала, что сказать, но мне было так грустно уходить! Я ведь уже много времени проработала на вилле. Да, меня это здорово потрясло, но что я могла сказать? Раз я ей больше не нужна, то и спорить нечего. Ну вот, я в пос-

ледний раз убираюсь, и часов в одиннадцать она мне платит, что должна, я беру свой чемоданчик, прощаюсь с миссис Торенсен и иду домой. Ну, а часа в три на меня вдруг находит желание вернуться на виллу — надо ж все-таки узнать, почему она меня вот так выгнала! И я говорю себе: «Если хозяйки нет, тем хуже. По крайней мере, прогуляюсь, раз доктор так настаивает». Я прихожу и вижу, как у виллы останавливается машина. Гляжу на дом — миссис Марелла смотрит в окно. А потом она вдруг исчезает. Тогда я решаю зайти в другой раз, коль у миссис Мареллы гости. Я обхожу по бульвару и, когда приближаюсь к дому с другой стороны, вижу, как миссис Марелла быстро-быстро бежит через газон и прячется в китайском павильоне. Ну, а вы тем временем продолжаете звонить в дверь. И я говорю себе: «Честное слово, кажется, хозяйке вздумалось разыгрывать своих друзей!» Потом я прохожу еще немного и оборачиваюсь: вы уже зашли за дом. Ну, думаю, значит, он знает, где прячется Марелла.

— Вы просто чудо, Нелли. А теперь дайте мне минутку подумать.

Я быстро подбиваю бабки. Итак, когда я пришел, Марелла была дома. Увидев меня в окно, она так резко отпрянула, что рассыпала все вещи с туалетного столика и в спешке даже потеряла шарф.

Почему же Марелла так торопилась? Да потому, что хотела забежать на кухню и оставить липовую записку для Нелли с сообщением, что вернется не раньше девяти. Благодаря этой записке Марелла избавилась от меня и могла спокойно принять Беренику Ли Сэм.

Стало быть, Марелла убегает через террасу, шпингалет застекленной двери поддается не сразу, и она его срывает. Потом, спрятавшись в китайском павильоне, видит, как я проникаю в дом, и ждет, пока я уберусь. Как только я завожу мотор, Марелла понимает, что хитрость удалась и до девяти я не приеду.

Кажется, я начинаю понимать, для чего она написала боссу то странное письмо! Она хотела, чтобы к ней пришел федеральный агент и надеялась таким образом припугнуть Беренику. Беда в том, что красотка не знала, когда этот агент явится. Наконец, Марелла получила телеграмму и жутко растерялась, потому что Береника должна была приехать как раз между четырьмя и пятью, а ей не хотелось, чтобы эти двое столкнулись нос к носу. Тогда она решила ждать моего появления и оставить на виду подложную записку. Я уехал несолоно хлебавши. Появилась Береника. Теперь Марелла могла спокойно показать ей телеграмму в доказательство того, что ждет федерального агента.

Пока я так размышляю, Нелли наливает мне еще порцию виски.

— Нелли, — искренне говорю я, — вы просто восторг! Мне осталось задать вам только один маленький вопрос, а потом поблагодарить и откланяться. Не знаете ли вы, какими чернилами пользовалась миссис

Торенсен? Покупала ли она всегда одня и те же в одной лавке? Или писала разными в зависимости от настроения?

— Ох, нет, сар! Это всегда были одня чернила. Марелла постоянно закупала их у самого крупного бумаготорговца в Бурлингеме. Да-да, и только черные. Ни разу не видела, чтоб она пользовалась другими.

Я вытаскиваю из кармана флакончик «сини южных морей».

— Взгляните, Нелли. Эти чернила того же цвета, что и этикетка, легкого голубовато-зеленого тона. Вы когда-нибудь видели на вилле такие чернила?

— Нет, сар, никогда!

Я смотрю на часы: четверть восьмого. Это отнюдь не приводит меня в восторг, потому как явно придется провести еще одну бессонную ночь. Зато, кажется, ключ к загадке у меня в кармане. Я сильно на это надеюсь, но, пожалуй, еще рано почивать на лаврах. Я встаю, благодарю Нелли и сую ей пятидесятидолларовую бумажку. Просто на сердце теплеет, когда видишь, как радостно блестят глаза у такого симпатичного создания!

Я прыгаю в тачку и мчусь к первой попавшейся телефонной будке. Бренди, к счастью, у себя в кабинете.

— Слушай, Бренди, мне нужен самолет. Надо слетать в Лос-Анджелес. Я вернусь в Сан-Франциско в восемь утра, значит, вылететь должен сегодня в девять. Можешь мне это уладить?

— Еще бы! Очень даже просто! Кажется, у тебя наклеивается мыслишка?

— Возможно. До скорого!

Без четверти восемь возвращаюсь к себе в «Сэр Фрэнсис Дрейк». По дороге я заскочил в картотеку и вернул карточки Рокки и Спиглы. Заодно повидал Бренди, и он сообщил, что самолет будет ждать меня с половины девятого до девяти. Если повезет, к полуночи буду в Лос-Анджелесе.

Я заказываю бутылку бурбона. Вместе с бутылкой дежурный приносит мне письмо. Адрес на конверте отпечатан на машинке: «Сан-Франциско, гостиница «Сэр Фрэнсис Дрейк», федеральному агенту Каушну». Письмо отправлено авиапочтой, на конверте штамп Сан-Диего. И только я распечатываю письмо, входит О'Халлоран.

— Привет, Лемми! — говорит он. — Бренди сказал мне, что ты отправляешься в путешествие. Я бы тоже с удовольствием прокатился в Лос-Анджелес. Что-то мне начинает надоедать гоняться за Джо Мицлером и его блондинкой.

— Как, ты их все еще не нашел, Терри? — удивляюсь я.

— Нет, и ни единого намека, где их искать! Похоже, твои друзья слиняли из города. Скажи, Лемми, у тебя появились какие-нибудь догадки насчет этого убийства? Есть из чего строить версию?

«Догадки...» — бормочу я и умолкаю, потому как вскрыл конверт и вытащил оттуда листок бумаги.

Это проспект, отпечатанный на скверной бумаге, вроде тех, которые владельцы подпольных бардаков подсовывают в порту

матросам. Здесь рекламируется мебелированный дом Оклахомы Джо на Строберри-стрит, неподалеку от порта, этаким милый уголок, где запросто могут перерезать горло. Но самое интересное то, что я обнаружил на обороте. Там кто-то изыщным, красивым почерком набросал несколько строчек карандашом:

«Ну что, легавый, не клеится дело? Неужто так не терпится найти Джо Мицлера? Тогда вам стоило бы прогуляться в этот клоповник. Но не делайте глупостей — Джо не очень-то вас любит, зато любит таскать при себе пушку.»

Вот это номер! Ну, кто сказал, что в жизни не все только розы? Не говоря Терри ни слова, я записываю проспект в карман. Некоторые вещи так хороши, что их не хочется делить с приятелями.

* * *

Мне уже случалось совершать не слишком веселые перелеты, но это путешествие в Лос-Анджелес, несомненно, оказалось самым гнетущим. И не то чтоб пилот был отвратным типом, нет, просто у него нелады с женой и это напрочь вышибает беднягу из колеи. А потому стоит только мне прикрыть глаза в надежде хоть немножко покомарить, как этот несчастный принимается толковать мне о своей бабе и о том, что бы ему хотелось с ней сделать, если бы за это не наказывали по закону.

Парень объясняет, что у него не в порядке желудок, и я отвечаю, мол, это вообще предел несчастий — маяться со вздорной бабой, да еще и животом. «Нет, — говорит пилот, — не предел, у меня еще вросший ноготь!» Это я рассказываю просто так, чтоб вы поняли, как мало радости мне доставил полет.

Наконец в четверть первого мы приземляемся в Лос-Анджелесе, и я еду к Торенсену, дабы малость побеседовать с этим почтенным юристом. Я уже предвижу, что по возвращении в Сан-Франциско мне придется засадить Чудесную и Бездонную Беренику, но настоящие улики против нее я могу получить только от ее милого дружка Торенсена.

Адвокат еще не ложился, и я застаю его в домашнем халате у электрокамина. Он кажется испуганным, но меньше, чем во время нашей прошлой встречи.

— Привет, Торенсен, — говорю я. — Сожалею, что пришлось побеспокоить вас так поздно, но мне надо кое-что уточнить.

— Какие могут быть извинения, это же ваша работа! Выпьем стаканчик?

— Спасибо, не сейчас.

Я кладу на стул плащ, шляпу и гляжу на Торенсена в упор.

— Послушайте, Торенсен, сядьте в кресло и сидите спокойненько. Главное — не нервничайте. И хорошенько подумайте! Вы адвокат, и не думаю, чтоб вам требовался советник по части законов, но, если хотите, можете позвать на помощь коллегу. Мне бы не хотелось захватить вас врасплох.

Он широко открывает глаза и краснеет. Струсил, голубчик, а этого-то мне и надо. Торсенсен вытаскивает из кармана сигареты и закуривает. Пальцы ходят ходуном. Вот-вот рухнет.

— Так вот, — начинаю я. — Как я вам уже говорил в прошлый раз, ваша жена написала в ФБР, намереваясь сообщить о нарушениях федеральных законов, и просила, в случае если она не даст о себе знать до десятого числа, направить к ней федерального агента. Вы уже в курсе, что я приехал, позвонил в дверь и, не получив ответа, обнаружил на кухне записку, в которой Марелла сообщала Нелли, что не вернется до девяти вечера. Однако на самом деле ваша жена в это время находилась дома. Она видела, как я вышел из машины и стал звонить в дверь, но вместо того, чтобы открыть, спустилась на кухню, оставила там знаменитую записку и галопом помчалась прятаться в китайский павильон в глубине сада. Я подозреваю, что Марелла хотела любой ценой удалить меня от дома, потому как ждала Беренику Ли Сэм, с

которой собиралась свести счеты. А если уж быть до конца откровенным, добавлю еще кое-что: Марелла обнаружила, что Береника — ваша любовница и роман продолжается довольно давно.

Торсенсен выпрямляется в кресле и багровеет от негодования.

— Какая нелепость! Что вы напридумывали!

— О нет, это не выдумка. У меня есть письмо Мареллы, причем ваш старший служащий опознал почерк и готов присягнуть, что это ее рука. Так вот, в этом письме Марелла обвиняет вас в связи с Береникой Ли Сэм, обещает устроить вам веселенькую жизнь, но при этом отказывается дать развод. И что это значит? Да только то, что Марелла кое-что знает про вас обоих и собирается это выложить. Отсюда и желание повидаться с Береникой. Естественно предположить, что встреча оказалась довольно бурной и в конце концов Береника потеряла голову, выхватила из сумочки пистолетик двадцать второго калибра и застрелила Мареллу. Что касается остального, под-

робности мне неизвестны — то ли Береника заманила Мареллу в машину и уже потом убила, отвезла в порт и выбросила в воду, то ли прикончила ее дома, рассчитывая, что сообщник поможет избавиться от трупа... Но не это важно. Я точно знаю, Торенсен, что, прежде чем вернуться домой, Береника заехала к вам, все рассказала и попросила совета. Весьма логичный поступок! И я не сомневаюсь, что именно так она и сделала. Поэтому вам придется выложить правду, приятель. Мне уже осточертело топтаться на месте. Окружной прокурор Сан-Франциско жаждет, чтобы убийца попал за решетку как можно скорее, и я не стану лишать его такого удовольствия. Если вы соизволите говорить, то, может, получите какой-то шанс выкрутиться. В противном случае я надеваю вам наручники, а то и даю еще по физиономии для полного счета! А теперь я слушаю!

Торенсен сидит в полном обалдении, как человек, чудом спасшийся от снежной бури, и так трясется, что мог бы дать сто очков вперед танцовщице джерка. По-моему, клент спекся.

— Послушайте, Торенсен, — вкрадчиво говорю я, — не стоит так дрожать — пока вроде бы не с чего. Разве, что вы попытаетесь водить меня за нос — вот тогда я вам гарантирую страх Божий. Ну, говорите же!

Адвокат встает и наливает себе хорошую порцию виски.

— Я расскажу вам все, что знаю, — заявляет он. — Мне незачем обманывать вас. Во-первых, считаю нужным торжественно заявить, что предположение о моей связи с Береникой Ли Сэм — смехотворно и гротескно. Да взгляните же на меня! Неужели вы найдете во мне хоть что-нибудь, способное увлечь такую девушку, как Береника? Вот у нее действительно есть все — красота, индивидуальность, старый папаша архимиллионер... На кой черт я ей мог сдать? И потом, кто угодно вам подтвердит, что темперамент у этой девушки — как у самого холодного айсберга в Антарктиде. Береника никогда в жизни и близко не подходила ни к одному мужчине.

Я с пониманием киваю головой, но внутренне помраю со смеху. Это Береника-то айсберг? В жизни не слышал ничего забавнее!

— Я даже не знал, что она вернулась из Шанхая, — продолжал Торенсен. — Старый Ли Сэм говорил мне, что его дочь уехала на каникулы. Но я был слишком занят своими делами... спешил скорее убраться из Сан-Франциско...

— Минутку, Торенсен. С чего вдруг такая спешка?

Он задумчиво смотрит на огонек сигареты.

— Мне хотелось удалиться от Мареллы. Она жутко действовала мне на нервы. Не знаю, как вам это объяснить, но за последние полгода Марелла совершенно изменилась. Она стала жестокой, злой...

иногда я ловил на себе ее взгляд... казалось, она жаждет моей смерти. Атмосфера на вилле стала невыносимой. Правда, я не сумею объяснить вам, почему мне было не по себе. Просто все выглядело странным. Увидев, что Марелла не против моего отъезда в Лос-Анджелес, я почувствовал большое облегчение. Даже когда мы обсуждали вопрос о ее пансионе, жена не проявила никакого интереса. А в последнюю нашу встречу мне показалось, что она вполне счастлива и довольна. По-видимому, Марелла тоже хотела жить самостоятельно.

В день ее смерти, часов около семи вечера я разбирал бумагу у себя в кабинете, и вдруг мне доложили о приходе Береники Ли Сэм. Я очень удивился, потому что она пришла ко мне впервые, и подумал: наверное, принесла записку от отца. Однако я ошибся. Береника весьма холодно со мной поздоровалась, а потом рассказала совершенно невероятную историю. Оказывается, несколько дней назад она получила от Мареллы письмо, в котором та настоятельно просила Беренику приехать к ней десятого числа, причем подчеркивала, что эта встреча крайне важна для них обеих. Короче, она сама назначила время: десятое число, пять часов вечера.

Стало быть, Береника явилась в указанное время, но Марелла — словно с луны свалилась. Она впустила Беренику и тут же высказала ей свое крайнее недоумение: «Я думала, что вы в Шанхае». Береника, конечно, тоже сильно изумилась и показала Марелле письмо. Та его прочтала с совершенно ошарашенным видом, потом расхохоталась и предложила Беренике подняться и вверх. По дороге жена выключила телефон, объяснив, будто не желает, чтобы их беспокоили. Итак, они поднялись в комнату Мареллы. Береника заметила, что всякие дамские мелочи с туалетного столика рассыпаны по полу, а у порога валяется шелковый шарф, но, к ее удивлению, Марелла просто переступила через него. Вообще, по мнению Береники, Марелла вела себя очень странно. Сначала сказала, что это письмо — полная чепуха, а потом с самым серьезным видом заметила: «Постарайтесь меня понять, Береника, и учтите, что если у нас с Эймаром начнутся хоть малейшие неприятности, то и вашему отцу придется несладко. В случае чего Ли Сэм первым испытает на себе все последствия, а ведь вы этого совсем не жадете, правда, Береника?» Та даже подумала — во всяком случае, так она сказала мне, — что Марелла не в своем уме.

(Окончание следует)

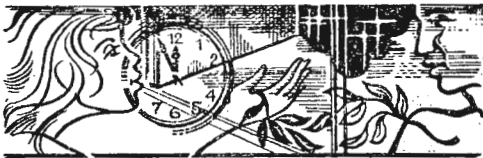

Прапорщик Наталья **НЕТЛЕВСКАЯ**

БЕЗ ТЕБЯ...

[восьмистишья]

А отпуск — как и не бывало.
Прошел, похож на забытье.
И я с далекого вокзала
В свое нескладное жильё
Покорно, тихо возвращалась,
Не по сезону съезжив плечи.
И почему-то воздержалась
Сказать тебе: «До скорой
встречи».

Я случайно дверь открыла,
Скукой мучась, не таю.
Ну, а вышло, что впустила
Я тебя в судьбу свою.
Наша встреча задержалась.
В небе звезды ночь зажгла...
Без тебя, вдруг оказалось,
Я на свете не жила.

Мои часы упрямо лгут
На пять мгновений, пять минут.
О, я их скоро прокляну
У одиночества в плену.
Мои часы упрямо лгут.
Меня уже, наверно, ждут,
Бросает чье-то сердце в дрожь...
Ах, как приятна эта ложь.

Прапорщик Евгения **БУТОРИНА**

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ

Я живу в старом тереме
У бескрайнего моря.
На века ли, на время ли,
В схиме или в неволе?
Здесь решеток сплетение —
Не забраться и вору.
И спешат в нетерпении
Дни, как камни под гору.
Латы ржой покрываются,
Стража пьянствует, бесится...
Терем мой возвышается
Сотни лет. Или месяцев.
Все ключи порастеряны,
Отвалилась калитка...
Мне бы выйти из терема,
Да вот ноги отвыкли.

Выдумали город,
Чтоб грустить о поле.
Выдумали осень,
Чтобы ждать весну.

Выдумали берег,
Чтоб спускаться к морю.
Выдумали женщин,
Чтоб искать одну.
Выдумали бога,
Чтобы поклоняться.
Долгую разлуку —
Чтобы встречи ждать.
Выдумали горе,
Чтоб его бояться.
Выдумали счастье,
Чтоб его искать.

Я не знаю, нормально ли это —
Человек сторожит человека.
Стыд больного жестокостью века,
Боль моя.

И не только моя.
В середине двадцатого века
Как выносит такое земля?
Человек сторожит человека...
Или он охраняет меня?

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСОВ

О ДОМАШНЕМ УЮТЕ

Конечно, каждой хозяйке известен порядок уборки квартиры, есть у каждой и свои наиболее рациональные способы вынесения «сора из избы». Однако позволим себе дать несколько советов, о которых нельзя забывать и опытным, и молодым хозяйкам.

СТИРКА. Обязательно обращайтесь внимание на этикетку моющего средства, иначе можно испортить вещь. Если регулярно стирать хлопчатобумажное белье в порошке типа «Новость», оно быстро потеряет вид, станет серым, застиранным. А шерстяная вещь в составе, предназначенном для хлопка, может испортиться сразу, даст сильную усадку, «образует» комочками свалывшейся шерсти.

Не надо вручную стирать моющими биосредствами — они вредно действуют на кожу рук, вызывают ломкость ногтей. В биопорошках лучше замачивать белье. А если нет стиральной машины, то следует надевать резиновые перчатки.

Шерстяные изделия с непрочной окраской можно выстирать в растворе горчицы (100—150 г. на ведро воды). Растворив горчицу, даем отстояться воде, затем сливаем в таз, где будем стирать. Полоскать по-

переменно в холодной и горячей воде.

МЫТЬЕ ПОЛОВ. Если полы из линолеума, нельзя в воду для их мытья добавлять соду или другие щелочи — будут на полу белые пятна. При мытье любого пола надо чаще менять воду в ведре, иначе вместо уничтожения бактериальных загрязнений можно распространить их по всей квартире.

УНИЧТОЖАЕМ ПЫЛЬ.

Иногда усердные хозяева выбивают тканевые ковры, повесив их на веревки или забор. Этого делать нельзя: нитки каркаса повреждаются. Если ковер начинает закручиваться по углам и краям, пришейте с изна-

ночной стороны небольшие матерчатые карманы и вложите в них плоские металлические пластинки. Выпрямляя углы, они заодно снизят накопленные электростатические заряды в ковре.

ПОДУМАЕМ О СЕБЕ

Вот и квартира блестит чистотой, и из кухни аппетитные ароматы плывут по всему дому, и ваши мужчины — муж с сыном — о подарках шепчутся, а вы так устали, что, кажется, не до праздника. Давайте отдохнем, расслабимся за 15—20 минут, приведем себя в порядок.

Сначала сделаем маску на скорую руку. 150—200 г. соли смешайте с четвертью стакана жирного молока или сметаны. Набирая в пригоршню понемногу этой массы, втирайте в кожу сильными круговыми движениями (можно от шеи до пяток). После этого встаньте под теплый душ (можно контрастный, если позволяет здоровье) и вы сразу почувствуете прилив сил. А теперь немного косметики на лицо (не забудьте и о шее). Нет нового платья? Не беда, наденем то, которое нравится, и — голову держим по-королевски (Кстати, и морщин на шее будет меньше). Не хандрить: морщинки вокруг губ не будут заметны.

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

БЛИНЫ

Помните, как Пушкин рассказывает о гостеприимном доме Лариных: «Они хранили в жизни мирной привычки милой старины, У них на масленице жирной водились русские блины...»

Предлагаем вам несколько рецептов блинов. Конечно, самые лучшие блины получаются в русской печке, топленной небольшими березовыми полешками, жаренные на маленьких чугунных сковородках. Кружевными дырочками украшен румяный блин, а дух — ох!.. — а вкус — «специфический»!

Блины красные (пшеничные). 4 стакана пшеничной муки, 4 стакана молока, 50 г сливочного масла, 3 яйца, 20—23 г дрожжей, 1 чайная ложка сахара, соль по вкусу. В эмалированную кастрюлю всыпать половину муки, влить два стакана теплого молока, предварительно разведя в нем дрожжи, все хорошо размешать, поставить в теплое место. Когда тесто поднимется, размешать его деревянной ложкой, добавить оставшиеся молоко и муку, снова перемешать и поставить в теплое место. После того, как тесто подойдет, добавить в него яичные желтки, растертые с двумя столовыми ложками сливочного масла, сахаром, солью. Снова размешать и поставить в тепло на 15—20 минут.

Если дрожжей нет (опять же дефицит!), приготовим блины на соде.

Гурьевские блины. 2 стакана пшеничной муки, 5 яиц, 2 столовые ложки сливочного масла, 2,5 стакана кислого молока (кефира), соль, сахар по вкусу. Влить в кастрюлю яичные желтки, добавить к ним соль и сахар, хорошо взбить. Затем всыпать муку, добавить сливочное масло, молоко и замесить жидкое тесто. Тесто всегда надо очень хорошо взбивать: чем лучше оно взбито, тем вкуснее блины.

СОВЕТЫ МИМОХОДОМ

Сковороды, на которых выпекают блины, лучше выбирать чугунные, размер их должен быть небольшой, т. е. русские блины пекут, как правило, величиной с блюдце.

Сковороды должны быть абсолютно чистыми. Для этого их ставят на огонь, дно посыпают солью, прокалывают, а затем протирают сухой чистой тряпкой. На таких сковородках блины не подгорают, легко отстают от сковородки.

Муку хорошая хозяйка обязательно просеет через сито, чтобы очистить ее от посторонних примесей, случайных предметов, слежавшихся мучных комков. Мука при этом проветривается, разрыхляется, насыщается кислородом, что очень важно для лучшего подъема теста.

При изготовлении кондитерских изделий необходимо строго придерживаться указанных в рецептуре норм, иначе можно ухудшить качество изделий, а то и совсем испортить их. В меру положенный сахар обеспечивает высокое качество изделий, недостаток сахара придает мучным изделиям бледный, неаппетитный вид, избыток сахара замедляет брожение теста, при выпечке корка поджаривается, а середина изделия не пропекается.

Нередко бывает так: заквашенное тесто достаточно подошло, а у вас нет времени поставить его в печь. Чтобы оно больше не подходило, прикройте его хорошо смоченной бумагой, предварительно отряхнув ее от воды.

КАПУСТА ПО-ГРУЗИНСКИ

2 кг капусты порезать не очень крупными кусками. Натереть на терке 2 головки чеснока, почистить свеклу. Укладываем капусту рядами в кастрюлю, пересыпая их красным горьким перцем, тертым чесноком, перекладывая кусочками свеклы. Когда таким образом уложим капусту доверху, заливаем рассолом и кладем сверху гнет. Приготовление рассола: 1 л. воды, 1 ст. ложка с верхом соли, 3 ст. ложки сахара, 1 стакан уксуса (9%), 1 стакан подсолнечного масла. Все это вскипятить.

Через два часа капуста готова.

ОТ РЕДАКЦИИ: хотелось бы получить от наших читателей и другие рецепты национальной кухни.

ЗНАХАРКИНЫ ЗАГОТОВКИ

Березовые и сосновые почки. Их собирают в феврале — марте. При простудных заболеваниях, ангине, ларингите, других болезнях горла и носоглотки они незаменимы. Подышишь настоем березовых или сосновых почек, напьешься липового чая на ночь — и хворь быстро пойдет на убыль.

Можно поручить добычу целебного сырья мужу, детям, еще лучше отправить в солнечный денек в лес всей семьей. Только не забудьте, пожалуйста, что собирать можно почки в специально разрешенных лесничеством местах и вне черты населенного пункта. Ни в коем случае нельзя ломать крупные ветки и дерезца, соблюдайте чувство меры — выгребать у природы всю кладовую витаминов и лекарств опасно! Сушат почки, как обычно лекарственные травы, только чуть дольше. Используют в качестве отваров, настоев, чаев.

Мать-и-мачеха раньше других спешит украсить своими простенькими, но милыми цветками еще обнаженную землю. Природа позаботилась об этом не случайно: растение-то лекарственное. Настои из листьев и отвары из цветков употребляют при кашле, бронхитах, ларингитах как смягчительное, отхаркивающее средство. Наружно свежие листья или кашица из них помогают против опухолей, нарывов, фурункулов. Гладкой стороной листья прикладывают к голове при сильных болях.

Собирают цветочные корзинки с остатками цветоноса (15 см) с марта до конца цветения, а листья в июне — тогда они наиболее ценны.

Водный настой из листьев мать-и-мачехи для обмывания, примочек, компрессов готовят так: одну столовую ложку сухих измельченных листьев облить стаканом кипятка и настаивать 30 мин.

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

СЕГОДНЯШНИЙ УРОК ПОСВЯЩЕН ТРЕНИРОВКЕ ВЫНОСЛИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ОТРАБОТКЕ НЕКОТОРЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ.

Под выносливостью здесь подразумевается такое функциональное физическое качество, которое позволяет выполнять упражнения в течение длительного времени без ущерба для техники, скорости реакции и т. д. Это также способность проводить точные, быстрые и своевременные приемы в нападении и в защите в любой момент поединка. Используются упражнения как основного, так и вспомогательно-го ряда.

Первые включают в себя специальные технические приемы (бой с тенью, удары по мешку на время), вторые, хотя непосредственно и не связаны с техническими действиями, развивают силовую и скоростную выносливость (удары молотом по резиновой крышке, прыжки через скакалку).

Рассмотрим примерный план занятия по выработке специальной выносливости:

Подготовительная часть (разминка) — 30 минут.

1). Общеразвивающие упражнения — 5 минут.

2). Разминочный бег, беговые упражнения, прыжки через скакалку — 2—3 раза по 3 минуты.

3). Упражнения на гибкость — 14 минут.

Основная часть — 50 минут.

1). Выполнение отдельных ударов, серий, бой с тенью с использованиемотягощений (набивные манжеты на руки и на ноги, гантели 0,5—1 кг) — 11 минут, перерыв — 4 минуты.

2). Нанесение ударов по тяжелому мешку 3 раза по 3 минуты с ускорениями, перерыв — 1 минута; 1 раунд — ускорение 10 секунд через каждые 20, 2 раунд — ускорение 10 секунд через каждые 35, 3 раунд — ускорение 10 секунд через каждые 50, перерыв — 4 минуты.

3). Удары тяжелым металлическим молотом по резиновой автомобильной крышке — 11 минут, перерыв — 4 минуты.

4). Бой с тенью 2 раза по 2 минуты, перерыв — 1 минута.

Заключительная часть — 10 минут.

1). Упражнения на растягивание.

2). Упражнения на расслабление и восстановление дыхания.

Теперь о технической подготовке, а именно об ударах ногами с подскоком, предназначенных для быстрого сокращения дистанции с одновременной атакой без

дополнительного шага. Выполняются как с предшествующим им обманным движением, так и без него и подразумевают дальнейшее развитие атаки. Иногда эти удары наиболее целесообразны после проведения противником серии атакующих приемов и отхода. Причем ваш удар должен упредить повторную атаку противника.

Техника выполнения в основном та же, что и при ударах ногами на месте. В момент, когда согнутая в колене атакующая нога поднята, опорная тоже слегка сгибается в колене. Начиная удар, резко разогнуть опорную ногу и выполнить подскок с сокращением дистанции. Важно ударить раньше, чем опорная нога коснется пола, чтобы вложить в удар всю тяжесть вашего тела. Сам подскок должен носить скользящий характер: стопа опорной ноги как бы скользит по полу. И не подпрыгивайте высоко, лучше сосредоточьте усилия на продвижении вперед.

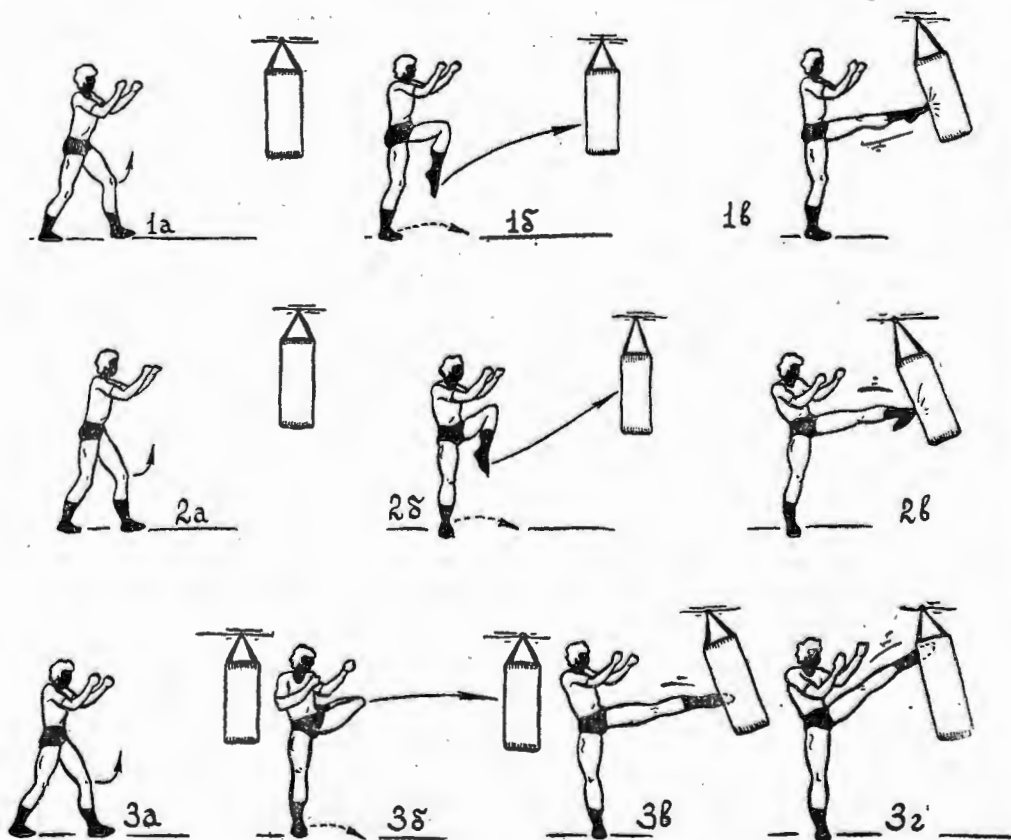
Прямой удар с подскоком. Исходное положение — основная стойка (рис. 1а); 1 — поднять согнутую в колене впередистоящую ногу, слегка сгибая в колене опорную (рис. 1б), 2 — резко выпрямить

в колене опорную ногу, выполнить подскок с прямым ударом наскоком впередистоящей ноги на уровне пояса (рис. 1в).

Удар ребром стопы с подскоком. Исходное положение — основная стойка (рис. 2а); 1 — поднять согнутую в колене впередистоящую ногу и, поворачиваясь боком, немного согнуть в колене опорную (рис. 2б), 2 — резко выпрямив в колене опорную ногу, выполнить подскок с ударом ребром стопы на уровне пояса (рис. 2в).

Боковой удар ногой с подскоком. Исходное положение — основная стойка (рис. 3а); 1 — поднять согнутую в колене впередистоящую ногу и, немного поворачиваясь боком, вывести колено на линию атаки, а пятку поднять до уровня колена, носок оттянуть (рис. 3б), 2 — резко выпрямив в колене опорную ногу, выполнить подскок с боковым ударом подъемом на уровне корпуса или головы (рис. 3в—г). Кстати, подскок при этом ударе можно выполнять не только вперед, но и в сторону нанесения удара для увеличения его силы.

Рис. Е. ГЛАДКОВА.

Сразу оговорюсь: в условиях, когда дефицит продуктов стал общегосударственной проблемой, совсем не просто соблюсти даже элементарные правила кормления собаки. Тем более щенка. Но никто и не обещал, что уход за новым членом вашей семьи будет легким и беззаботным: хлопот не оберешься. Трудностей масса, и кормление — одна из самых серьезных.

Особенно, если учитывать, что собака по природе своей — хищник, а пища хищника, как известно (предвижу скептические улыбки читателей) — мясо. Оно составляет добрую половину рациона щенка. Остальные продукты — сырой геркулес, овощи, фрукты, творог и яйца. Из добавок, полезных для здоровья, рекомендую понемногу сырые отруби, богатые белком и витамином В.

Кормить своего подопечного следует часто, но небольшими порциями, следя за тем, чтобы его живот не раздувался от пищи. До четырехмесячного возраста — 5-6 раз в день, с четырех до шести месяцев — 4 раза, с шести до восьми — 3-4 раза, с восьми месяцев до полутора лет — 3 раза. И далее, как взрослому собаку — 2 раза в день.

Сразу же приучайте щенка к одному месту приема пищи — это и дисциплина, и гигиена. Миска — алюминиевая или эмалированная с гладкой поверхностью без сколов эмали и острых образований, дабы щенок не поранил язык.

Чтобы ваш питомец рос здоровым и невосприимчивым к заболеваниям, напри-

мер, чумой, глистами, энтеритом, кормите его исключительно сырыми продуктами. Вареный корм — мертв и вреден, ибо приводит к ожирению, одышке, неправильному прикусу, неприятному запаху из рта, седине и, как итог, преждевременной старости.

НЕ КОСТЬЮ ЕДИНОЙ...

Совсем другое дело — сырое мясо, продукт ценный, концентрированный. Перед тем, как предложить щенку, поддержите его два-три дня на открытом воздухе, укрыв от мух. Чрезвычайно ароматное и нежное, такое мясо легко усваивается органами пищеварения щенка.

Из хлебных злаков, как я уже сказал, предпочтителен геркулес. Особенно в сочетании с сырым мясом, залитым (за два часа до кормления) мясным бульоном или овощным отваром. Причем мясо следует нарезать кусочками, величина которых зависит от размеров щенка (и вашей зарплаты). Фарш — ни в коем случае. Не рекомендуется и хлеб, так как он загружает кишечник, выделяет много кислоты.

Корм должен быть чуть теплым.

Молоко давайте лучше всего вместе с творогом, яйцом или медом — так

легче усваивается. При поносе молоко можно заменить кефиром.

Очень хороша крапива: перемешайте ее с кормом, предварительно обдав кипятком и мелко нарезав. Нарезайте перед употреблением также свежие овощи, фрукты и ягоды, богатые витаминами и солями. Источником натурального йода — морская капуста, столь необходимая для усвоения калия и фосфора, повышения числа красных кровяных шариков и роста волосяного покрова, а стало быть, укрепления всего организма.

Полезны яйца и их скорлупа. Понимая, насколько это трудно сегодня, рекомендую скармливать щенку три яйца в неделю, добавляя кроме того в пищу мелко истолченную скорлупу.

Зимой и ранней весной незаменим рыбий жир — универсальное средство от рахита (примерно одна чайная ложка ежедневно).

И еще один совет: не препятствуйте естественным потребностям щенка. Не пугайтесь, к примеру, если он употребляет во время гуляния коровий или конский навоз (ему это на пользу), землю (для очистки стенок желудка от шлаков), траву или кости (только не птичьи, рыбы и острые говяжьи). Пусть ваш питомец развигивается по законам природы, тогда это будет красивая собака, крепкая, сильная и выносливая.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего внутренними
войсками МВД СССР.

000001—А. Г.

В девятом номере журнала за 1990 год увидел фотографию девушки. И стих: «...Ты вся — окрыленность мечты...» Мне очень нужно с ней познакомиться! Помогите, пожалуйста.

Немного о себе. Служу вот уже полгода в части специального назначения, девочки и другие гражданские лица, конечно, не представляют, сколько смелости и решительности требует эта служба.

А вот знакомиться с девушками я стесняюсь. Но хочу переписываться именно с этой девушкой. Мне кажется, она настоящая.

А. Г.

000002—С. П.

А мне в человеке нравится искренность. А то вы, девочки, клянутся ждать солдата «всю жизнь», но не пройдет и полгода, как «извини, будем друзьями».

Когда служба так сурова, как во внутренних войсках, крепкий тыл необходим вдвойне. А как и где найти настоящего друга, спутника (или спутницу) жизни, если жизнь — то военная зачастую вся на колесах да вдали от шума и блеска городского... Мы решили помочь в этом нашим читателям. Объявленный в первом номере Клуб знакомств «Возможна встреча» начинает действовать.

Редакция гарантирует анонимность и секретность сведений, сообщаемых в письмах абонентов.

Что ж, раньше вранье было? Вот и мне обещала...

А теперь я хотел бы встретить девушку, которая умеет держать слово. Мне нравится в человеке честность, доброта, а вот вранья, недомолвок не надо!

О себе: 19 лет, комсомолец (что сейчас не модно, да? Ну и пусть), играю на гитаре, люблю шахматы, фотографирование, пишу стихи (правда, только для друзей). Любимый поэт — Есенин.

Надеюсь на ваш журнал, может, мне повезет и откликнется девушка, с которой смогу связать свою жизнь?..

Сергей.

000003—Л. Б.

Так получилось, что недолгим было мое замужество. Любила, все прощала, старалась во всем помочь — ведь служба ответственная у моего лейтенанта,

боевая! А потом узнала, что не нужны мы ему с сынулей — с другой веселее. И вот теперь живем у моих родителей. А как жить? Неужели никому не верить? Где вы, любящие и верные, откликнитесь?

Лариса, 23 года.

000004—Е. М.

Никогда не писал подобных писем! Но эта девушка с тортом «в возрасте надежд» — на фотографии в девятом номере нашего журнала! Думаю, что сам я тоже пока не вышел из этого возраста, и хоть раньше отрицательно относился к тем, кто знакомится по переписке, но сейчас прошу вас помочь. Тем более, что стихи, опубликованные под фотографией, дают хоть и маленькую, но все-таки надежду.

Евгений М.

000005—Д. З.

И служба у нас, девушки, как принято говорить, суровая. А вот отдых... отдыха маловато. И так нужны, бывает, письма от хороших людей, друзей и подруг. Но подруги у меня пока нет. И очень хочется познакомиться и переписываться с милой девушкой небольшого роста и с карими глазами. Хорошо бы она увлекалась литературой, поп-музыкой — нашли бы о чем поговорить. Сам я люблю читать, спортсмен. Мне 18 лет, высокий, темноволосый — да ведь не во внешности дело, так?

Дмитрий.

ДЕЛОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Поскольку для знакомства по переписке нужны посреднические услуги и заниматься этим будут наши нештатные помощники, объявления в Клубе будут платными.

Если вы хотите, чтобы ваше объявление (не более 10—15 строк) было опубликовано, то надо выслать 10 рублей по адресу: 111250, г. Москва, Е-250, Калининское отделение Промстройбанка, расчетный счет

№ 340616, МФО-201207; затем письмо с вложенным в него объявлением, квитанцией о перечислении по почте 10 рублей и конвертом с вашим точным адресом высылайте в адрес редакции: 111250, г. Москва, Е-250, редакция журнала «На боевом посту». Вам будут высылаются все отклики на ваше объявление.

В случае если вы решите переписываться с какими-то абонентами, то редакция по

вашей заявке вышлет вам адреса авторов заинтересовавших вас объявлений. Вы можете заказать любое количество адресов из расчета 5 рублей за один адрес.

Военнослужащие срочной службы платят за объявления или адреса соответственно 5 и 3 рубля. Адрес они могут указать уже домашний.

В процессе дальнейшей деятельности Клуба возможны некоторые изменения в условиях оплаты.

ИРКУТСКИЙ ЗАВОД ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ — ГОЛОВНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В СТРАНЕ ПО ВЫПУСКУ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ДРАГ ДЛЯ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ, ПЛАТИНОВОЙ И АЛМАЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ — ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ СТАНОЧНИКОВ ОСНОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА, МАШИНИСТОВ КРАНА, ЭЛЕКТРОСВАРЩИКОВ И КОТЕЛЬЩИКОВ.

Рабочие этих специальностей, выполняющие производственные задания, соблюдающие правила трудового распорядка, имеют первоочередное право на:

— получение ежегодных щедрых премий и пособий к отпускам;

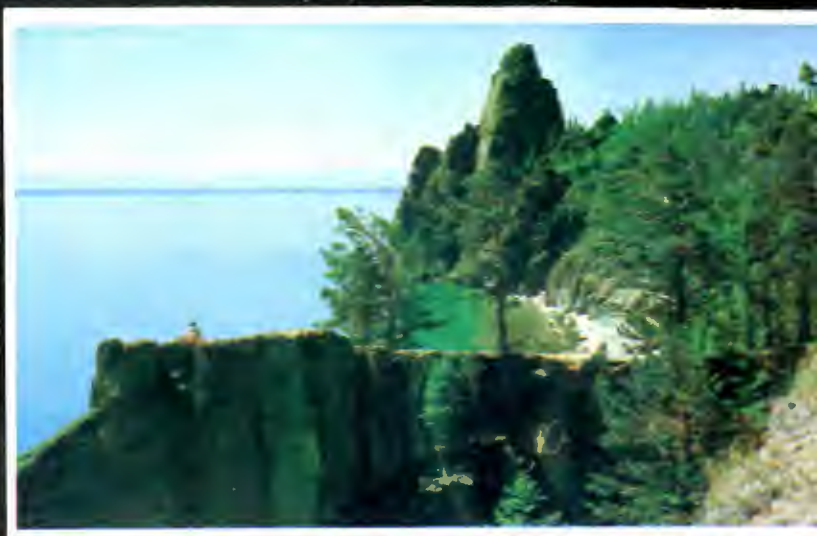
— заселение в общежития для малосемейных;

— обеспечение местами в детских яслях и садах;

— получение путевок в пионерский лагерь, в дома отдыха, пансионат «Нилова пустынь», на базу отдыха «Машиностроитель»;

— приобретение автотранспорта из лимита завода.

Принятые на работу имеют право в течение года на бесплатное проживание в общежитии, а также бесплатное одиоразовое питание.

ГОРОД НА АНГАРЕ ЖДЕТ ВАС

ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: 664026, Г. ИРКУТСК, УЛ. ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, Д. 1. ОТДЕЛ КАДРОВ.

ПРИГЛАШАЕТ ВОИНОВ, ЗАКОНЧИВШИХ СРОК
СЛУЖБЫ, В СВОЙ КОЛЛЕКТИВ.

Предприятие выпускает для народного хозяй-
ства строительную технику: лифты, башенные
краны, подъемники и механизмы, технологичес-
кое оборудование для ДСК и ЖБК, металличе-
ские и стальные конструкции, строительный ин-
вентарь и инструмент.

В выпуске и реализации продукции принима-
ют участие специалисты свыше 150 профессий
различных квалификаций.

У нас есть благоустроенные бытовые помеще-
ния, сауны, буфеты. К услугам рабочих — дом
быта, продовольственный и промтоварный мага-
зины, поликлиника. Имеется пионерский лагерь,
ясли и детские сады, двухдневный дом отдыха
«Весной» и база отдыха на Черном море. Для
любителей спорта — стадион, крытый плаватель-
ный бассейн, спортзал.

Без отрыва от производства заводчане могут
получить высшее или среднее образование. На-
чальная квалификация приобретаетась как на за-
воде, так и в заводском ПТУ-42.

КАРАЧАРОВСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД

Наш адрес: 109391, Москва, Рязанский про-
спект, д. 2. Телефон: 174-42-22.